

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2025
Том 7, № 2

2025
Vol. 7, no. 2

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия
имени В. М. Лебедева

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория K1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

ООО «Полиграф-Плюс»
Подписано в печать 30.06.2025
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 100 экз.

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal's aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Poligraph-Plus”
Signed to print 30.06.2025
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 100

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антошин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Габов Андрей Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляров Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head at the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey V. Gabov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor at the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Антюшин С. С.* Введение в методологию социальной идентичности 8
- Петухов Н. А., Рябцева Е. В.* Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 75-летию события) 34

УСТАНОВЛИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

- Корнеев В. Н.* Вступительная статья 51
- Завражнов С. А.* Учение Ф. Ф. Кокошкина о формах образования права: теоретико-правовой анализ 54

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Бегалиев Е. Н., Жемпиисов Н. Ш.* О феномене института «непроцессуальные контакты» в деятельности судьи (по законодательству Республики Казахстан) 67
- Барков А. В., Гришина Я. С.* О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений» 80

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Баженов А. Ю.* Концессии и соглашения о публично-частном партнерстве: сравнительный анализ и вопросы права собственности 96
- Фиошин А. В.* О непоименованных оценочных понятиях семейного права... 113

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Титов С. Н.* Квалификация завладения чужим имуществом в виртуальных мирах 128
- Арзамасов В. Ю.* Мошенничество с земельными участками 144
- Чич А. С.* Особенности обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, в суд апелляционной инстанции 157

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Евсеев А. П.* Межгосударственная унификация международных преступлений 171

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- S. S. Antyushin.* Introduction to the methodology of social identity..... 8
- N. A. Petukhov, E. V. Ryabtseva.* Khabarovsk trial of Japanese war criminals
(on the 75th anniversary of the event)..... 34

THE LINK OF TIMES

- V. N. Kornev.* Introductory article 51
- S. A. Zavrzhnov.* The Doctrine of F. F. Kokoshkin on the forms of law
formation: theoretical and legal analysis 54

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Ye. N. Begaliyev, N. Sh. Zhempiissov.* Phenomenon of the institute of “non-
procedural contacts” in the activities of a judge (according to the legislation
of the Republic of Kazakhstan) 67
- A. V. Barkov, Ya. S. Grishina.* On improving the legal structure of protecting
family members of deceased participants in a special military operation:
the problem of legalizing “de facto marital relations” 80

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- A. Yu. Bazhenov.* Concessions and agreements on public-private partnership:
comparative analysis and ownership rights 96
- A. V. Fioshin.* On unnamed evaluative concepts of family law 113

CRIMINAL LAW SCIENCES

- S. N. Titov.* Qualification of taking possession of someone else’s property
in virtual worlds 128
- V. Yu. Arzamasov.* Fraud with land plots 144
- A. S. Chich.* Features of appealing a verdict decided in a special procedure
of judicial proceedings to the court of appeal 157

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- A. P. Evseev.* Inter-state unification of international crimes 171

Введение в методологию социальной идентичности

Сергей Сергеевич Антюшин^{1, 2}

¹ *Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация*

² *Академия военных наук, Москва, Российская Федерация*
Serg.Ant@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9341-1834>

Аннотация

Введение. Идентичность представителя российской социальной системы на рубеже первой и второй четверти двадцать первого столетия представляет собой важную характеристику, от которой зависят стабильность и жизнеспособность России.

Методы. Философия представляет собой наиболее универсальную систему знаний и опыта, quintessence развития культуры. Философия аккумулирует и использует позитивный опыт всех наиболее значимых форм освоения действительности, а также является метазнанием для всех актуальных практик познавательно-преобразовательной деятельности.

Результаты исследования. Сформулированы основные вопросы, подлежащие рассмотрению в рамках проблемы социальной идентичности. Рассмотрены этимология понятия «идентичность», разновидности его экспликаций. Приведены наиболее распространенные смыслы и модусы употребления понятия «идентичность». Отдельно рассмотрены варианты использования данного понятия применительно к социальным системам, общественным отношениям. Соотнесены феномены идентичности и субъектности в качестве характеристик участников общественных отношений.

Обсуждение и заключение. Обоснованы актуальность проблемы идентичности, важность формирования методологии анализа приоритетных вопросов данной проблематики. Намечены дальнейшие шаги по детализации и конкретизации теоретической и практической составляющих широкого круга вопросов в рамках проблемы социальной идентичности.

Ключевые слова: безопасность России, идентичность, методология, общее, особенное, культура, человек, социальное развитие, субъект, социальная система, общественные отношения

Для цитирования: Антюшин С. С. Введение в методологию социальной идентичности // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 8–33. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.8-33.

Original article

Introduction to the Methodology of Social Identity

Sergey S. Antyushin^{1, 2}

¹ *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

² *Academy of Military Sciences, Moscow, Russia*
Serg.Ant@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9341-1834>

Abstract

Introduction. The identity of a representative of the Russian social system at the turn of the first and second quarters of the twenty-first century is an important characteristic on which the stability and viability of Russia depends.

Methods. Philosophy is the most universal system of knowledge and experience, the quintessence of cultural development. Philosophy accumulates and uses the positive experience of all the most significant forms of mastering reality, and is also a meta-knowledge for all relevant practices of cognitive-transformative activity.

Results. The main issues to be considered within the framework of the problem of social identity are formulated. The etymology of the concept of “identity” and the varieties of its explications are considered. The most common meanings and modes of using the concept of “identity” are given. The variants of using this concept in relation to social systems and public relations are considered separately. The phenomena of identity and subjectivity are correlated as characteristics of participants in public relations.

Discussion and Conclusion. The relevance of the identity problem and the importance of forming a methodology for analyzing priority issues of this issue are substantiated. Further steps are outlined to detail and concretize the theoretical and practical components of a wide range of issues within the framework of the problem of social identity.

Keywords: security and safety of Russia, identity, methodology, general, special, culture, person, social development, subject, social system, social relations

For citation: Antyushin, S. S. Introduction to the methodology of social identity. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):8-33. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.8-33.

Введение

Понимание – преимущество, прерогатива, важнейшая особенность человека, отличающая его от животного. У людей есть возможность понимать «себя», т. е. осознавать свои интересы, предпочтения, возможности, долг, обязанности, и «мир», то, что с ним происходит, что может произойти, что для него в мире предпочтительно, что нежелательно. Субъект, таким образом, имеет возможность и право, а в силу своей принадлежности к обществу, которому он многим обязан, – и долг осмысленной жизни. Большинство людей реализуют эти свои возможности, стараются выполнять обязательства перед другими людьми и поэтому стремятся иметь как можно более ясные представления о среде, в которой они живут, – о природе, об обществе, о правилах общежития, о профессиональных обязанностях, этических и правовых нормах и тому подобном.

Однако далеко не всегда человек верно воспринимает свои возможности. Людям свойственно в чем-то переоценивать, а в чем-то недооценивать себя. Неверное определение своей роли в конкретной ситуации, своих прав, обязанностей, ошибки и искажения в понимании предназначения, функций, полномочий профессионального характера, предвзятость в осмыслении конкретных фактов не добавляют устойчивости положения, не улучшают перспектив субъекта общественных отношений, истории, культурной активности ни отдельного человека, ни устойчивой группы, ни страны. Еще больше проблем в решении повседневных вопросов, постоянных задач, в определении, формулировании, достижении главных целей субъекта – в недостатке ясности и глубины его идентичности.

Не каждый человек задумывается о том, кто он; внимание многих сосредоточено на решении нескончаемой череды сиюминутных рутинных вопросов, которые ставит перед ними жизнь, возможно, кажущаяся многим довольно однообразной, маловыразительной, временами безрадостной. От пессимизма – одними тщательно скрываемого, другими демонстрируемого – таких людей не спасают ни усложнение культуры, предоставляющее больше возможностей для самореализации, ни технико-технологический прогресс, повышающий разнообразие и уровень «степеней социальной свободы», рост уровня жизни, социального обеспечения, появление свободного времени. И оптимист, не стремящийся уяснить своих социокультурных оснований, отказывающийся от культурно-исторического, эмоционально-нравственного, нормативно-традиционного, мировоззренческого багажа вполне определенной социальной общности – страны, цивилизации, иной социальной системы, ограничивает свои возможности, перспективы. У него меньше вероятности достижения важных целей, больше вероятности возникновения труднопреодолимых препятствий на пути к ним, выше риск целенаправленного, зачастую даже несправедливого противодействия его социальной активности.

От уровня самосознания, от глубины понимания человеком своего места в обществе, а общества – в мировой истории и в культуре зависят судьба и повседневная жизнь всей страны и каждого отдельного ее гражданина. Чем шире кругозор и профессиональные знания членов общества, чем глубже усвоены ими традиции своего народа и выработанные многими поколениями принципы внутреннего взаимодействия и внешних связей, чем дороже ценности своей страны и яснее цели ее развития, тем прочнее и надежнее основы крепких производственных и общественных связей, эффективных решений на всех уровнях конструктивной деятельности, творчества и самоотверженности каждого представителя социальной системы.

Важнейшая область понимания – стратегия социального развития (общего, всей социальной системы, с учетом состояния и эволюционных

процессов всей человеческой цивилизации). Отсюда следует важность знания того, что происходит в макросоциальных отношениях, отношениях внутри отдельной относительно самостоятельной самодостаточной социальной системы (страны). Следовательно, необходим высокий уровень культуры, образования, опыт осмысления масштабных процессов и явлений, исторического развития, понимание вероятных последствий объективных условий, факторов и субъективных устремлений, частных проявлений социальной активности.

Имеют значение «структура», «глубина», «прочность» культуры отдельного индивида, коллектива, профессионального сообщества, общества в целом и его составных частей. Важная составная часть культуры индивида – особенности мировоззренческого характера, глубина и прочность его социально-исторической «привязки». Это условие более ясного понимания предназначения каждого субъекта общественных отношений, его самооценки, «социальной эффективности», качество взаимодействия между субъектами... Чрезвычайная важность идентичности человека и общества, а также острая необходимость обеспечения вполне конкретного ее модуса очевидны.

Идентичность в любом из ее значений, пониманий, проявлений отражает тот или иной уровень и качество (содержание) социальной определенности конкретного субъекта общественных отношений.

Социальная идентичность отражает меру определенности эволюционирующего фрагмента (единицы) макросоциума – социальной системы, подсистемы, социального института, сословия, социального класса, организации, отдельного члена общества – обладающего достаточно ярко выраженной «степенью субъектности», способностью рефлексировать, использующего целеполагание, нормативность поведения отношений и т. д. Социальный субъект отличается осознанной активностью, основанной на определенном мировоззрении, социальном статусе, характере системы отношений внутри социума. Однако важна не просто как можно большая определенность мировоззренческих, морально-психологических особенностей субъекта, но именно тот ее вариант, который обеспечит наивысшую из возможных степень гармонии интересов общества, государства и бесспорно подавляющего большинства людей, составляющих общество.

Идентичность людей, составляющих российскую социальную систему, – коренных граждан страны или добровольно целенаправленно ставших ими, осознанно признавших себя частью русской культуры, в конце первой четверти двадцатого столетия представляет собой сложное и довольно неопределенное явление. Вопросы идентичности в той или иной постановке возникают в информационном поле по различным поводам, в теоретической и практической проекциях, по отношению к разным состояниям общества и общественных отношений. В центре проблематики культурной, социально-исторической, мировоззренческой

определенности субъектов отношений российского общества возникают вопросы о том, что собой представляет идентичность в организационном, мировоззренческо-смысловом и других отношениях; какой она может быть по содержанию и какой должна быть, какова ее роль в жизни человека и общества.

Кроме того, важно как можно лучше видеть причины и опасности мировоззренческой неопределенности, исследовать типологию идентичности и технологию ее воспроизводства.

Уровнем значимости слагаемых проблематики идентичности, их сложностью обусловлен выбор методов решения всех этих вопросов.

Формирование методологии идентичности

Обращение к теоретическим вопросам требует использования соответствующего их цели и уровню исследовательского инструментария. Проблемы, связанные с жизнью и развитием общества, с определением его существенных параметров, в том числе соотношения и взаимозависимости состояния, существенны и масштабны. Мировоззренческие компоненты сознания, структура ценностей, интересов и других особенностей (сущностных характеристик) человека, социальной системы, частью которой он является, – категории такого содержания, качества, масштаба, которым в полной мере соответствует философский уровень.

Разумеется, другие формы освоения человеком действительности, наиболее известные по своей роли в истории и развитии цивилизации, самые общие и репрезентативные в отражении основных проявлений культуры, такие как мифология, религия, искусство, предлагают свои интерпретации основных проблем общественного бытия и социальной эволюции. Однако их концепции, методы, решения не столь универсальны и объективны, как философия. Философское знание при всей его неоднородности, множестве различных точек зрения, допустимости выводов без их строгой эмпирической обоснованности более продуктивно и функционально, не столь «предзадано», менее предвзято. Идеологическая непримиримость и догматизм, встречающиеся в религии, эмоционально-эстетический бунт и пренебрежение общественным мнением, нередко возникающие в искусстве, доходящая порой до абсурда иррациональность и сомнительность «обратной связи», свойственной мифологии, для философии не характерны. А вот размышления об особенностях и религии, и искусства, и мифологии, и любых других проявлений культуры – как «оформленных», систематизированных, обладающих элементами академичности (прежде всего), так и полустихийных, ситуативных (при необходимости, особенно при выявлении в них «силуэтов регулярности») – в аспекте изучения и сопоставления общего и особенного в них не только характерны, но именно для философии имманентно и функционально обязательны.

Серьезные исследования, решения большинства важных практических задач, особенно масштабных, стоящих перед государствами, несколько последних столетий не обходятся без участия в этих процессах

науки. Наука – область сложной, активно развивающейся мультидисциплинарной системы знаний, возникшая с объективной необходимостью как ответ культуры на вызовы, появляющиеся в процессе ее воспроизводства, – «самая рациональная» форма освоения человеком действительности. Рациональность научная особого рода: она изначально преследует принципиальную цель избежать предвзятости, субъективности в изучении, оценке, интерпретации окружающей действительности. И даже то, что на постнеклассическом (несколько условном в силу размытости и субъективности определения такого рода границ, «асинхронности» развития различных научных областей, дисциплин) этапе развития науки возникло осознание невозможности исключить из «контура» исследований «человеческий фактор», а значит, и некоторую меру субъективности, скорее подтверждает приверженность рациональности. Наука пришла к этому выводу именно благодаря строгому следованию принципу опоры на факты, на эмпирику. Субъективность в этом случае направлена не на попытку утверждения возможности противоречить объективным выводам, а на возможность ученого при обнаружении новых закономерностей критически отнестись к положению, считающемуся объективным «до поры до времени», действующему в ограниченных пределах, перестающему «работать» в более широком значении.

Философия, требования рациональности в которой не так категоричны (как в науке) и главные функции которой не позволяют упускать из поля зрения главного «заказчика», «выгодоприобретателя» результатов философской деятельности (впрочем, так же, как и мифологии, религии, искусства, науки) – Человека во всех его позитивных и конструктивных проявлениях, – по большому счету и не ставила задачи вывести надежды, устремления и даже слабости человека за «периметр» философских изысканий. Даже если в объектно-предметную область таких изысканий человек непосредственно не попадает или, напротив, если человек становится объектом пристального исследования как бы абсолютно «извне». В большей или меньшей степени явной, но неперменной включенностью человека во всякого рода философские цели, задачи, рассуждения, выводы, по мнению специалистов, особенно отличается русская философия.

Наука, представляющая собой совокупность множества частных научных дисциплин, не только не представляет целостных концепций по наиболее общим вопросам развития и функционирования социальных систем, но и не ставит такой цели в силу тех очень важных задач, которые каждая из составляющих ее научных дисциплин целенаправленно и с высоким качеством решает. Предназначение, стиль деятельности, методология, практическая доказательность положений науки формируют ее специфику, которую не заменит ни один, включая и философию, другой способ и аспект многоуровневой, многосторонней адаптации общества к природе, частью которой оно является. Философия не конкуриру-

ет с наукой, а пребывает с ней в отношении плодотворного партнерства, стремится максимально полно и бережно использовать все ее достижения.

Впрочем, философия внимательна не только к достижениям науки – отдельным открытиям, завоеваниям частных наук, принципам общенаучных «парадигм» и «типов научной рациональности». Специалисты в области философского знания не оставляют без внимания роль и значение в жизни человека и общества мифологии, религии, искусства, которые продолжают в той или иной мере развиваться и оказывать серьезное воздействие на сознание и образ жизни миллиардов людей на планете. Философия выявляет их сильные стороны и противоречия, традиции и ценности, типологию и элементы методологии. Философия не пренебрегает и менее системным, не обладающим строгими «академическими» формами обыденным сознанием в качестве уровня и типа адаптации к действительности.

Философский подход, предполагающий выявление сущностных параметров объекта, наиболее общих закономерностей действительности, параметров самых репрезентативных форм бытия и типологии их проявлений, в наибольшей степени соответствует стратегическому уровню анализа состояния социальной системы, характера ее развития, внутренних и внешних связей. Вместе с тем философский подход позволяет в общем эволюционном процессе (общества, цивилизации) рассматривать как типичные, так и уникальные частности, изучать элементы, подсистемы вплоть до отдельного человека и даже отдельных его типичных и нетипичных черт характера, психологических особенностей, компонентов мировоззрения, настроений. Но рассматривает при этом любую частность в отношении с целым, с общим, с объективными законами.

Как считал последовательный критик философии О. Конт, тем не менее отдавая ей должное, стадия философии (метафизики) необходима как в становлении культуры (по Конту – метафизическая или абстрактная стадия), так и в познавательном процессе. Наполнение научного понятия теоретической силой проходит стадию выявления связи общего, к которому применимо это понятие, и множества частных реальностей, действия объективных законов. Конт утверждал, что «...опыт установления естественных законов для каждого класса явлений... необходим для того, чтобы сообщить этому понятию ту непоколебимую силу, которую оно начинает представлять в наиболее передовых науках [1, с. 83].

В качестве примеров философской методологии высокой эффективности обычно приводят диалектический метод во всем объеме его принципов, законов, категорий. Однако и метафизический подход, скептический к всеобщим связям и непрерывному движению, может успешно применяться при необходимости. Свои элементы наиболее общей (философской) методологии выдвинули герменевтика, структурализм, синергетика и ряд других школ и направлений философии.

Возможности философии как особого вида понимания, освоения действительности – особенности философской рефлексии, конкретные методы, типы, модусы миропонимания и т. д. – представляют собой универсальный (хотя в конкретных познавательных ситуациях далеко не исчерпывающий) комплекс «инструментов» осмысления реальности. И это вдобавок к тому, что в любой без исключения познавательной-преобразовательной деятельности методологическая роль философии атрибутивна в силу ее мировоззренческой и методологической функций.

Наконец, без философии невозможно обойтись в решении вопросов, связанных с социальной идентичностью, еще и потому, что именно философия была и остается важнейшим фактором формирования идентичности, как человечества в целом, так и любого конкретного социума [2, с. 50]. Тем более такого, который, являясь локальной цивилизацией, играет одну из главных ролей в формировании мировой культуры.

Россия – именно такая социальная система [3, с. 576, 580; 4, с. 220–221, 580].

Результаты исследования

1. Определение круга вопросов

Постановка проблемы считается важным шагом в ее решении. Более точная ее формулировка – необходимый этап осмысления проблемы, совокупности вопросов, связанных с ней, выявления угроз, понимания вероятности ее преодоления и совокупности мер, позволяющих добиться поставленной цели. Значит, постановка проблемы – это лишь начало большого труда, завершения которого может и не быть. Например, заботиться о безопасности общества, об уровне жизни его граждан, о качестве их образования нужно постоянно. Проблема социальной идентичности – такого же рода. Следовательно, ее решение требует усилий и ресурсов всего общества на протяжении всего его существования, что неизбежно возводит признание идентичности во всей сложной совокупности ее вопросов и задач в разряд стратегических целей. Значит, без повновесного участия государства, без целенаправленной практической работы всех основных институтов социальной системы, всех ее компонентов и элементов не обойтись. Поэтому уже сама постановка проблемы требует детального ее осмысления.

С проблемой идентичности связаны важные характеристики социальной системы, ее жизнеспособность, продуктивность внутренних связей, степень сплоченности, способность занять достойное место в системе мировых отношений, в историческом процессе, стратегия ее развития.

Важная составляющая стратегии государства – в решении ключевых проблем общества, определении и защите его ценностей, реализации целей, принципов организации общества для наиболее эффективного и

точного достижения этих целей, воспроизводства фундаментальных традиций, базовых ценностей. Государство, ограничивающееся вопреки интересам остального общества реализацией интересов преимущественно одного социального слоя или группы – части класса, сословия, слоя, – заслуживает «клейма» антинародного. В социальной системе, представляющей собой самостоятельное общество, субъекта международных отношений, мировой истории, на практике возможно реализовывать либо интересы общества в целом, используя все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, либо интересы одной группы (связанных между собой групп) людей за счет интересов всех остальных членов общества. Второй вариант предполагает приоритет интересов сравнительно немногочисленной социальной группы (прослойки, класса, сословия, страты...) над интересами всех остальных членов общества – народа. С точки зрения общей эволюции культуры это деструктивный вариант, противоречащий гуманизму, всему ходу исторического развития.

В проекции проблемы социальной идентичности на состояние и развитие социума, целенаправленно создаваемое социальное неравенство, возведение несправедливости в норму (пусть и не открыто декларируемую, но практически реализуемую, очевидную по факту своего существования) – свидетельство как минимум существования в одной социальной системе различных типов идентичности, противоречащих друг другу. В самом общем плане подтверждается, что в социальной практике вполне вероятно несовпадение разных видов и типов идентичности: социокультурной, исторической, классовой, корпоративной, государственной, профессиональной. «Вторым слоем» проблемы идентичности в обществе с «запущенной формой социального неравенства», как правило, становится расслоение идентичности реальной и идентичности декларируемой. Возникает и «третий слой» проблемы социальной идентичности, выраженный в размывании идентичности, снижении мировоззренческой, этической, ценностной определенности.

Есть и иные уровни проблемы социальной идентичности. Однако наиболее важные характеристики, стабильность и жизнеспособность социальной системы зависят прежде всего от качества осмысления и решения следующих аспектов проблемы:

- возникновение потенциально или актуально конфликтующих между собой типов социальной идентичности;
- несовпадение идентичности реальной, объективной и идентичности формальной, навязываемой;
- размывание идентичности, ее упрощение и ослабление.

Преодоление данных несовершенств социума – постоянно актуальная теоретическая и практическая задача (в действительности комплекс задач!) государства и всего общества.

Проблематика идентичности участника (субъекта) общественных отношений представляет собой систему вопросов социально-гуманитар-

ного характера, обусловленных дисциплинарными – онтологическими, социально-философскими, философско-антропологическими, этическими, аксиологическими, а также политологическими, социологическими, психологическими, экономическими и другими – особенностями дополняющих друг друга вариантов их теоретического анализа и практического решения. Практический уровень ответов на вопросы, связанные с социальной идентичностью, не менее сложен, чем теоретический, потому что помимо комплекса решений идеологической, экономической, политической, организационно-методической, профессионально-кадровой, информационной (и т. п.) направленности практика требует (и включает в себя) как минимум действенной и оперативной обратной связи как с теми, кто реализует формирование идентичности, так и с теорией.

Составные части стратегических целей любого общества (осмысленных и сформулированных учеными, должностными лицами государства, вождями, представителями элит, идеологами) включают достоинство граждан, счастье людей, их уверенность в себе и своей стране, социальное единство. В XXI веке к этому добавляется ясное понимание того, что представляют собой достоинство, счастье, реальные интересы, собственные приоритеты, в чем заключаются фундаментальные ценности, традиции, цели, принципы социальной системы, с которой человек связывает свою судьбу. Не менее важно понимание необходимости общественного взаимопонимания, взаимной поддержки. Наряду с практической активностью людей, осознающих себя в качестве неотъемлемой важной части социальной системы, все более важна высокая мера социальной рефлексии. Эффективное развитие социума, осуществление его стратегии, обеспечение жизнеспособности в связи с развитием и усложнением культуры все больше зависят от понимания людьми действительности, необходимости добросовестного труда, органичного взаимодействия внутри общества. На примере экспоненциального роста объема и агрессивности информации отчетливо видно, что опыт социальной рефлексии, способность критически относиться к разного рода смыслам, трактовкам событий, информационным провокациям, «борьбе идеологем» и т. п. – обязательные условия самостоятельности мышления, способности принятия верных решений.

Очевидна значимость самосознания, осмысленной идентичности, высокого уровня ее определенности в деле обеспечения безопасности и устойчивого развития общества.

Помимо позитивного аспекта определения важности идентичности есть и негативный. Размытая, формальная идентичность или другой вариант фактического отсутствия ее связи с качественными и количественными сторонами развития социума, с одной стороны, существенно ослабляют общество, сводят социальную систему к ее внешней (механической) составляющей. С другой стороны, неразвитая или дремлющая

идентичность снижает гуманистическую, культурную сторону ее носителя – человека, ограничивает возможности рациональной, нравственной, целеполагающей составляющей его сущности.

Актуальность проблематики идентичности подтверждается вниманием политической власти к ее практической проекции. Президент Российской Федерации Владимир Путин на заседании Совета по международным отношениям в мае 2023 г. заявил: «За последние годы консолидация российского общества существенно выросла...», пояснив, что «...уровень именно общегражданской идентичности – это когда человек в первую очередь считает себя гражданином России, а потом уже представителем той или иной национальности... За 5 последних лет он вырос на треть и на начало 2023 года превысил 94%»¹.

Примечательна не «точность» цифр, а проявленная таким образом потребность в укреплении идентичности, в понимании ее сущности, создании возможности оценивать ее характеристики и влиять на ее параметры. Внимание к идентичности представителей власти, участников политического, идеологического, психологического противоборства – иногда конструктивное, иногда деструктивное, в одних случаях позитивно-взвешенное, в других болезненно-предвзятое – только за последние 2–3 года подтверждается событиями в зоне СВО на Украине и вокруг развивающихся там процессов, на Ближнем Востоке в Арабо-Израильском противостоянии, а также на Кавказе, в Африке и во многих других районах планеты, в которых этнокультурные проблемы и противоречия сыграли большую роль в обострении конфликтов, перешедших в фазу открытых вооруженных столкновений.

Итак, от решения проблемы социальной идентичности непосредственно зависят безопасность, стабильность, жизнеспособность социума, уровень и качество жизни каждого субъекта общественных отношений, судьба России и ее граждан.

Методология анализа и формирования идентичности включает внимание к онтологической составляющей проблемы, которая на практике складывается из ряда направлений и задач исследования. В частности (как минимум), необходимо *уточнить сущность объекта анализа*. Важно как можно более точно установить, что собой представляет идентичность, компонентом чего является.

Социальная идентичность не существует сама по себе. Она присуща субъекту. Идентичность может восприниматься, подвергаться изучению, воздействию изнутри – со стороны самого ее носителя, или извне – со стороны одного или нескольких субъектов. Поэтому одним из компонентов рассматриваемой проблематики является *вопрос о субъект-*

¹ Путин: Уровень общегражданской идентичности в РФ вырос с 63% до 94% // Российская газета. 2023. 19 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/19/putin-uroven-obshchegrazhdanskoj-identichnosti-v-rf-vyros-s-63-do-94.html>.

ности, в том числе о ее атрибутивности по отношению к участникам общественных отношений, вероятных параметрах, о ее соотношении с идентичностью.

Разнообразие субъектов общественных отношений велико, если не бесконечно. Индивиды, социальные группы, сообщества, разного рода и масштаба социальные системы – неполные, произвольные «условно-отправные» виды возможной типологии субъектов. Идентичность каждого субъекта отличается своими особенностями. Этим обусловлены *вопросы о типичном в идентичности*: о ее содержании, необходимых компонентах, а также о возможных ее видах и типах.

Не любая идентичность конструктивна по отношению к обществу. Отсюда вопросы о факторах, которыми обусловлены ее формирование, трансформация, о возможности влияния на ее характеристики.

Важно понимать значение *культурно-исторической определенности субъекта международных отношений*. Необходимо выявить возможности исследования генезиса идентичности наиболее значимых акторов макросоциального процесса, особенности того, что эта идентичность (цивилизационная, коллективная, индивидуальная) представляет собой в XXI в. Чрезвычайно важно максимально ясное выявление слагаемых определенности российского социума, русской цивилизации, русского мира. Особенно насущной выглядит эта задача на фоне очередного обострения разворачивающейся на протяжении нескольких тысячелетий драмы цивилизационного становления и противоборства различных «парадигм» социального развития.

Культурно-историческая определенность социальной системы «Россия» имеет огромное значение не только для российского общества, а в силу значимости России в мировой истории и культуре – и для всего мира.

2. Подходы к решениям

Ясность или, по меньшей мере, максимально возможная определенность в понимании действительности, ее частных форм, проявлений – залог и условие прогнозируемой вероятности сравнительно безопасного пребывания в этой действительности. Эффективное решение задач, стоящих перед человеком (и человечеством) вообще и каждым представителем мира людей, зависит от глубины и детальности осмысления фрагментов бытия, протекающих в нем объективных процессов, иных его сравнительно частных проявлений, форм и их сущности, содержания. Степенью понимания внешнего мира обусловлена возможность предвидения результатов взаимодействия его компонентов, элементов, процессов, а также вариантов и интенсивности возможного их влияния на социум и каждого его субъекта. Человечество всегда заботится о том, чтобы мера глубины, всесторонности, детализации понимания окружающей действительности, природы, места человека в ней, а также адекватность самооценки человека постоянно повышалась. Этим вызвано появление

и развитие рациональных способов освоения действительности – философии, науки...

Вместе с тем стремление ко все большей ясности имеет свои пределы, критерии, обусловленные целями познавательно-преобразовательной деятельности. Обнаруженная, а потому с энтузиазмом, познавательным азартом реализуемая возможность все большей детализации исследуемого объекта может привести к неожиданному и даже противоположному запланированному результату. Исследователь заворуженно открывает новые и новые детали, с восторгом снимает слой за слоем ранее недоступные пониманию «уровни» сущности объекта исследования. Азарт, желание не упустить важные факты, тщательнее разглядеть открывшиеся глубины могут привести к изменению познавательных приоритетов, «потере» общей картины, первоначальной цели.

Поэтому стоит всегда помнить об общем, видеть связь и взаимное воздействие общего и частного, конкретного, фрагментарного, локального, не допускать растворения центральных идей, фундаментальных принципов, сущностных параметров, атрибутивных свойств в частностях. При этом нельзя упускать из поля зрения опасность унификации, «обезличивания» частных, особенно модусов культуры, специфики социальных образований, индивидуальности. В решении этих вопросов заключается одна из важных функций философии. Не в окончательной «решенности» тех или иных проблем, а в постоянной их «решаемости». Окончательное решение принципиальных вопросов в эволюционирующем социуме вообще вряд ли возможно. Но осознание решаемости их, возможности совершенствования параметров социума, эффективности общественных отношений необходимо. Так, важно осмыслить баланс общего и частного в идентичности, типичного и индивидуального, универсального и уникального и т. п. Ключевой задачей философии было и остается содействие решению подобных вопросов на практике.

По поводу идентичности существует немало различных мнений, суждений, так или иначе обоснованных дефиниций. Совокупность (суммарная) всех содержащихся в них нюансов, отражающих сущность объекта, собственно идентичности, достаточно внушительна по числу свойств, характеристик, важных «оттенков» понимания рассматриваемого объекта. Попытка не упустить ни одно из «прочтений идентичности» специалистами в разных областях знания может сделать анализ идентичности бесконечным. Это неудивительно, потому что социум непрерывно развивается и усложняется. И для каждой из частных наук изучение различных сторон, вновь открывающихся аспектов исследуемого объекта – закономерное явление и вполне обычная работа.

В то же время решение общих, а тем более срочных или постоянно актуальных задач (социальная идентичность важна всегда) требует приемлемой оперативности. Культура активно развивается, проблемы, связанные с идентичностью непосредственно и опосредованно, видоизменяют-

ся, но имеют и некое ядро, мало поддающееся трансформации хотя бы в силу того, что человек остается человеком. И с этим важно вовремя (как можно раньше и как можно точнее) разбираться.

Не нужно сбрасывать со счетов и обычные человеческие ожидания, желания. Человек стремится знать то, что, по его мнению, доступно его пониманию, что его заинтересовало, и достойно, комфортно, полноценно жить (в соответствии с критериями, правилами, которые ему удалось осознать, понять, признать значимыми) не когда-то, а желательно прямо сейчас (одно из распространенных словосочетаний: «right now»).

На помощь в таких случаях приходит «философский уровень» и соответствующая методология. Философия с благодарностью (хотя и по возможности) использует весь методологический, терминологический, эмпирический арсенал научного знания. И не только научного. Вместе с тем философский подход (уровень, вид осмысления действительности, способ анализа, тип рефлексии...) относительно независим от норм и ограничений иных видов освоения окружающей действительности, макросоциальной адаптации. Мифология требует безоговорочного доверия нарративу фантазмагорий, включенных в череду эпизодов (вынужденных) иносказаний и завуалированных под них. Религия настойчиво формулирует незыблемые императивы, представляющие собой в некоторых ситуациях непреодолимые преграды. Искусство капризно настаивает на возможности нарушать едва ли не всякие границы и запреты, кроме (собственного) запрета на запрет искусства. Наука упорно придерживается рамок объективных законов. И философия не стремится их нарушать; точно так же, как не ломает никаких выстроенных тысячелетиями систем знаний и опыта, позволяющих человеку ориентироваться в окружающей действительности, эффективно адаптироваться к ней и даже адаптировать часть действительности под собственные нужды. Вместе с тем философия с большей смелостью заглядывает за любой горизонт, неумолимо отвергает любые предрассудки, конструктивно критикует любые мировоззренческие подходы и когнитивные технологии, не говоря о догматических запретах. Однако философия не останавливается на критике, а аккумулирует все наиболее продуктивное из выработанного культурой, весь позитивный опыт, наиболее совершенное знание, т. е. все, что позволяет улучшать параметры социальных систем и отношений между ними.

Тем самым повышается вероятность преодоления узкодисциплинарных перекосов, профессионально-субъективных смещений, просчетов, вызванных увлечением частностями, переоценкой деталей.

Затруднения при анализе феномена идентичности в каждом случае преодолеваются в соответствии с конкретной ситуацией. Общий подход не обещает создания универсального ключа, обеспечивающего безусловное, полное и точное решение всякой задачи такого рода. Методо-

логическая основа работы (исследования объекта, процесса, феномена, преобразования системы, параметра, выработки решений и т. д.) с любой проблематикой предполагает формирование базовых начал, принципов, инструментов, алгоритмов, других составных частей методики, технологий, которые дают возможность исследователю выбрать их комбинацию и последовательность, позволяющую приступить к решению задачи нужного уровня, масштаба, сложности, важности. Философия обладает для этого наиболее проверенной и «многоцелевой» системой знаний. Уже одно понимание этого обнадеживает в успехе решения вопросов исследования идентичности, в том числе определения ее сущности.

3. Понятие и сущность идентичности в системе смыслов социально-гуманитарных знаний

Понятие «идентичность» возникло не в рамках социально-гуманитарных теорий.

Латинское слово «idem» известно примерно с середины первого тысячелетия, переводится на русский как «тот же», «такой же»². Самое обычное понятие. Подобное, вероятно, найдется в любом другом языке. Так, в древнегреческом встречается слово «ὁμοιος», которое означает «подобный», «одинаковый»³.

Однако в силу особенностей мирового культурного развития на важном этапе эволюции ее европоцентричного варианта именно латинские *identitas* (тождественность), *identicus* (тождественный, одинаковый) стали основой семейства понятий (некоторых в статусе терминов), в том числе и такого, как «идентичность». В русскоязычной традиции в самом общем плане и лаконичной трактовке идентичность понимают как тождество, совпадение двух предметов или понятий⁴.

Попытка установить методологическую ценность данных и им подобных наиболее общих (в какой-то мере универсальных) определений приводит к некоторым выводам.

Обращает на себя внимание то, что идентичность фиксирует некое сходство, достаточно высокую меру соответствия рационально-эмоциональных отражений реальности в сознании (ощущений, восприятий, представлений, а также впечатлений, переживаний, настроений...), оцениваемых как нечто разнесенное в пространстве, времени, проекции,

² Розенталь И. С., Соколов В. С. Учебник латинского языка. Для юрид. и иных гуманитар. вузов и фак. 2-е изд., стер. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 265.

³ Ивахнова-Гордеева А. М., Смирнова А. С. Древнегреческий язык. Элементарный курс с упражнениями для студентов-медиков и преподавателей : учеб. пособие / под ред. А. М. Ивахновой-Гордеевой. СПб. : СпецЛит, 2013. С. 89.

⁴ Большая Советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 10. Ива- – Италики. М. : Сов. энцикл., 1972. С. 39.

уровне постижения и т. д. Сопоставляться могут материальные объекты (скажем, электрические самокаты, которыми миллионы людей по всему миру пользуются, даже не задумываясь о том, как они работают, откуда берутся, куда исчезают), процессы, системы, явления, обладающие физическими параметрами и поддающиеся анализу соответствующими методами, позволяющими измерять, сопоставлять эти параметры. Объектами наблюдения и анализа со стороны идентичности могут быть (и рассматриваются) фрагменты, системы живой природы, а значит, и человек во всех его проявлениях. Точно так же оказываются предметом исследования и параметры социальных систем, и сами эти системы, субъекты общественных отношений, проявления активности человека и т. п. Фактически могут наблюдаться два различных объекта (или более), но в силу тех или иных (схожих) обстоятельств принимаемых, однако, наблюдателем за один и тот же объект (процесс, явление). В других случаях в действительности один и тот же объект в разное время (или, например, в разных условиях, в различных проекциях) может быть принят за два или более похожих друг на друга.

Скудные по содержанию определения, удобные для общих рассуждений, в целях осуществления сравнительно грубой типологии, не годятся для решения более частных вопросов, более «тонких» задач. В конкретных условиях, как правило, требуется более детальное определение идентичности. Одно дело, когда речь идет, например, о самокате, другое дело – изучение реального человека или анализ социальной системы.

Существование большого количества «пониманий» идентичности и возникновение все новых частных суждений, трактовок, экспликаций этого понятия обусловлены гносеологическими и иными теоретическими и практическими потребностями. Констатация естественного неизбежного роста объема смыслов вследствие осмысления идентичности вовсе не означает уменьшения значимости каждого частного суждения (определения, гипотезы, концепции, теории) на этот счет.

Однако, во-первых, стоит установить общую основу различных определений идентичности – то, что для них стало общим, что послужило причиной распространения, дополнения первоначальных смыслов.

Во-вторых, важно выявить наиболее общие направления, порядок, алгоритмы усложнения смыслов идентичности, использования формируемых ими (производных от них) понятий, терминов в теории и практике – в разных областях знания и сферах социального воспроизводства.

В-третьих, необходимо уточнить то особенное, что отличает понятие «идентичность» в случаях, когда оно применяется в анализе общества, оценке форм, параметров, процессов социальной действительности – от базового, единственного бесспорно атрибутивного элемента любой социальной системы, к тому же всецело детерминированного ею, до сравнительно самодостаточных социальных систем, представленных

на макросоциальном уровне, в международных отношениях государством (институтом официальной публичной власти, обладающим аппаратом управления); т. е. от отдельного члена общества до суверенной страны.

Говоря об идентичности двух или более фрагментов (отражений, результатов понимания, оценки) действительности – состояний, совокупности параметров, физических, живых или социальных систем, – исследователь утверждает, по крайней мере в качестве первоначальных выводов, лишь то, что наблюдаемые фрагменты во многом схожи или, в зависимости от критериев, целей, условий исследования, профессионализма исследователя... и т. д., тождественны. Как правило, при этом не выдвигается – во всяком случае до соответствующих верификационных процедур – утверждение о том, что наблюдается один и тот же объект (параметр, явление, субъект...). Не отрицается и вероятность того, что «разнесенные» по времени, пространству, проекции (и другим возможным «координатам») наблюдаемые фрагменты действительности могут быть одним и тем же объектом.

Понятие «идентичность» употребляется преимущественно в случаях, когда наблюдатель фиксирует подтвержденную (эффективными признанными методами) высокую степень подобия интересующих свойств (признаков, параметров, соотношений) объекта, исследуемого непременно в динамике. На практике вне лабораторных условий иное и маловероятно, а то и невозможно. Действительность во всех ее проявлениях (по крайней мере, в большинстве из них) естественно пребывает в непрерывном изменении. Отсюда обоснованное стремление констатации того, что интересующий наблюдателя объект (система, функция, явление...) «все тот же», «он самый», принципиально не изменившийся.

Возможно и иное применение понятия «идентичность»: когда в сфере внимания оказываются пусть и разные объекты, но обладающие одинаковыми свойствами, техническими характеристиками, «потребительскими параметрами», одинаковой практической ценностью с точки зрения наблюдателя (заинтересованного субъекта). То есть физически разные объекты (как два пылесоса или кофеварки одной марки, выпущенные одним предприятием в одних и тех же условиях, а может быть, и в один и тот же час) довольно схожие, хотя фактически различные, которые, если понадобится, можно использовать в одних и тех же целях, добиваясь в любом из использований одного и того же результата. Применены эти объекты (или эффекты, свойства) могут быть в разное время или одновременно, рядом – на сравнительно небольшом участке (объеме) одного и того же пространства или сравнительно далеко друг от друга. Словом, когда наблюдателю важен не сам по себе объект, а его параметры – утром потребитель (субъект) пользуется одним взятым напрокат самокатом, на котором доезжает до места работы, встречи, остановки более удобного транспорта, а позже (через час, завтра, через

неделю...) – на другом таком же самокате едет по тому же или по иному маршруту.

Таким образом, понятие «идентичность» используется для констатации высокого уровня сходства наблюдаемых объектов (систем, процессов, явлений, субъектов...). Причем это понятие (уже в качестве «термина», как правило, с «увеличенным», более конкретным содержанием и, соответственно, с меньшим объемом) может употребляться в нескольких вариантах.

Так, смыслы, содержащиеся в понятии «идентичность», служат для обозначения двух и более похожих друг на друга фрагментов действительности или их проекций, сторон, функций, интересующих наблюдателя (либо субъектов, назовем их заказчиками, стоящих за профессиональным наблюдателем), что можно назвать, условно, первым вариантом. Этот вариант применим при определении возможности замены одного материального объекта другим таким же; или при расчете параметров (характера, меры силы, интенсивности, продолжительности...) повторяющегося воздействия на некий объект, систему, процесс с задачей получения при каждом воздействии требуемого эффекта. Модусы этого варианта использования рассматриваемого понятия могут быть различными.

Другой вариант (условно второй) использования данного понятия заключается в обозначении того, что один и тот же объект, интересующий наблюдателя, не изменил своих свойств. А если объект не был в поле зрения исследователя постоянно, то для формулирования заключения необходима высокая вероятность того, что до и после перерыва наблюдения рассматривался один и тот же объект.

Вероятно, есть и иные варианты. Методология современного этапа развития науки постулирует неперенное их существование. Можно предположить, что некоторые из них более сложны. Например, когда понятие «идентичность» используется как минимум в двух значениях – по типу и первого, и второго условных вариантов. И нет серьезных ограничений, не позволяющих ожидать встречи с такими ситуациями при анализе социальных систем, в изучении человека.

Так, вполне естественно полагать, если бы даже этого еще не было доподлинно известно, что понятие «идентичность» уместно применять и по отношению к обществу, социальным процессам, отношениям, индивиду. Человек (вообще) в процессе исторического развития представляет собой именно человека. Значит, допустимо говорить об идентичности человека в связи с сохранением им своей сущности, атрибутивных свойств, возможностей в «границах культуры» и в ходе ее развития.

Конкретный индивид на протяжении своей жизни остается самым собой, что позволяет стороннему наблюдателю его «узнавать», а также судить о том, в чем и насколько тот изменился. Это позволяет прибегать к типологии людей, выявлять закономерности становления личности, группировать и классифицировать индивидов и т. д.

Социальная система так же сохраняет свои признаки, параметры, цели, интересы (в том случае, когда они действительно не изменяются радикально). Значит, идентичность пригодна и в качестве характеристики общества. Сам тривиальный факт того, что общество и любая его часть – это совокупность людей, дает дополнительные варианты исследовательской деятельности социальных отношений, когда может быть использовано понятие «идентичность». В частности, концентрировать внимание исследователей на «точке эпистемологического пересечения» человека и общества. При этом есть основания предполагать, что любой из вариантов использования в социально-антропологических исследованиях рассматриваемого понятия непременно связан (а) с социальной динамикой и (б) с субъектом социальных отношений.

Люди, составляющие конкретное сообщество, сословие, страту, класс, страну, имеют нечто общее, связанное прежде всего с мировоззрением, традициями, образом жизни, что делает их согражданами, в определенной степени единомышленниками, партнерами. В то же время именно это общее, свойственное всем представителям данного сообщества (сословия, касты, профессиональной ассоциации, политической партии, возрастной группы, страны, религиозной конфессии и т. п.), отличает их от другого подобного сообщества (иного сословия, другого государства, отличной от данной религии и проч.).

Из этого следует, что спектр вариантов применения понятия «идентичность» даже лишь в связи с общественными отношениями не может быть сведен к двум-трем познавательным (тем более к познавательно-преобразовательным) ситуациям. Требуется обобщающее определение, отражающее возможность применения данного понятия в качестве термина во всех или как минимум в большинстве наиболее часто встречающихся познавательных ситуаций.

Исходя из этимологии латинского *identificare* (отождествлять) в одной из трактовок, предлагаемой философскими текстами, идентичность понимается как соотнесенность чего-либо («имеющего бытие», обладающего сущностными свойствами) с самим собой в связанности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в качестве осуществленного сопоставления, подтверждающего тождественность, неизменность наблюдаемого объекта («наблюдателем», рассказывающим о ней себе и «другим» с целью подтверждения ее саморавности)⁵, а также и как «соответствие, мыслимое в совершенстве»⁶.

В интересах полноты понимания предмета внимания (применения конкретного понятия) к смыслам приведенной выше экспликации стоит добавить и вероятность использования понятия «идентичность» приме-

⁵ См.: Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ; Минск : Харвест : Современ. лит., 2001. С. 382.

⁶ Там же.

нительно к социальной сфере и в значении установления одного и того же (повторяющегося, ожидаемого, рассчитываемого...) эффекта, возникающего в результате развития социальных соотношений, взаимодействия индивидов и социальных системы. Однако данное направление рассуждений придется ограничить этим намеком и возвратиться к идентичности, обозначающей один и тот же объект социальных взаимоотношений, процессов.

В качестве категории социально-гуманитарного научного знания идентичность применяется для описания индивидов и социальных групп, представляющих собой устойчивые целостности. Отдельные представители некоторых научных дисциплин социально-гуманитарного цикла считают, что идентичность может характеризовать только человека.

Вряд ли была бы ошибкой попытка отнести к подобным высказываниям с той или иной долей критики.

Во-первых, субъектом может быть не только отдельный человек. Государство, его административно-территориальная часть (область, земля, кантон, воеводство, графство, префектура, штат и т. п.), орган государственного управления, отвечающий за ту или иную сферу деятельности социальной системы (страны, державы), учреждение, государственное или частное производственное предприятие – тоже субъекты общественных отношений.

Во-вторых, важно определить особенности именно социальной идентичности, усматривая в ней проблему тождества индивидуального и коллективного, их соотношения и взаимодействия [5].

В-третьих, как было продемонстрировано, понятие «идентичность» употребляется наблюдателями, теоретиками и практиками и в отношении различных физических объектов, процессов, явлений, систем, организмов живой природы.

Однако в данном случае важнее другое, а именно то, что, по меньшей мере, применительно к человеку и обществу понятие «идентичность» употребляется вполне обоснованно. При этом все варианты определения сущности идентичности так или иначе 1) свидетельствуют об устойчивости параметров (характеристик), 2) признают субъекта социальных отношений, причем непременно 3) в развитии как самого субъекта, так и общественных отношений, в которых он пребывает.

4. Идентичность – атрибут субъекта

Субъектность представляет собой важный признак человека в полном смысле слова. То есть не просто живого существа, и даже не индивида, наделенного речью, способностью взаимодействовать с другими людьми (хотя и он может рассматриваться в качестве субъекта общественных отношений), но непременно социально активного представителя цивилизации, культуры, осознающего свои интересы, социальные роли, статус, место в системе общественных связей.

Понятие «субъектности» может быть не всеми одинаково благосклонно принято, а кем-то, возможно, по эстетическим или иным соображениям и отвергнуто. Однако даже если признать фонетический дискомфорт, недостаток художественной благозвучности слова и даже если усомниться в возможности употреблять его в качестве полноправного понятия (хотя вряд ли этому найдутся достаточно веские основания), оно существует и применяется в тех или иных текстах, вербальных построениях. Причина проста. Понятие «субъектность» имеет (выражает, демонстрирует, представляет собой) значение и смыслы⁷. Следовательно, оно может использоваться и применяется и в качестве термина.

Значение субъектности – в том, что она указывает на атрибутивное свойство активного элемента социальной системы, части общества. И не просто части, а части обязательной, неотъемлемой. Смыслов в понятии «субъектность» несколько. Следует указать на самостоятельность обладателя субъектности, наличие у него интересов, целей, предпочтений, более или мене ясной общественной позиции, мировосприятия и т. д.

Отдельный человек, индивид – минимальная «единица» общества – представляет собой, во-первых, *результат*, «продукт» становления общественных отношений, развития культуры, а кроме того – причину возникновения и культуры, образования отдельных социумов и человеческой цивилизации в целом. При этом он, скорее, во-вторых, является представителем человечества, земной цивилизации, совокупной глобальной культуры как формы бытия человека в принципе.

Во всяком случае такое суждение вытекает из тысячелетней практики макросоциальных отношений, из опыта мировой истории. На ее начальном этапе очаги цивилизации существовали довольно долго автономно, практически без контактов между ними, без культурного обмена и взаимобогащения локальных культур. А когда этот контакт возник, между представителями локальных цивилизаций обнаружилось не столько общее, на что практически внимания не обращалось, сколько различное. Цивилизации, народы, отдельные государства окунулись в водоворот непрерывной конкуренции, жесткого соперничества, ознаменованного чередой кровопролитных войн. И вряд ли в истории человечества можно найти год, когда на планете не шла хотя бы одна война, хотя бы один военный конфликт... К несчастью, приходится констатировать, что человеком вообще, представителем рода человеческого, люди ощущают себя во вторую очередь. В первую очередь они видят себя членами семьи, представителями профессии, класса, сословия, гражданами страны. Люди считают себя поборниками конкретной идеологии, адептами «своей» религии, носителями особых этнокультурных традиций.

Поэтому человек представляет собой прежде всего члена вполне конкретного социального образования, сообщества. Большинство лю-

⁷ Антюшин С. С., Кафырин Е. А. Логика : учеб. М. : РГУП, 2021. С. 16–17.

дей относят себя вполне осознанно к той или иной социальной группе, социуму, самыми крупными из которых являются культурно-исторические типы общества, локальные цивилизации. Причем первостепенное значение в этом самоопределении имеет этнокультурная составляющая, а не временная, не эпоха, не этап эволюции. Человек, всегда ведущий (пространственно-временной) «отсчет» от себя, в чем также выражается субъектность, ощущает себя «современником» окружающей его эпохи. Люди Античности, Средневековья, Нового времени для него – невозвратное прошлое. Будущее так же недостижимо, да еще и весьма неопределенно. Остается настоящее, в котором человек относит себя к особой этнокультурной общности, включающей ряд компонентов – от политических, идеологических, нравственных, правовых до территориально-административных, гендерных, возрастных, бытовых.

Однако человек не только воспринимает эти компоненты, но и в разной степени принимает их в качестве черт собственной социально-исторической определенности. Он на них влияет, принимает участие в их воспроизводстве, развитии. Человек непрерывно занят совершенствованием общественных отношений, методик организации тех или иных процедур, операций, видов и типов деятельности. При этом он преследует личные интересы, интересы группы (или групп), к которой принадлежит (семьи прежде всего), а также во многих, хотя и далеко не во всех ситуациях – и интересы общества.

Субъектностью обладают индивиды. Особенно ярко субъектность проявляется в социальной активности личности, вне зависимости от того, какой именно вариант объяснения сущности личности считать базовым основным. Например, личностью считают выдающегося социально активного творческого индивида, обладающего высоким авторитетом в социальной группе, определенном сообществе, в обществе в целом и оказывающего существенное влияние на «социальное окружение». Или это индивид в совокупности всех его социальных ролей и статусов, всей реализуемой им социальной активности.

Субъектность заключается в осознанности отдельным человеком своего пребывания в окружающей среде, социальный компонент которой составляет сложная взаимосвязь разного масштаба социальных систем. Индивид достаточно отчетливо различает собственные «пределы» в пространственно-временном континууме, границу, где «заканчивается» он сам и начинается остальной мир. Он сравнительно ясно представляет себе собственные возможности, цели, физические параметры, в определенной мере предвидит результаты своих воздействий на внешние объекты, а также вероятные последствия внешних процессов, явлений, взаимодействий материальных объектов друг на друга и на него самого. При этом он стремится зону своих интересов сделать для себя как можно более понятной, предсказуемой, по возможности увеличивая меру, мас-

штабы, детальность, качество понимания интересующих его областей окружающего мира. Индивид в роли субъекта активен, и активность его подчиняется определенному варианту и уровню рациональности. Рациональными же способами он накапливает полученный в ходе своей познавательно-преобразовательной экспансии опыт, формируя знания, умения, навыки. Таким образом, субъект представляет собой (средоточие) источник осознанной целенаправленной активности, который преднамеренно встраивается в систему внешних процессов, отношений, корректируя их, создавая новые ситуации, связи, добиваясь в той или иной мере запланированных эффектов, намеченных результатов.

Однако и социальная общность, социальная система могут выступать в роли субъекта. Субъектностью обладают, помимо индивидов, и коллективы, социальные группы, сообщества, государства. Однако эта субъектность обеспечивается взаимодействием проявляющих осознанную активность отдельных людей, соотносением их личных (индивидуальных, частных) интересов, устремлений, умений, усилий, в ходе которого вырабатываются общие цели, интересы, планы, направления и методы совместной коллективной активности, в той или иной степени продуманной познавательно-преобразовательной деятельности.

А поскольку любой субъект-индивид представляет собой также часть более масштабного субъекта – семьи, производственного коллектива, населенного пункта, класса, сословия, этноса, религиозной конфессии, страны и т. п., то в «структуре идентичности» можно выделить несколько «уровней» (слоев, контуров): от индивидуального до цивилизационного. Идентичность каждого индивида уникальна. Не все перечисленные и неперечисленные уровни можно обнаружить в идентичности любого субъекта общественных отношений. Но то, что идентичность не является одномерной, «плоской», сомнения не вызывает. Так же, как и представляется очевидной зависимость «глубины», основательности идентичности от числа и характера уровней идентичности.

В основе идентичности лежит социокультурная определенность. Идентичность субъекта проявляется:

- в **осознанности** им своей социокультурной определенности;
- в его **приверженности** этой своей социокультурной определенности;
- в осмысленном **воспроизводстве** социокультурной определенности.

В действительности условная «формула актуализации идентичности» более сложна в каждом конкретном практическом случае со своей социокультурной спецификой – исторической, геостратегической, политэкономической, нравственно-психологической, административно-правовой и т. п. И на теоретическом уровне в соответствии с главными целями конкретной аналитической деятельности в каждом случае описание идентичности и ее «само-обнаружение» потребует большей детализации. Но в любом «теоретическом» и «практическом» варианте три названные

составные части выражения социальной идентичности в тех или иных проявлениях, формах, степени обнаруживаются. Поэтому они заслуживают более подробного рассмотрения.

Обсуждение и заключение

В процессе исследования удалось установить важность проблематики социальной идентичности, рассмотрения различных ее уровней, аспектов, направлений, а также практической значимости проблемы идентичности субъекта общественных отношений в вопросах социокультурного воспроизводства. Обращено внимание на опасность мировоззренческой неопределенности участников социальных взаимоотношений.

В ходе обоснования теоретических основ исследовательской работы по данной проблематике сопоставлены особенности наиболее значимых в культуре форм освоения действительности – мифологии, религии, искусства, науки, философии. Отмечены некоторые сложности в исследовании вопросов идентичности, выявлены преимущества философских оснований в формировании методологии идентичности, аккумулирующей наиболее эффективные приемы и возможности всех других видов познавательно-преобразовательной активности.

Предложены основания и смыслы проблемы идентичности, решением которой обусловлено настоящее и будущее России. Сформулированы наиболее общие положения в рамках решения главной проблемы, в том числе уточнение сущности идентичности, соотнесены идентичность и субъектность, показано значение идентичности в культурно-исторической определенности субъектов макросоциальных отношений.

Намечены последующие шаги в дальнейшей разработке проблемы социальной идентичности. Среди них поставлена задача выявления базовых параметров идентичности. Намечены задачи рассмотрения значения меры **осознанности** субъектом своей социокультурной определенности; его **приверженности** своей социально-исторической определенности; глубины осмысленности **воспроизводства** социокультурной определенности.

Помимо запланированного конструирования «модели идентичности», позволяющей определить основные структурные элементы, важно обратить внимание на вероятность позитивных и негативных по отношению к обществу и человеку проявлений идентичности (субъектности). Представляется необходимым на основании полученного опыта соотнести смыслы идентичности с различными (наиболее показательными) проявлениями культуры. Это обеспечит более всестороннее обращение к историко-практической стороне проблемы, прогнозам развития социокультурной определенности субъектов общественных отношений российской социальной системы, роли этих процессов в обеспечении стабильности и безопасности России в качестве важнейшего участника международных связей, уникальной цивилизации.

Список источников

1. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д : Феникс, 2003. 256 с. ISBN: 5-222-03417-8.
2. Даренский В. Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2, № 1. С. 49–67. DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-1-49-67.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 816 с. ISBN: 978-5-902725-25-1.
4. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории : сб. : пер. с англ. 2-е изд. М. : Айрис-пресс, 2003. 592 с. ISBN: 5-8112-0223-7.
5. Коряковцева О. А., Доссе Т. Г. Социальная идентичность личности: перспектива феноменологической философии // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2014. № 3. С. 167–175. URL: <https://eprints.tversu.ru/id/eprint/4191/>.

References

1. Comte, O. [*The spirit of positive philosophy. (A word at positive thinking)*]. Rostov-on-Don: Feniks; 2003. 256 p. (In Russ.) ISBN: 5-222-03417-8.
2. Darensky, V. Yu. Russian philosophy as a factor of civilizational identity in the 21st century. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya = [Problems of Civilizational Development]*. 2020;2(1):49-67. (In Russ.) DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-1-49-67.
3. Danilevsky, N. Ya. *Russia and Europe*. Comp. and comment. by Yu. A. Belov; resp. ed. O. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. 816 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-902725-25-1.
4. Toynbee, A. J. *Civilization at the court of history*. Collection. Transl. from Engl. 2nd ed. Moscow: Airis-press; 2003. 592 p. ISBN: 5-8112-0223-7.
5. Koryakovtseva, O. A., Dosse, T. G. Social identity of the individual: the prospect of phenomenological philosophy. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya = [Vestnik of Tver State University. Series: Philosophy]*. 2014;(3):167-175. URL: <https://eprints.tversu.ru/id/eprint/4191/>.

Информация об авторе / The information about the author

Антюшин Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Ле-

бедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69), действительный член Академии военных наук.

Sergey S. Antyushin, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Full Member of the Academy of Military Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 03.04.2025.

Научная статья

УДК 342.5

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.34-50

Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 75-летию события)

Николай Александрович Петухов¹,
Екатерина Владимировна Рябцева²

^{1, 2} Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ nikolajpetuhov@yandex.ru, ² rev020680@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена 75-летию Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками. Цель работы – анализ исторических событий, предшествующих проведению Хабаровского процесса, показ его значения для предупреждения преступлений против мира и человечности.

Теоретические основы. Методы. Исследование проведено на основании исторических документов и научных исследований по Хабаровскому процессу, проанализированы материалы, описывающие события периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Методологию исследования составили сравнительно-правовой, историко-правовой методы, индуктивное и аналитическое обобщение, метод структурного функционализма и т. д.

Результаты исследования. Показаны агрессивная политика японского империализма, ключевая роль СССР в капитуляции Японии. Приведены доказательства злодейского обращения японцев с военнопленными и с мирным населением на оккупированных территориях, применения Японией бактериологического оружия на приграничных с СССР территориях и территориях Китая. Исследованы особенности проведения Хабаровского судебного процесса.

Обсуждение и заключение. Даны оценки Хабаровскому процессу, который вместе с Нюрнбергским и Токийским процессами положил начало утверждению норм и принципов современного международного права, касающихся наказаний за военные преступления, преступления против мира и человечности, а также подвел основу под последующую борьбу за признание вне закона бактериологического оружия.

Ключевые слова: Военный международный трибунал, советско-японские отношения, японские военные преступники, бактериологическое оружие, обвинительный приговор

Для цитирования: Петухов Н. А., Рябцева Е. В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 75-летию события) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 34–50. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.34-50.

Original article

**Khabarovsk Trial of Japanese War Criminals
(on the 75th Anniversary of the Event)****Nikolay A. Petukhov¹, Ekaterina V. Ryabtseva²**^{1, 2} *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*¹ *nikolajpetuhov@yandex.ru*, ² *rev020680@mail.ru***Abstract**

Introduction. The article is dedicated to the 75th anniversary of the Khabarovsk trial of Japanese war criminals. The purpose of the work is to analyze the historical events preceding the Khabarovsk Tribunal and its significance for the prevention of crimes against peace and humanity.

Theoretical Basis. Methods. The study was conducted on the basis of historical documents and scientific research on the Khabarovsk process, analyzed materials describing the events of the Great Patriotic War and the post-war period. The research methodology consisted of comparative law, historical and legal methods, inductive and analytical generalization, the method of structural functionalism, etc.

Results. The article shows the aggressive policy of Japanese imperialism, the key role of the USSR in the capitulation of Japan. Evidence is given of the villainous treatment of prisoners of war and civilians by the Japanese in the occupied territories, the use of bacteriological weapons by Japan in the territories bordering the USSR and in China. The features of the Khabarovsk trial are studied.

Discussion and Conclusion. The article assesses the Khabarovsk trial, which, together with the Nuremberg and Japanese trials, laid the foundation for the establishment of the norms and principles of modern international law concerning punishment for war crimes, crimes against peace and humanity, and also laid the foundation for the subsequent struggle to outlaw bacteriological weapons.

Keywords: International Military Tribunal, Soviet-Japanese relations, Japanese war criminals, biological weapons, guilty verdict

For citation: Petukhov, N. A., Ryabtseva, E. V. Khabarovsk trial of Japanese war criminals (on the 75th anniversary of the event). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):34-50. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.34-50.

Судебный процесс над японскими преступниками, занимавшимися разработкой и применением биологического (бактериологического) оружия, состоявшийся в СССР в Хабаровске 25–29 декабря 1949 г., был первым случаем в истории, когда факты жестоких биологических экспериментов над живыми людьми, проводившихся в течение 15 лет, были исследованы судом.

Хабаровский судебный процесс стал закономерным продолжением Токийского процесса над японскими военными преступниками, проходившего с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. На Токийском процессе советская сторона неоднократно обращала внимание на материалы, свидетельствующие о подготовке Японии к бактериологической войне,

и пыталась вынести эту тему на рассмотрение трибунала, но США были против этого. К тому времени у американских военных также имелись факты, свидетельствующие о наличии у Японии биологического оружия: американскими военными были схвачены Китано и Исии – руководители отряда № 731, который был основным центром Японии по разработке биологического оружия.

Генерал Исии Сиро играл одну из ключевых ролей в реализации проекта по созданию биологического оружия, поскольку выступал его организатором и руководителем. В августе 1945 г. при разгроме советскими войсками Квантунской армии большинство сотрудников, разрабатывавших биологическое оружие, были эвакуированы в Корею, а затем и в Японию. После войны власти США тайно предоставили Исии и некоторым другим ведущим исследователям иммунитет от судебного преследования за военные преступления в обмен на данные, полученные в ходе экспериментов на людях¹.

Руководство СССР приняло решение о проведении тщательного расследования названных фактов и организации нового судебного процесса над японскими военными преступниками и японскими руководителями в Хабаровске. Такое решение было принято для того, чтобы виновные в совершении чудовищных преступлений против человечества понесли заслуженное наказание. К сожалению, Токийский процесс не позволил установить некоторые факты и привлечь к ответственности отдельных преступников, поскольку США скрывали как лиц, виновных в подготовке бактериологической войны, так и материалы, доказывающие разработку Японией бактериологического оружия.

Во время Хабаровского процесса американские СМИ и американские правительственные чиновники либо игнорировали судебные разбирательства, либо осуждали их как еще один советский «показательный процесс». Советский Союз, со своей стороны, опубликовал материалы данного судебного процесса, в том числе на английском языке. Советский Союз также документально подтвердил проведение японских биологических экспериментов на американских военнопленных, хотя этот факт отрицался США на протяжении десятилетий.

В ходе Хабаровского процесса к ответственности были привлечены только 12 человек, тогда как большинство военнотружущих японских бактериологических подразделений, а именно 731-го и 100-го отрядов Квантунской армии, включая старших офицеров, получили иммунитет от судебного преследования в США.

Хабаровский процесс должен был показать международной общественности совершенные Японией преступления против мира и человечности, подтвердить неотвратимость наказания виновных за их совершение независимо от звания и занимаемой должности, а также двулич-

¹ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1950. 11 марта.

ность бывших союзников, которые пытались скрыть некоторые факты военных преступлений Японии в обмен на информацию, которая могла быть использована ими в военных целях в новом противостоянии с СССР. Речь шла прежде всего о США, которые намеренно укрывали военных преступников с целью использовать полученную от них информацию в дальнейшем против СССР [1; 2; 3, с. 35–36].

Исходя из этих и других, в том числе политических, соображений, обусловленных начавшейся к тому времени «холодной войной», к 1949 г. отношения между СССР и США вышли по уровень острой конфронтации. Обе державы вели борьбу за расширение сфер влияния в послевоенном мире и на Дальнем Востоке в частности, где складывались союзнические отношения между США и Японией.

Хабаровский процесс имел целью не только привлечь к ответственности бывших военнослужащих армии Японии, но и внести свой вклад в разрушение такого рода отношений между США и Японией [4, с. 77].

Москва искренне хотела улучшить свои отношения с Токио, и не только ради подписания мирного договора и налаживания взаимного партнерства. Очень важно было вырвать Японию из сферы американского влияния и отодвинуть военные базы США как можно дальше от советских границ [5, с. 451–452].

Имеется ряд публикаций юристов и историков о подготовке и проведении Хабаровского процесса, изданных в разные годы в СССР и России, а также в Японии, однако данному процессу до последнего времени уделялось недостаточное внимание.

Из отечественных исследователей, изучавших данную проблему, назовем А. В. Алепко [6], Д. В. Звягинцева [3], В. Д. Барышева [7], В. Г. Балковскую [1], С. П. Кима [8], А. Я. Кривошеева, Д. В. Кузнецова [4], А. Н. Савенкова [9], В. В. Романову [2], С. В. Тужилина [10], В. С. Христофорова [11]. Авторы работ отмечают, что наиболее полные данные по рассматриваемой теме содержат опубликованные в 1950 г. «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия»², содержащие стенограммы заседаний военного трибунала Приморского военного округа.

Обширные цитаты из названных материалов военного трибунала приводятся японским автором С. Моримура в книге «Кухня дьявола. Правда об «отряде 731» японской армии», написанной с учетом воспоминаний бывших служащих отряда 731 и опубликованной в 1983 г. в СССР, что свидетельствует о высокой степени доверия японского автора к фактам, установленным в ходе Хабаровского процесса [7, с. 3].

² Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М. : Госполитиздат (Образцовая тип. им. Жданова), 1950. 537 с.

Согласно материалам дела судебный процесс был организован в отношении 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии – от генералов до рядовых. Дело рассматривалось в открытом судебном заседании в Хабаровске Военным трибуналом Приморского военного округа³.

Обвинение было предъявлено по нескольким пунктам: проведение преступных экспериментов над живыми людьми; создание военизированных специальных подразделений, специализирующихся на создании бактериологического оружия; подготовка бактериологической войны против СССР и использование бактериологического оружия против Китая⁴.

При анализе судебного разбирательства заслуживают внимания несколько аспектов, а именно правовая основа, подготовка и проведение всего судебного процесса.

Слушания начались в открытом судебном заседании в Хабаровском доме офицеров Советской Армии. Доказательства о предполагаемых преступлениях японских злодеев, содержащиеся в материалах дела, потрясли присутствующих на процессе. По данным прокуроров, выпускники ведущих медицинских университетов Японии заражали своих жертв сыпным тифом, сибирской язвой, холерой и бубонной чумой.

Обвинение подсудимым было предъявлено по п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников»⁵, который предусматривал в качестве меры наказания применение смертной казни. Пункт 1 Указа предусматривал ответственность уличенных в совершении названных в Указе преступных действий граждан СССР, Германии, Италии, Румынии и Финляндии. Однако правоприменительная практика распространила действие Указа и на граждан других стран, в том числе граждан Австрии, Бельгии, Дании, Польши и лиц без гражданства. Не названы в п. 1 Указа 1943 г. и «японские злодеи». В данном случае Указ Президиума Верховного Совета СССР был применен в отношении японских военнослужащих по аналогии после того, как на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни»⁶ высшая мера наказания в СССР была отменена. Максимальная мера наказания стала применяться в виде лишения свободы на 25 лет.

³ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... С. 523–525.

⁴ Там же. С. 5–36.

⁵ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9446#429sMnUZLopO7MAW> (дата обращения: 12.04.2025).

⁶ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6645#xL5uMnUOSge8cyTr> (дата обращения: 12.04.2025).

На основании исследованных в судебном процессе вещественных доказательств, документов, показаний свидетелей и подсудимых установлено, что в 1932 г. руководство Императорской армии Японии приняло решение о создании программы наступательной биологической войны (BW). Под руководством генерала доктора Исии Сиро японская Квантунская армия построила исследовательские центры для разработки биологического оружия в нескольких китайских городах, включая Бэйиньхэ, Харбин (отряд 731), Нанкин (отряд 1644), Пекин (отряд 1855), Мэнцзятунь (отряд 100) и Гуанчжоу (отряд 8604). В этих центрах японские военные ученые выделяли вирусы и бактерии, которые, как считалось, имели потенциал в качестве биологического оружия, изучали естественное течение заболеваний, вызываемых этими патогенами, и пытались увеличить летальность патогенов. Они также пытались разработать вакцины для защиты от заражения патогенами и исследовали методы производства вирусов и бактерий в больших количествах, а также возможности их распространения через системы оружия.

Во многих из этих экспериментов японские ученые использовали в качестве подопытных военнопленных и других заключенных. Для проведения таких экспериментов на людях исследовательские центры, в частности подразделение 731 в Харбине, имели функциональные возможности в виде концентрационных лагерей и исследовательских лабораторий. Жертвы экспериментов на людях обычно погибали, и их сжигали в специально созданных для этого крематориях. Число жертв, замученных в результате проведения бактериологических опытов, варьируется от 3000 до десятков тысяч.

Медицинские зверства, совершенные японскими милитаристами, отражают серьезную эрозию морали и человечности. Приговоры, вынесенные японским преступникам за эксперименты над тысячами жертв ради «медицинского исследования», свидетельствуют о нарушении осужденными основных принципов медицины, целями которой исторически всегда были облегчение боли, спасение жизни и лечение.

Развернутые Японией в 1935–1936 гг. на территории Маньчжурии два крупных строго засекреченных бактериологических учреждения, переименованных впоследствии в «отряд № 731» и «отряд № 100», были предназначены для изыскания способов производства бактериологического оружия в объемах, достаточных для полного снабжения японской армии. Оба отряда, имевших многочисленные филиалы, были приданы частям и соединениям Квантунской армии, расположенным на направлениях главных ударов, намеченных японским оперативным планом войны против Советского Союза, и должны были быть готовы по приказу командования применить бактериологическое оружие⁷.

⁷ Приказ главнокомандующего Квантунской армии от 2 декабря 1940 г. №398/1-КО «Об учреждении четырех новых филиалов в городах Хайлине, Липькоу, Синью

«Отряд № 731», занимавшийся подготовкой бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики, Китая и других государств, находившихся в состоянии войны с Японией, – США и Великобританией, обладал значительным кадровым потенциалом и материально-технической базой. В состав отряда входило более трех тысяч научных сотрудников и технических работников, среди которых были как виднейшие ученые, профессора и врачи, так называемый «цвет научно-медицинского мира Японии», так и лучшие выпускники престижных японских вузов. Отряд обладал также громадными техническими возможностями и людскими ресурсами в качестве подопытного материала⁸.

Временем начала бактериологической войны генералом Исии был назван 1945 г. с тем, чтобы добиться перелома хода войны в пользу Японии. «Отряд № 731» выращивал, среди прочего, бактерии холеры, чумы, брюшного тифа и сибирской язвы. Чтобы проверить свои методы, японские самолеты летали над китайскими деревнями и сбрасывали рис, хлопок или пшеницу, засеянные блохами, зараженными чумой. В качестве чудовищного примера можно привести инцидент, произошедший 27 октября 1940 г., когда японские самолеты разбрасывали зерна пшеницы над Нинбо. 29 октября в деревне произошла вспышка бубонной чумы, и в течение двух дней умерли 26 человек. Также проводились испытания с бомбами сибирской язвы, хотя люди чаще умирали от ран, нанесенных бомбами, а не от инфекции.

Материалы суда над бывшими военнослужащими японской армии, обвиняемыми в изготовлении и применении бактериологического оружия, показывают, что различные подразделения производили не менее 100 кг сибирской язвы, чумы, брюшного тифа, холеры в месяц каждое. В данном случае эта мера относится к весу густой бактериальной массы, которая была взята с поверхности твердой культуры. Хотя объемы, которые они производили, были недостаточны для начала полноценной биологической атаки.

С 1941 года эти объемы возросли, и в последующем «отряд № 731» выращивал до 300 кг бактерий чумы, до 600 кг бактерий сибирской язвы и до одной тонны бактерий холеры ежемесячно (из показаний подсудимых Кавасима Киеси и Карасава Томио). По заключению судебно-медицинской экспертизы, такого количества бактерий могло хватить на ведение активной бактериологической войны⁹.

Кроме преступных экспериментов по заражению людей бактериями острых инфекционных заболеваний в «отряде № 731» производились

и Хайларе Маньчжурии вблизи границы с Советским Союзом» // Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... С. 6–9.

⁸ Там же. С. 393–402.

⁹ Там же. С. 250, 269, 398.

опыты по обмороживанию конечностей заключенных на случай войны с СССР. Верховное командование Квантунской армии обратилось к Исии с просьбой провести исследование последствий обморожения, поскольку оно предполагало войну с Советским Союзом. Без промедления эксперименты с обморожением быстро стали обычным явлением¹⁰. Отряд располагался в закрытой, строго охраняемой зоне. Вся территория отряда на случай внезапной эвакуации была заминирована, а в камеры внутренней тюрьмы, где находились подопытные заключенные, в случае необходимости подавался отравляющий газ [6, с. 66; 10, с. 270–283].

Что касается «отряда № 100», то его деятельность заключалась не только в производстве бактериологического оружия для бактериологической войны, но и в проведении диверсий, заражении бактериями пастбищ, скота и водоемов¹¹.

В «отряде № 731» ежегодно погибали не менее 600 заключенных, которых доставляли во внутреннюю тюрьму отряда. Заключенные не имели имени и условно назывались «бревнами». С 1940 года по день капитуляции японской армии в августе 1945 г. были умерщвлены не менее 3000 человек. В материалах дела содержались примеры бесчеловечных опытов не только над лицами мужского пола, но и над женщинами и детьми. В частности, подсудимый Кавасима рассказал в суде об одной несчастной русской женщине, погибшей с грудным ребенком на руках мучительной смертью от удушающего газа (из показаний подсудимого Кавасима)¹².

Среди самых известных жестоких экспериментов, которые проводил «отряд № 731», была вивисекция на живых людях. После преднамеренного заражения различными болезнями заключенных вскрывали без использования анестезии, чтобы врачи могли изучить, как болезни влияют на различные органы. Исии и его коллеги считали, что, если они будут использовать анестезию или мертвых пациентов, их результаты будут искажены.

В изданном в августе 2021 г. сборнике «Хабаровский процесс. Документальные свидетельства: Сборник документов»¹³, в который вошла большая часть впервые публикуемых архивных документов Центрального архива ФСБ России, Министерства иностранных дел России, Государственного архива Хабаровского края и Хабаровского краевого музея, приводятся данные о трех бунтах узников «отряда № 731» против

¹⁰ Там же. С. 293–305.

¹¹ Там же. С. 270–283.

¹² Там же. С. 254, 423, 428, 426–435.

¹³ Хабаровский процесс. Документальные свидетельства : сб. док. / отв. ред. Л. Д. Шаповалова. М. : [Б. и.], 2021. С. 352.

умерщвления в варварских экспериментах. Последним из них был бунт русских в июле 1945 г., однако выжить или убежать никому не удалось. Свидетель Хатаки Акира рассказал о бунте заключенных в тюрьме «отряда № 731», которые не могли больше выдерживать фанатично жестокие пытки и пытались бежать, но все были убиты. Свидетель Хатаки Акира сказал: «Я видел, как охранник Мизуно застрелил одного русского заключенного после того, как он был доведен до полного изнеможения экспериментами».

Преступные эксперименты проводились в лабораторных условиях, а также на полигоне отряда над целыми группами людей, которых привязывали к железным столбам, а затем в целях их заражения в непосредственной близости от них взрывали бактериологические снаряды, наполненные бактериями чумы, газовой гангрены и других тяжелых болезней¹⁴.

Из материалов дела следует, что уже к 1939 г. бактериологические отряды № 731 и № 100 были готовы перейти от лабораторных и полигонных испытаний к практическому применению созданного ими биологического оружия в боевых условиях против Китая и диверсиям против СССР.

Начиная с 1940 г. «отряд № 731» под руководством генерала Исии проводил бактериологические атаки против китайских войск и населения. Необходимо обратить внимание на то, что в третьей экспедиции 1942 г. отряд Исии действовал против мирного населения путем наземных бактериологических диверсий, производя заражение водоемов, рек, прудов, полей, жилых домов бактериями чумы, тифа, паратифа и холеры, что повлекло возникновение в Чжеганском районе Китая ряда эпидемий тяжелых инфекционных заболеваний¹⁵.

«Отряд № 100» также выполнял задания командования по совершению бактериологических диверсий, в том числе против Советского Союза путем заражения в приграничных районах водоемов, в частности в районе Трехречья¹⁶.

Одним из самых амбициозных проектов «отряда № 731» была операция РХ, также известная как операция «Цветущая вишня ночью». После испытаний сбрасывания в Нинбо и Чандэ блох, зараженных чумой, японское правительство надеялось расширить свои усилия на берегах Соединенных Штатов. Это была не первая попытка японцев атаковать территорию США. Японцы разработали тысячи воздушных шаров-бомб, одна из которых успешно дрейфовала в Орегоне и убила шесть человек 5 мая 1945 г. Но логистика биологической войны была значительно более подавляющей.

¹⁴ Хабаровский процесс. Документальные свидетельства : сб. док. С. 245–261.

¹⁵ Там же. С. 442–530.

¹⁶ Там же. С. 26, 443.

Разработанная Исии и одобренная императорским правительством Японии 26 марта 1945 г. операция РХ включала сброс груза, наполненного блохами, зараженными чумой, над Южной Калифорнией. Блохи должны были заражать крыс, которые затем заражали бы пищевые продукты и распространяли инфекции среди людей.

Правительство императорской Японии планировало сбросить груз на Сан-Диего, но после того, как США бомбили Хиросиму и Нагасаки, что привело к капитуляции Японии, план так и не был реализован. Однако время было ужасающе близким. Операция «Цветущая вишня» должна была быть проведена 22 сентября 1945 г., а японцы капитулировали всего за несколько недель до этого.

В последнем слове на процессе в Хабаровске Ямада раскаялся в содеянном и сказал, что «...нет никаких оправданий злодеяниям, совершенным при подготовке бактериологической войны». Кавасима Киеси признал: «Совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны. Совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества». Кадзицука также раскаялся в содеянном и был готов понести справедливое наказание за действия, связанные с подготовкой бактериологической войны¹⁷.

Военный трибунал признал вину всех подсудимых в совершении преступных действий доказанной и на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. приговорил к заключению в исправительно-трудовой лагерь на срок:

25 лет лишения свободы в отношении генерала Отодзо Ямада (родился в 1881 г.), бывшего главнокомандующего Квантунской армией (освобожден из тюрьмы в 1956 г.); генерал-лейтенанта Кадзицука Рюдзи (родился в 1888 г.), бывшего начальника Медицинского управления (освобожден из тюрьмы в 1956 г.); генерал-лейтенанта Такахаси Такаацу (родился в 1888 г.), бывшего начальника Ветеринарной службы (умер в тюрьме в 1951 г.); генерал-майора Кавасима Киеси (родился в 1893 г.), бывшего начальника «отряда 731» (освобожден из тюрьмы в 1956 г.);

20 лет лишения свободы в отношении генерал-майора Сато Сюдзи (родился в 1896 г.), бывшего начальника медицинской службы 5-й армии (освобожден из тюрьмы в 1956 г.), и майора Карасава Томио (родился в 1911 г.), бывшего начальника отделения «отряда 731» (покончил с собой в тюрьме в 1956 г.);

18 лет лишения свободы в отношении подполковника Ниси Тосихидэ (родился в 1904 г.), бывшего начальника дивизии «отряда 731» (освобожден из тюрьмы в 1956 г.);

15 лет лишения свободы в отношении старшего сержанта Митомо Кадзуо (родился в 1924 г.), бывший член «отряда 100» (освобожден из тюрьмы в 1956 г.);

¹⁷ Хабаровский процесс. Документальные свидетельства : сб. док. С. 515–523.

12 лет лишения свободы в отношении майора Оноуэ Масао (родился в 1910 г.), бывшего начальника отделения подразделения 731 (освобожден из тюрьмы в 1956 г.);

10 лет лишения свободы в отношении лейтенанта Хиразакура Дзенсаку (родился в 1916 г.), бывшего научного сотрудника «отряда 100» (освобожден из тюрьмы в 1956 г.);

3 года лишения свободы в отношении Курусима Юдзи (родился в 1923 г.), бывшего санитаря лаборатории отделения 162 «отряда 731» (освобожден в 1952 г.);

2 года лишения свободы в отношении капрала Кикучи Норимицу (родился в 1922 г.), бывшего санитаря отделения 643 отряда 731 (освобожден в 1951 г.).

Семеро осужденных: Ямада, Кадзицука, Кавасима, Карасава, Сато, Ниси и Митимо – подавали в Военную коллегия Верховного Суда СССР кассационные жалобы с просьбой о смягчении наказания, однако их жалобы были отклонены.

После отбытия наказания в 1951 г. были освобождены Кикучи Норимицу и Курусима Юдзи. А в 1956 г. остальные осужденные были освобождены и переданы японскому правительству (кроме умершего Такахаши и покончившего с собой Карасава). Это было связано с нормализацией советско-японских отношений.

В 1993–1994 годах Главная военная прокуратура России в связи с обращением «Японской ассоциации военнопленных» проверила материалы архивного уголовного дела и пришла к выводу, что все проходящие по этому делу осужденны обоснованно и реабилитации не подлежат. Определением Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 1994 г. приговор Военного трибунала Приморского военного округа 1949 г. оставлен в силе.

Наказание военных преступников за подготовку бактериологической войны против СССР являлось логическим завершением событий на Дальнем Востоке – в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах. СССР закрепил за собой статус не только державы, избавившей Европу от нацизма, но и страны, избавившей народы Дальнего Востока от японского милитаризма [9, с. 414].

Даже противники Советского Союза, выступавшие с критикой сталинских судебных процессов, признавали, что выводы Хабаровского процесса основывались на достоверных доказательствах. Оценивая количество и качество представленных доказательств, исследователи Хабаровского процесса признают, что подделать такое огромное количество улик было бы невозможно.

Хабаровский процесс не носил международного характера, но его можно назвать «историческим судом справедливости», поскольку он показал преступления против мира и человечности, совершенные японскими милитаристами, и неотвратимость наказания за злодеяния. Именно

в ходе Хабаровского процесса были установлены факты бесчеловечных экспериментов на людях, жестокость которых ничем не может быть оправдана.

Хабаровский процесс явился отправной точкой общенационального дискурса о бактериологическом оружии в Китае. Местные органы власти собирали и публиковали в средствах массовой информации доказательства японских зверств, а Центральное министерство здравоохранения активно проводило работу по преданию огласке преступлений, совершенных Японией.

В период непосредственно перед и после подписания китайско-советского договора Пекин был местом проведения двух крупных публичных встреч по поводу японских зверств с применением бактериологического оружия. Результаты Хабаровского процесса 1949 г. позволили пересмотреть значение Второй мировой войны в истории антияпонского национализма в Китае. Имея мало достоверных сведений о Нюрнбергском и Токийском судебных процессах и не имея на них международного представительства, благодаря Хабаровскому процессу Китай получил достоверную информацию о японских исследованиях бактериологического оружия и опасности возвращения японского милитаризма. Хабаровский процесс подтвердил законные китайские опасения по поводу разработки бактериологического оружия, что привело к интенсивной антияпонской мобилизации как китайской коммунистической партии, так и народа, которая в конечном итоге переросла в Корейскую войну.

Официальные материалы по делу были опубликованы в СССР на пяти языках: русском, английском, китайском, корейском и японском; был издан сборник «Материалы судебного процесса по делу бывших военных японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия», в котором излагались основные факты, установленные в ходе судебного процесса.

Споры, связанные с чудовищными преступлениями японских милитаристов, продолжают по сей день и имеют решающее значение не только для понимания динамики войны, но и для современного мира. Они также жизненно важны для сохранения памяти о войне и отрицания возможности применения бактериологического оружия в ходе любых военных действий, которые несут в себе катастрофические последствия для всего человечества. Япония никогда официально не признавала проведение экспериментов, никогда не судила никого из виновных, не выплачивала компенсаций жертвам и не приносила официальных извинений.

Материалы Хабаровского процесса должны послужить предупреждением для потенциальных военных преступников. Однако, как показывают события последнего времени, разработка и испытания биологического оружия продолжают по периметру таких стран, как Россия, Китай и Иран, что создает угрозу и для европейских стран.

Президент Российской Федерации в послании участникам и гостям проходившего 6–7 сентября 2021 г. международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» дал высокую оценку Хабаровскому процессу 1949 г. над японскими военными преступниками, подчеркнув: «На этом процессе, так же как на Нюрнбергском и Токийском процессах, был вынесен правовой, моральный, нравственный приговор тем, кто развязал Вторую мировую войну, кто был виновен в страшных преступлениях против человечности»¹⁸. В послании говорится и о том, что необходимо эффективно противодействовать попыткам исказить события Второй мировой войны и не допустить их повторения. Участники Форума были единодушны в том, что для предотвращения подобных злодеяний как международные, так и национальные акты в сфере прав человека и медицинской этики должны включать положение, запрещающее любое соучастие в биологических экспериментах над живыми людьми. В резолюции Форума выражена консолидирующая позиция об историческом значении Хабаровского процесса 1949 г.

Нельзя не отметить, что попытки исказить и переписать историю Второй мировой войны до сих пор имеют место в странах Запада, а также в Прибалтике и на Украине¹⁹.

Более того, с 2014 г. и по настоящее время Украина под руководством Запада воюет с Россией. При этом вооруженные силы Украины обстреливают города Донбасса, Белгород, Брянск и Курск, нанося удары по гражданскому населению, жилым домам, школам и детским садам снарядами и ракетами, в том числе натовского образца: французскими, чешскими, английскими и американскими, а также дальнобойными беспилотниками, полетные задания для которых готовят к атакам на Россию в Великобритании²⁰.

Особую жестокость военнослужащие ВСУ проявили к жителям при вторжении в Курскую область. Оценку этим действиям дал Президент Российской Федерации: «Киевский режим предпринял очередную масштабную провокацию, ведет неизбирательную стрельбу из разных видов оружия, в том числе ракетного, по гражданским зданиям, жилым домам, машинам скорой помощи». Президент заверил: «Противник, безусловно,

¹⁸ Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы // Официальный сайт Российского исторического общества. URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&id=6172&catid=86 (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁹ Кудряшов К. Из-под немецкой палки. Гитлеровцы били и морили голодом прибалтов. Но ненавидят те почему-то русских // Аргументы и факты. 2024. 11–17 сент. С. 30. См. также: [12, с. 340–349].

²⁰ Угланов А. Последняя «красная линия» в войне на Украине: два варианта последствий для США // Аргументы недели. 2024. 11–17 сент.

получит достойный ответ, а все цели, стоящие перед нами, вне всяких сомнений, будут достигнуты»²¹.

Хотелось бы еще раз напомнить, что до Хабаровского процесса 1949 г. над японскими военными преступниками (в декабре 2024 г. – 75 лет) состоялись Нюрнбергский и Токийский процессы, имевшие колоссальное значение для истории. Они установили и закрепили принципы уголовной ответственности за военные преступления.

Можно полагать, что и украинские военнослужащие, совершающие действия, связанные с убийством гражданского населения и военнопленных, обстрелами и разрушением городов и других населенных пунктов, не оправданные военной необходимостью, и другие преступления, не останутся безнаказанными.

Список источников

1. Балковая В. Г. Роль Хабаровского процесса 1949 г. в международно-правовом запрещении биологического оружия // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 10. С. 769–778. DOI: 10.34670/AR.2022.50.18.057.
2. Романова В. В., Шупатов А. Я. После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации новых трибуналов на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4, № 3. С. 301–316.
3. Звягинцев Д. В. Отравители без хризантем // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 34–37.
4. Кузнецов Д. В. Оружие дьявола: Разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. 346 с. ISBN: 978-5-8331-0420-0.
5. Спицын Е. Хрущевская слякоть. 1953–1964 годы. М. : Концептуал, 2019. 592 с. ISBN: 978-5-907472-36-5.
6. Алепко А. В. Хабаровский процесс 1949 г. и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 63–70.
7. Барышев В. Хабаровский процесс над японскими военными преступниками (к 60-летию события) // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 3. С. 3–9.

²¹ В. Путин о ситуации в Курской области и помощи пострадавшим: «Все цели будут достигнуты» // Аргументы и факты. 2024. 14–20 авг.

8. Ким С. П. «Против воинствующих поджигателей войны»: архивные материалы об организации хабаровского процесса // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 1 (28). С. 35–70. DOI: 10.24412/2409-1413/2022-1-35-70.
9. Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира : моногр. М. : Проспект, 2021. 760 с. ISBN: 978-5-392-35941-7.
10. Тужилин С. В. «Совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18–24.
11. Христофоров В. С. Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России. С. 228–236. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf?ysclid=mbkifj0ytl858028504> (дата обращения: 15.07.2024).
12. Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М. : Вече, 2011. 414 с. ISBN: 978-5-9533-5979-5.
13. Романова В. В. От Токийского к Хабаровскому: Из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками – бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2, № 1. С. 72–82. DOI: 10.17720/2409-5583.t2.1.2015.06r.

References

1. Balkovaya, V. G. [The role of the Khabarovsk process of 1949 in the international legal prohibition of biological weapons]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* = [Matters of Russian and International Law]. 2022;12(10):769-778. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2022.50.18.057.
2. Romanova, V. V., Shupatov, A. Ya. After the Khabarovsk trials of 1949: the USSR, US and the attempt to organize a new tribunal at the Far East during the Cold War. *History of Medicine*. 2017;4(3):301-316. (In Russ.)
3. Zvyagintsev, D. V. Poisoners without chrysanthemums. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoj Federatsii* = [Bulletin of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. 2019;(4):34-37. (In Russ.)
4. Kuznetsov, D. V. [The Devil's weapon: The development and use of weapons of mass destruction during Japan's aggression against China (1931–1945)]. Blagoveshchensk: Publishing House of Blagoveshchensk State Pedagogical University; 2019. 346 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8331-0420-0.
5. Spitsyn, E. [Khrushchev's slush. 1953–1964]. Moscow: Kontseptual; 2019. 592 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-907472-36-5.

6. Alepko, A. V. [The Khabarovsk process of 1949 and inhuman experiments on humans in the bacteriological detachment No. 731 of the Japanese Kwantung Army]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* = [Culture and Science of the Far East]. 2019;(1):63-70. (In Russ.)
7. Baryshev, V. Khabarovsk trial of Japanese war criminals (dedicated to the 60th anniversary of the event). *Journal of International Law and International Relations*. 2009;(3):3. (In Russ.)
8. Kim, S. P. "Against militant warmongers": archival materials on the organization of the Khabarovsk process. *Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanij* = [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2022;(1):35-70. (In Russ.) DOI: 10.24412/2409-1413/2022-1-35-70.
9. Savenkov, A. N. [Nuremberg: Verdict in the name of Peace]. Monograph. Moscow: Prospekt; 2021. 760 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-35941-7.
10. Tuzhilin, S. V. "The crimes committed are a huge atrocity against humanity". Khabarovsk trial of Japanese war criminals (dedicated to the 70th anniversary of the event). *Voenno-istoricheskij zhurnal* = [Military History Magazine]. 2020;(12):18-24. (In Russ.)
11. Khristoforov, V. S. [Khabarovsk trial in 1949 based on the materials of the Central Archive of the FSB of Russia]. Pp. 228–236. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c21.9dd28d1f16.pdf?ysclid=mbkifj0ytl858028504> (Accessed: 07.15.2024) (In Russ.)
12. Narochitskaya, N. A., Falin, V. M. [The score of the Second World War. Who started the war and when?]. Moscow: Veche; 2011. 414 p. (In Russ.)
13. Romanova, V. V. From Tokyo to Khabarovsk: from the history of the preparation of the trial of Japanese war criminals – bacteriologists. *Istoriya meditsiny* = [The history of medicine]. 2015;2(1):72-82. (In Russ.) DOI: 10.17720/2409-5583.t2.1.2015.06r.

Информация об авторах / Information about the authors

Петухов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации.

Nikolay A. Petukhov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Theory of Law, State and Judicial Authority Department, Russian State University of Justice named after V. M. Levedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow,

117418, Russian Federation), Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, Retired, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Рябцева Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Ekaterina V. Ryabtseva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Theory of Law, State and Judicial Authority Department, Russian State University of Justice named after V. M. Levedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 24.12.2024; approved after reviewing 11.02.2025; accepted for publication 03.04.2025.

Рубрика **«Устанавливая связь времен»** в журнале «Правосудие/Justice» имеет целью знакомить наших читателей с достижениями отечественной юридической науки, которые имеют теоретико-познавательную и культурную ценность для сегодняшнего времени.

Российское государство являет собой органическое единство цивилизационных, отражающих самобытность России, и формационных характеристик, общих для любого государства, что дает нам основание для утверждения о том, что Россия представляет собой государство – цивилизацию¹. В этом смысле Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»² – знаковый документ, который имеет фундаментальное значение и составляет духовно-нравственную основу России как государства-цивилизации, а также представляет собой юридическую предпосылку для формирования идеологии новой России, выбравшей свой, независимый от коллективного Запада путь развития. Сам факт принятия данного документа с исторической и теоретико-познавательной точек зрения знаменует возврат к тем особенностям, которые характеризуют русскую философско-правовую и государственно-правовую традицию, по известным причинам преданную забвению.

Вместе с тем русская политико-правовая культура отличается глубиной и точностью, сохраняя теоретико-познавательное и практическое значение и по сей день³. В связи с этим особый интерес представляет уникальный по своей природе феномен правовых традиций и ценностей, система которых свойственна правовой культуре России как государства-цивилизации. Политико-правовые доктрины славянофилов, русских дореволюционных либералов и консерваторов, ученых и мыслителей советского времени содержат множество догадок и прозрений, ряд которых были воплощены в практику государственно-правового строительства. В целом их можно оценивать как запечатленный опыт национального государственно-правового самосознания, составляющий духовную основу России – государства-цивилизации.

---

¹ См.: Корнев В. Н. Государство-цивилизация как категория истории политических и правовых учений // Кроткова Н. В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 193.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

³ См.: Савенков А. Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность и перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 12.

Однако необходимо отметить, что при формировании государственных и правовых институтов новой, постсоветской России на деле срабатывали законы подражания, и российское государство и право во многом строились по лекалам, изготовленным на принципах западной государственно-правовой науки. Были преданы забвению или раскритикованы, а порою и осмеяны те оригинальные и здоровые идеи, которые вырабатывали отечественная философия права, государственно-правовая наука. Более того, стало дурной традицией и в чем-то даже привычкой не ссылаться на труды наших знаменитых предшественников при разработке тех или иных современных проблем юридической науки. Можно с горечью сказать, что прервалась нить преемственности в развитии науки права в нашей стране. Президентский Указ № 809 как раз будет способствовать повороту к нашей богатой непреходящими интеллектуальными традициями истории юридической науки, которые требуют своего глубокого и творческого развития применительно к запросам сегодняшнего времени.

Правовые традиции и ценности государствообразующего народа – это проявления духовной жизни всех народов, составляющих единое многонациональное государство, и они должны быть гармонично объединены так, чтобы государство через посредство государствообразующего народа, его интеллектуальную мощь могло выступать как нравственное целое, как в целом **духовная личность**.

Представители русской правовой мысли, как правило, не шли слепо по пути некритического восприятия идей западноевропейских ученых, хотя прекрасно знали все современные им доктрины права и государства. Русская политико-правовая мысль на всем протяжении своей истории характеризуется тем, что стремится выразить в интеллектуальной оболочке реальные народные устремления, тем самым придавая им ценностный, объективный и универсальный характер. Вместе с тем справедливости ради следует сказать, что в современной истории политико-правовой мысли России есть и темные страницы, когда оригинальные идеи русской правовой мысли, столь необходимые для движения вперед нашего общества и государства, предавались забвению. Президентский Указ № 809 и развитие науки на его основе имеют целью исправить эту плачевную ситуацию. Наконец-то российская политико-правовая наука повернется лицом к тем людям, которым она обязана своим становлением и развитием!

Хочется надеяться, что все то ценное государственно-правовое наследие, которое досталось нам от наших предшественников, будет достойно и критически оценено и непременно будет востребовано в процессе суверенного государственно-правового развития России как государства-цивилизации.

В названной рубрике редакция журнала предполагает размещение оригинальных статей, посвященных анализу теоретических концепций

известных отечественных ученых-юристов по всему спектру правовой науки, а также полных текстов или извлечений из наиболее значимых работ, составляющих золотой фонд отечественной юридической науки, которые не потеряли исторического и теоретико-познавательного значения для современного правоведения. Среди них можно назвать таких выдающихся ученых, оставивших заметный след в юридической науке России, как А. А. Алексеев, А. С. Алексеев, Н. Н. Алексеев, Б. А. Кистяковский, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский, Н. И. Палиенко, Н. И. Лазаревский, П. И. Новгородцев, Ф. В. Тарановский, Г. Ф. Шершеневич и другие.

Институтом государства и права РАН разработан и активно реализуется проект «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России». Уже появился ряд работ, которые отвечают целям указанного проекта: А. Н. Савенкова «Философия права России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность перспективы»⁴ и «Философия права и становление российского государства-цивилизации»⁵; В. С. Горбаня «Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридической науки»⁶; В. В. Лапаевой и Л. Е. Лаптевой «Повышение роли философии права в системе высшего юридического образования в свете стратегических задач цивилизационного развития России»⁷; В. Н. Корнева «Правовые ценности государствообразующего народа»⁸.

В настоящем номере журнала публикуется статья С. А. Завражного – аспиранта кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета имени В. М. Лебедева, посвященная государственно-правовым взглядам выдающегося русского ученого-юриста Ф. Ф. Кокошкина.

*Главный редактор
журнала «Pravosudie/Justice»
доктор юридических наук, профессор
В. Н. Корнев*

⁴ Государство и право. 2023. № 8. С. 7–21.

⁵ Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М. : Наука, 2024. 739 с.

⁶ Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 4. С. 92–101.

⁷ Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 10. С. 1–24.

⁸ Государство и право. 2025. № 4. С. 25–34.

Научная статья

УДК 340.13

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.54-66

Учение Ф. Ф. Кокошкина о формах образования права: теоретико-правовой анализ

Сергей Алексеевич Завражнов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
zavrazhnov.sergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4170-4668>*

Аннотация

Введение. На сегодняшний день дискуссия о генезисе форм права приобретает особую актуальность. В этой связи исследователи все чаще обращаются к теоретическим наработкам дореволюционных правоведов, изучавших систему сложившихся к концу XIX в. в Российской империи форм права. При этом, несмотря на теоретическую важность, до сих пор остаются малоизученными взгляды видного русского конституционалиста Федора Федоровича Кокошкина, в том числе его концепция форм правообразования, в основе которой лежит общественное правосознание.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящей статьи составили труды Ф. Ф. Кокошкина, а также работы иных отечественных как дореволюционных, так и современных ученых. При подготовке работы были использованы следующие методы научного исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования. По итогам проведенного исследования были проанализированы взгляды Кокошкина относительно особенностей обычая, соглашения и закона как видов формализованного общественного признания. Затронут вопрос выделения Кокошкиным судебного прецедента в качестве отдельной формы права. В работе уделено внимание анализу концепции общественного провозглашения, разработанной Кокошкиным, и одной из форм его практического воплощения – Манифеста 17 октября 1905 г.

Обсуждение и заключение. Под формой образования права Кокошкин понимал выраженное вовне общественное признание. Он выделял три уровня форм правообразования в зависимости от того, как формализуется общественное признание: непосредственно или опосредованно. Под непосредственными формами права правовед понимал обычай, соглашение и общественное провозглашение. В качестве производных форм Кокошкин выделял закон (второй уровень) и правительственные постановления и указы (третий уровень). Общественное провозглашение Кокошкин признавал экстраординарной формой права, представляющей собой учреждение на основе сформированного общественного правосознания правила, пользующегося общественным одобрением. В качестве практического воплощения акта провозглашения Кокошкин выделял Манифест 17 октября, за что подвергся критике сторонниками юридического позитивизма.

Ключевые слова: Ф. Ф. Кокошкин, источник права, форма правообразования, общественное правосознание, закон, обычай, общественное провозглашение

Для цитирования: Завражнов С. А. Учение Ф. Ф. Кокошкина о формах образования права: теоретико-правовой анализ // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 54–66. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.54-66.

Original article

The Doctrine of F. F. Kokoshkin on the Forms of Law Formation: Theoretical and Legal Analysis

Sergey A. Zavrazhnov

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

zavrazhnov.sergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4170-4668>

Abstract

Introduction. Today, the discussion about the genesis of forms of law is becoming particularly relevant. In this regard, researchers are increasingly turning to the theoretical developments of pre-revolutionary jurists who studied the system of legal forms established by the end of the 19th century in the Russian Empire. At the same time, despite its theoretical importance, the views of the prominent Russian constitutionalist Fedor Fedorovich Kokoshkin, including his concept of forms of legal education based on public awareness of the law, are still poorly understood.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this article is the works of F. F. Kokoshkin, as well as the works of other Russian pre-revolutionary and modern scientists. The following scientific research methods were used in the preparation of the work: analysis, synthesis, induction, deduction, formal legal, systemic, comparative legal.

Results. Based on the results of the study, Kokoshkin's views on the specifics of custom, agreement, and law as types of formalized public recognition were analyzed. The issue of Kokoshkin's allocation of judicial precedent as a separate form of law was also raised. Special attention is paid to the analysis of Kokoshkin's concept of public proclamation and one of the forms of its practical implementation, the Manifesto of October 17, 1905.

Discussion and Conclusion. By the form of legal education, Kokoshkin understood outward public recognition. He distinguished three levels of forms of legal education, depending on how public recognition is formalized: directly or indirectly. By direct forms of law, the jurist understood custom, agreement, and public proclamation. Kokoshkin distinguished the law (the second level) and government resolutions and decrees (the third level) as derived forms. Kokoshkin recognized public proclamation as an extraordinary form of law, which is an institution based on a rule formed by public awareness that enjoys public approval. As a practical embodiment of the act of proclamation, Kokoshkin singled out the Manifesto of October 17, for which he was criticized by supporters of legal positivism.

Keywords: F. F. Kokoshkin, source of law, form of law formation, public legal consciousness, law, custom, public proclamation

For citation: Zavrazhnov, S. A. The Doctrine of F. F. Kokoshkin on the forms of law formation: theoretical and legal analysis. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):54-66. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.54-66.

Введение

Вопрос исторического развития форм российского права неоднократно становился предметом исследований в отечественной правовой мысли. Однако, несмотря на высокую степень изученности, анализ генезиса форм права до сих пор не теряет актуальность в связи с усложнением регулируемых правом общественных отношений, их цифровизацией. Указанные обстоятельства вынуждают правоведов в поисках новых правовых форм все чаще обращаться в том числе к работам дореволюционных ученых-конституционалистов для их теоретического переосмысления. Важность таких исследований заключается в анализе концепций отечественных правоведов по наиболее дискуссионным темам современной правовой науки, в частности по вопросам понимания формы права, ее соотношения с источниками права, а также устранения сохраняющейся неопределенности в системе форм позитивного права Российской империи периода конца XIX – начала XX в.

Взгляды дореволюционных юристов относительно форм права, включая систематизацию таких форм, рассмотрены в работах некоторых отечественных исследователей, например Н. В. Путило [1], Д. Д. Пашенцевой [2], М. А. Рогачева [3], И. В. Ботанцова [4] и др. В то же время малоизученными остаются взгляды известного дореволюционного государственоведа Федора Федоровича Кокошкина (1871–1918), внесшего значительный вклад в развитие учения о формах права¹. Необходимость подробного изучения взглядов ученого относительно форм права, по нашему мнению, обусловлена в том числе оригинальностью его концепции об акте общественного провозглашения как первичной форме правообразования. Представляется, что развитие данной концепции современной теорией права сможет расширить понимание природы источников права, а также развить психологическую интерпретацию образования права. В связи с этим целью настоящей статьи выступает восполнение данного пробела в изучении научного наследия Кокошкина.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляют прежде всего труды самого Ф. Ф. Кокошкина, отражающие позицию ученого относительно форм образования права. Помимо этого, были использованы

¹ Концепция Кокошкина относительно форм права была затронута, например, в работах В. Н. Корнева [5] и Т. Е. Грязновой [6], однако она была проанализирована авторами в весьма общем виде.

работы иных дореволюционных правоведов, в частности Н. И. Лазаревского [7], Я. М. Магазинера [8], А. А. Рождественского [9], П. Б. Струве [10], В. М. Нечаева [11], посвященные анализу юридической природы Манифеста 17 октября 1905 г., представлявшего собой, по мнению Кокошкина, практическое воплощение акта общественного провозглашения (формы правообразования).

Для достижения цели исследования автором использованы следующие методы научного исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования

Термин «источник права» Кокошкин признавал не вполне удачным. Вместо указанного понятия он использовал термин «форма образования права», что в целом было характерно для дореволюционной юридической науки. Кокошкин в своих работах не проводил четкой дифференциации между источником и формой права или источниками права в субъективном и объективном смысле. Между тем фактически правовед выделял формы правообразования применительно к объективному праву.

Под формой образования права ученый понимал выраженное вовне (в определенных удобораспознаваемых формах) общественное признание [12, с. 121]. Здесь стоит отметить, что Кокошкин развивал концепцию «общего признания» немецкого юриста Э. Бирлинга. Бирлинг определял право следующим образом: «Право в юридическом смысле – это, как правило, все то, что люди, живущие вместе в каком-либо сообществе, взаимно признают в качестве нормы и правила их сосуществования» [13, S. 19]. Признавая верность учения Бирлинга в части создания права обществом путем его признания, Кокошкин критикует возможность существования актов признания, исходящих от всех членов общества, в частности душевнобольных и малолетних. В понимании юридической нормы Кокошкин опирался и на психологическую правовую теорию Л. И. Петражицкого, признающую норму права как императивно-атрибутивные переживания [14, с. 84–85]. Однако Кокошкин критично относился к пониманию Петражицким права как явления индивидуального, изолированного сознания. Для Кокошкина право является продуктом коллективной психологии. В связи с этим Кокошкин интерпретировал юридическую норму как общественно признанную норму, связывающую волю лица в интересе другого лица и в зависимости от осуществляющей этот интерес воли [12, с. 120].

Таким образом, очевидно, что одним из признаков юридической нормы, по мнению Кокошкина, выступает ее общественное признание. Такое признание является ключевым при анализе форм правообразования и построении их иерархии. Так, ученый выделяет три уровня таких форм в зависимости от того, как формализуется общественное признание: непосредственно или опосредованно.

Среди непосредственных (первичных) форм права правовед выделял обычай, соглашение и общественное провозглашение. Под опосредованной (вторичной) формой он понимал закон. Помимо этого, Кокошкин выделял и третий уровень юридических норм, берущих свое начало из законодательной деятельности государства, – правительственные распоряжения или указы.

Обычай отличается тем, что в нем, во-первых, юридическая норма находит выражение не в словах, а в действиях людей, во-вторых, внешняя форма выражения общественного правосознания предшествует самому правосознанию [12, с. 121]. Это объясняется тем, что осознание обязательности таких действий происходит после определенного периода их совершения под воздействием психических факторов. Тем самым общественное правосознание, лежащее в основе юридической нормы, принимает форму обычая уже после формирования сложившегося поведения, первоначальные мотивы которого со временем утрачиваются.

В этом аспекте обычай по характеру своего образования является исключением по сравнению с иными формами правообразования, поскольку в других случаях первоначально складывается общественное правосознание, а затем оно претворяется в положительное право, находя свое внешнее выражение в различных правовых формах.

Другой первичной формой образования права, по мнению Кокошкина, выступает **соглашение**. Особой заслугой правоведа является разграничение соглашения и правового договора. Так, он указывал, что соглашение создает абстрактную норму, т. е. объективное право, а договор в этом плане не создает норму, а устанавливает права и обязанности сторон, исходя из уже существующей абстрактной нормы. То есть договор выступает как средство реализации субъективного права индивида. В качестве примера соглашения ученый приводит международно-правовые договоры, устанавливающие обязательные для стран – участниц такого соглашения нормы международного права. Такое соглашение, устанавливающее обязательное поведение, может заключаться и в частных сообществах. Однако Кокошкин делает оговорку, что в таком случае общественная группа должна быть немногочисленна и иметь в числе своих членов исключительно дееспособных лиц [12, с. 122]. Позитивацию права путем всеобщего соглашения на уровне государства ученый считает невозможной. Выделяемое Кокошкиным соглашение фактически является прообразом одной из современных форм права, признанных юридической наукой, – нормативного договора.

Что касается опосредованных или вторичных форм образования права, то в качестве главенствующей формы Кокошкин выделяет **закон**. Для него закон является велением государственной власти, устанавливающим юридическую норму [12, с. 123]. Таким образом, отличительная черта закона состоит в том, что общественное признание находит свое выражение через действия законодательного органа, который впра-

ве издавать общеобязательные правила поведения. Вторичность закона обусловлена тем, что его существование предполагает наличие стоящей над ним высшей нормы, определяющей порядок его принятия. В частности, Кокошкин писал: «Сам факт издания закона предполагает существование предшествующих закону юридических норм, регулирующих порядок законодательства. Эти нормы стоят выше закона, ибо только при соблюдении их законодательный акт получает обязательную силу» [15, с. 46]. В данном случае для ученого не идет речи об основных законах или конституции, он прямо указывает, что любая конституция есть такой же закон, который издается в установленном порядке [15, с. 46].

Таким образом, закон является производной нормой, находящей свой обязательный статус от первичных форм правообразования, например обычая или общественного провозглашения. В данном случае правовед делает вывод, что население, прямо признавая законодательную власть, косвенно признает и все законодательные акты, принятые этой властью. При этом понятие закона Кокошкин рассматривал в широком и узком смыслах. В широкое понятие закона, помимо принятых законодательным органом нормативных актов, правовед включал еще и акты исполнительной власти – правительственные распоряжения и указы. Однако, как уже было указано, акты исполнительной власти государствовед относил к формам уже не вторичного, а третичного порядка, обосновывая это тем, что именно законодательный орган устанавливает для иных государственных органов возможность формировать такие юридические нормы.

Обратимся, наконец, к наиболее интересной форме правообразования – **общественному провозглашению**. Кокошкин отмечает, что такая форма является экстраординарным способом образования права. Для нее характерно то, что, в отличие от обычая, она является сознательной формой образования права, но вместе с тем отличается от закона, поскольку имеет в своей сущности непосредственное выражение общественного признания [12, с. 124]. По мнению Кокошкина, такое провозглашение заключается в следующем: действующий государственный орган (не обязательно законодательный) или группа лиц, наделенная авторитетом и создавшая, например, совершенно новый орган, не имеющий до этого государственной власти, провозглашают определенный порядок государственного устройства, который может стать нормой положительного права, если он будет поддержан общественным одобрением. Такая ситуация может возникнуть, например, если принятое законодательство будет противоречить общественному правосознанию или правосознание населения «перерастет» существующее устройство государственного строя, а значит, возникнет потребность в выработке нового правила управления государством. Провозглашение новых конституционных правил может происходить как мирно, так и вследствие революций или переворотов. Таким образом, в отличие от закона, общественное провозглашение является первичной юридической нормой, от которой эти законы черпают

свою обязательную силу. Более того, общественное провозглашение, являясь надзаконной нормой, может определять не только устройство власти, но и содержание законодательной деятельности. Тем самым принятое законодательство должно базироваться на содержании общественного провозглашения, в основе которого лежит правосознание населения. Такое понимание первичных норм в целом, а провозглашения в частности, дает правоведам возможность сделать важный вывод: первичные нормы не могут быть законодательно отменены. Данное положение является необходимым звеном в концепции ограничения государственной власти правом, поддерживаемой Кокошкиным. Он указывал, что государство связано не законами – оно их всегда может отменить путем принятия нового закона, а первичными нормами, определяющими порядок государственной деятельности. Однако даже первичные нормы не являются вечными: они могут быть заменены при условии изменения общественного правосознания, выразившегося в принятии нового провозглашения или обычая.

В отечественной литературе можно встретить мнение, по которому акт провозглашения Кокошкина фактически трактуется в качестве судебного прецедента. Так, Т. Е. Грязнова, прямо не признавая акт общественного провозглашения в качестве отдельной формы права, указывала, что Кокошкин среди них различал в том числе «такую “экстраординарную” форму, как решение, выносимое судьей по конкретному делу на основе собственного правосознания (судебный прецедент)» [6, с. 24]. Вероятно, профессор Грязнова сделала такой вывод, исходя из трактовки генезиса акта провозглашения, указанного Кокошкиным. Кокошкин действительно писал, что в случае, когда обычай не может урегулировать всех общественных отношений, «лицо или лица, творящие правосудие, обращаются к своему внутреннему правосознанию и, руководствуясь им, провозглашают известное правило» [12, с. 124].

Однако если оставить исключительно приведенное понимание провозглашения и, соответственно, приравнять его к судебному прецеденту, то упускаются два важных момента. Во-первых, приведенное положение Кокошкин использовал для обозначения ранней государственной эпохи, когда основным источником права являлся обычай, а государство осуществляло лишь судебную власть. Во-вторых, на что уже было указано, важнейшим критерием акта провозглашения Кокошкин считал общественное признание. При этом в качестве примера такого признания для применения при рассмотрении конкретного дела лицом, осуществляющим правосудие, собственного правосознания Кокошкин называл непосредственно одобрительный гул присутствующего при решении судебного дела народа.

Очевидно, что в современных условиях такое одобрение делается невозможным. Более того, с учетом усложнения государственной деятельности и расширения законодательной власти изменилась и сущность самого общественного провозглашения.

Кокошкин придавал этому акту характер учредительного документа, устанавливающего, в том числе, основы законодательной деятельности государства. В качестве примера такого провозглашения Кокошкин называл Манифест 17 октября 1905 г. На наш взгляд, признавать судебное решение по конкретному делу одной из форм акта провозглашения едва ли возможно. Общественным провозглашением скорее могли бы быть признаны акты толкования законов Правительствующего Сената. В частности, о возможности такого исхода событий писал и Кокошкин: «...нужно заметить, что такой способ установления юридических норм (путем общественного провозглашения. – С. З.) применялся палатой общин лишь в тех случаях, когда она была уверена, что выражает вполне назревшее общественное правосознание, не могущее найти себе выхода в обычном порядке законодательства, и что, по свойственному английскому народу уважению к сложившимся институтам, новое право создавалось под видом истолкования существующего права» [12, с. 125]. Отдельно отметим, что Кокошкин возражал против такого полномочия Сената, поскольку разъяснение им законов близко к аутентичному толкованию, что может привести к вторжению в область компетенции законодательной власти [16, с. 18].

Общественное провозглашение как форма непосредственного образования права, безусловно, отличается оригинальностью, однако, на наш взгляд, его выделение вызывает несколько трудноразрешимых вопросов. Во-первых, не ясно, в какой ситуации и при каких условиях можно с уверенностью говорить о необходимости установления какого-либо правила через общественное провозглашение? Во-вторых, каким уровнем общественной поддержки должно обладать провозглашение, чтобы можно было судить о сложившемся общественном одобрении?

Частично отвечая на перечисленные вопросы, Ф. Ф. Кокошкин отмечал, что подтверждением общественного одобрения может являться референдум или выражение такого одобрения посредством печати или общественных собраний. Помимо этого, он указывал на признание такого провозглашения путем совершения конклюдентных действий, т. е. добровольного выполнения гражданами провозглашенного правила. Тем не менее правовед признает: «При борьбе в обществе различных убеждений, из которых ни одно не имеет за собою явного преобладания, установить признаки общественного одобрения трудно» [12, с. 126]. А значит, в данном случае речь идет не о вопросе права, а о вопросе факта, т. е. «возникновение первичных норм определяется не юридическими, а фактическими действиями» [15, с. 51].

Для того чтобы лучше понять сущность и особенности практического осуществления общественного провозглашения, на наш взгляд, необходимо обратиться к трактовке Кокошкиным юридической природы Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанного императором Николаем II 17 октября 1905 г. Стоит отме-

тить, что в дореволюционной литературе правовая сущность Манифеста имела разные трактовки. Одна группа правоведов понимала Манифест 17 октября как октроированную конституцию, обозначающую переход к конституционно-монархическому строю [10; 11]. Вторая группа государствоведов идентифицировала Манифест как формальный закон, являющийся приказом государя правительству о принятии в дальнейшем материальных законов, развивающих его содержание [7; 9]. Третьи писали о нем как о конституционном соглашении между правительством и обществом [8]. Интересно мнение современного исследователя В. В. Виноградова, указывавшего, что Манифест «...не был конституцией и даже конституционным законом, а по своим юридическим характеристикам походил на так называемые европейские конституционные хартии, получившие распространение в эпоху конституционных преобразований, предусматривавшие участие народа в законотворчестве и подтверждавшие права человека» [17, с. 183].

В свою очередь Кокошкин, критикуя догматический взгляд на Манифест, указывал, что его сторонники не могут понять особенность юридической сущности такого документа, признавая право исключительным продуктом государственной деятельности. Для Кокошкина закон является вторичной формой правообразования, поскольку он опосредованно формализует общественное правосознание. Несмотря на то что он указывал на значение Манифеста как формального закона, тем не менее этот закон тесным образом был связан с непосредственным проявлением общественного правосознания, т. е. является актом провозглашения, устанавливающим первичные, основные нормы нового государственного правопорядка [9, с. 55]. Тогда, по мнению Кокошкина, Манифест, в отличие, например, от закона, не может быть отменен императором. Напротив, с момента его принятия развитие положений Манифеста является для государственных органов не только юридически, но и даже морально необходимым. Более того, как отмечает Кокошкин, государство может нарушать положения общественного провозглашения, однако, пока не изменилось народное правосознание, основы провозглашения не будут поколеблены. Таким образом, Манифест останется актом высшей юридической силы, служащим критерием для юридической оценки иных правовых актов государства.

Такой взгляд на сущность Манифеста оспаривал А. А. Рождественский. В работе «Юридическая природа манифеста 17-го октября 1905 года: критико-систематический очерк» (1916) он проанализировал взгляды Кокошкина на Манифест как на акт общественного провозглашения с позиции юридического позитивизма. В частности, ученый указывал на недостаточную дифференциацию Кокошкиным источников права на субъективные (положительные формы права) и объективные (факторы правообразования) [9]. Следовательно, Рождественский не рассматривал общественное провозглашение в качестве юридиче-

ской нормы наряду, например, с законом или соглашением. В отличие от Кокошкина, он придавал акту провозглашения сущность фактора правообразования, т. е. фактора, проявляющего свою деятельность в строго установленных законом формах [9, с. 25–27]. В соответствии с таким взглядом Рождественский критикует и понимание акта провозглашения в качестве первичной нормы, поскольку для него первичной нормой могут быть только основные (конституционные) законы, которые, по мнению Рождественского, правильнее именовать учредительной хартией.

Обсуждение и заключение

Под формой образования права Кокошкин понимал выраженное вовне (в определенных удобораспознаваемых формах) общественное признание, выделяя такие формы применительно к объективному праву. Он указывал на три уровня форм правообразования в зависимости от того, как формализуется общественное признание: непосредственно или опосредованно. Под непосредственными формами права ученый понимал обычай, соглашение и общественное провозглашение. В качестве производных форм Ф. Ф. Кокошкин выделял закон (второй уровень) и правительственные постановления и указы (третий уровень). Экстраординарной формой права для правоведа является общественное провозглашение, представляющее собой учреждение на основе сформированного общественного правосознания правила, пользующегося общественным одобрением. Общественное провозглашение является первичной юридической нормой, на основании которой формируется законодательная деятельность государства. В качестве практического воплощения акта провозглашения Кокошкин называл Манифест 17 октября.

Список источников

1. Путило Н. В. Источники права Российской империи: проблемные вопросы и современные подходы к их решению // Образование и право. 2023. № 11. С. 184–191. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-184-191.
2. Пашенцева Д. Д. Система источников права Российской империи в XIX веке: основные характеристики и особенности развития // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2021. № 2 (42). С. 96–103. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.10.
3. Рогачев М. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в период Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Юридические науки. 2019. № 4 (36). С. 94–98. DOI: 10.25688/2076-9113.2019.36.4.12.

4. Ботанцов И. В. Эволюция системы источников права Российской империи 1832–1917 гг. // Восточно-Европейский научный журнал. 2016. № 10. С. 9–14.
5. Корнев В. Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 437 с.
6. Грязнова Т. Е. Теория государства и права Ф. Ф. Кокошкина // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2017. № 3 (52). С. 21–25. DOI: 10.25513/1990-5173.2017.3.21-25.
7. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. СПб. : Кн. маг. «Право», 1913. 672 с.
8. Магазинер Я. М. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. 20 с.
9. Рождественский А. А. Юридическая природа манифеста 17-го октября 1905 года: критико-систематический очерк. Ярославль : Тип. губ. правления, 1916. 59 с.
10. Струве П. Б. Два забастовочных комитета // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 223–228.
11. Нечаев В. М. Манифест 17-го октября и форма правления // Полярная звезда. 1906. № 4. С. 291–294.
12. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М. : Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.
13. Bierling E. R. Juristische Prinzipienlehre. Bd. 1. Freiburg i. B. und Leipzig : Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr, 1894. 350 S.
14. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Тип. С.-Петербур. акц. общ. «Слово», 1907. 308 с.
15. Кокошкин Ф. Ф. Юридическая природа манифеста 17 октября // Юридический вестник. 1913. Кн. 1. С. 35–56.
16. Кокошкин Ф. Ф. К вопросу о реформе Сената. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. 24 с.
17. Виноградов В. В. Манифест от 17 октября 1905 г.: юридическая природа и содержание (из истории российского конституционализма) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (101). С. 181–186.

References

1. Putilo, N. V. [Sources of law of the Russian Empire: problematic issues and modern approaches to their solution]. *Obrazovanie i pravo* = [Edu-

- cation and Law]. 2023;(11):184-191. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-184-191.
2. Pashentseva, D. D. [The system of sources of law of the Russian Empire in the 19th century: the main characteristics and features of development]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki* = [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences]. 2021;(2):96-103. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.10.
  3. Rogachev, M. A. [Law as a form of domestic law during the Russian Empire]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki* = [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences]. 2019;(4):94-98. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-9113.2019.36.4.12.
  4. Botantsov, I. V. [The evolution of the system of sources of law of the Russian Empire 1832–1917]. *Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy zhurnal* = [East European Scientific Journal]. 2016;(10):9-14. (In Russ.)
  5. Kornev, V. N. [Problems of the theory of the state in the liberal legal thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 437 p. (In Russ.)
  6. Gryaznova, T. E. [The theory of state and law by Kokoshkin]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo* = [Bulletin of Omsk University. Series: Pravo]. 2017;(3):21-25. (In Russ.) DOI: 10.25513/1990-5173.2017.3.21-25.
  7. Lazarevskiy, N. I. [Russian state law]. St. Petersburg: The Bookstore “Pravo”; 1913. 672 p. (In Russ.)
  8. Magaziner, Ya. M. [The legal significance of the manifesto of October 17, 1905]. Moscow: Publishing House of G. Lissner and D. Sobko; 1915. 20 p. (In Russ.)
  9. Rozhdestvenskiy, A. A. [The legal nature of the manifesto of October 17th, 1905: a critical and systematic essay]. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government; 1916. 59 p. (In Russ.)
  10. Struve, P. B. [Two strike committees]. *Polyarnaya zvezda* = [The North Star]. 1905;(3):223-228. (In Russ.)
  11. Nechaev, V. M. [The manifesto of October 17th and the form of government]. *Polyarnaya zvezda* = [The North Star]. 1906;(4):291-294. (In Russ.)
  12. Kokoshkin, F. F. [Lectures on general state law]. Moscow: Bashmakov Brothers; 1912. 306 p. (In Russ.)
  13. Bierling, E. R. *Juristische Prinzipienlehre*. Bd. 1. Freiburg i. B. und Leipzig: Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr; 1894. 350 S.

14. Petrazhitskiy, L. I. [*The theory of law and the state in relation to the theory of morality*]. St. Petersburg: Printing House of the St. Petersburg Joint-Stock Company of Printing and Stationery Business "Slovo"; 1907. 308 p. (In Russ.)
15. Kokoshkin, F. F. [The legal nature of the manifesto on October 17th]. *Yuridicheskij vestnik* = [*Legal Bulletin*]. 1913;(1):35-56 (In Russ.)
16. Kokoshkin, F. F. [*On the issue of Senate reform*]. Moscow: Publishing House of G. Lissner and D. Sobko; 1908. 24 p. (In Russ.)
17. Vinogradov, V. V. [Manifesto dated October, 17: juridical nature and contents (from the history of the Russian constitutionalism)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = [*Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*]. 2015;(6):181-186. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Завражнов Сергей Алексеевич, аспирант кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Sergey A. Zavrazhnov, Postgraduate Student at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 07.05.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 07.05.2025.

Научная статья

УДК 344.651

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.67-79

О феномене института «непроцессуальные контакты» в деятельности судьи (по законодательству Республики Казахстан)

**Ернар Нурланович Бегалиев¹,
Назарбек Шаруанович Жемпиисов²**

¹ Высший Судебный Совет Республики Казахстан, Астана,
Республика Казахстан

² Академия правоохранительных органов при Генеральной
прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Акмолинская область,
Республика Казахстан

¹ ernar-begaliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6659-8576>

² oxbridge23@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2563-0838>

Аннотация

Введение. Постановка проблемы исследования обусловлена наличием целого ряда вопросов, сопряженных с пониманием института «непроцессуальные контакты» в рамках как профессиональной (служебной), так и иной деятельности судей. Целью исследования является анализ положений Конституции Республики Казахстан, Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», Закона Республики Казахстан «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан», Кодекса судейской этики, в которых упоминается институт «непроцессуальные контакты». В статье проводится анализ организационно-правового положения института «непроцессуальные контакты» в правовой базе Республики Казахстан, его места в законодательстве, с тем чтобы исключить факты непроцессуального поведения судей и минимизировать негативные последствия как для судебной системы страны, так и для безопасности общества в целом.

Методы. Исследование проводилось с использованием комплекса методов, включающих юридический анализ, основанный на изучении официальных документов, нормативных правовых актов и правовых положений, регулирующих судебную деятельность. Данные методы способствовали глубокому анализу проблем, связанных с использованием некоторыми недобросовестными судьями «непроцессуальных контактов» в профессиональной судейской деятельности.

сти, и выявлению возможных последствий для законности и справедливости выносимых в этих случаях судебных решений.

Результаты исследования. Сформулирован вывод о том, что расположение термина «непроцессуальные контакты» в ст. 4 Кодекса судейской этики Республики Казахстан не вполне обоснованно. Кодекс судейской этики Республики Казахстан от 21 ноября 2016 г. не является, на наш взгляд, «полноценным» нормативным правовым актом, принимаемым в установленном законном порядке. Данный Кодекс, принятый на VII Съезде республиканского общественно-го объединения «Союз судей Республики Казахстан», следует признать актом, не имеющим фактической юридической силы.

Обсуждение и заключение. Следовательно, дефиницию «непроцессуальные контакты», как считают авторы, необходимо закрепить в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. Данное предложение направлено на официальное законодательное закрепление института «непроцессуальные контакты» в законодательной базе Республики Казахстан. Это стало бы первым шагом для организационно-правового признания такого феномена в деятельности судей и ее потенциальной минимизации для судебной и национальной безопасности.

Ключевые слова: судебная власть, доктрина, ответственность, непроцессуальный контакт, судья, безопасность

Для цитирования: Бегалиев Е. Н., Жемпиисов Н. Ш. О феномене института «непроцессуальные контакты» в деятельности судьи (по законодательству Республики Казахстан) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 67–79. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.67-79.

Original article

Phenomenon of the Institute “Non-Procedural Contacts” in the Activities of a Judge (According to the Legislation of the Republic of Kazakhstan)

Yernar N. Begaliyev¹, Nazarbek Sh. Zhempiissov²

¹ Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

² Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Akmola Region, Republic of Kazakhstan

¹ ernar-begaliyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6659-8576>

² oxbridge23@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2563-0838>

Abstract

Introduction. The formulation of the research problem is associated with the presence of a number of questions related to the understanding of the institute “non-procedural contacts” both within the framework of professional (official) and other activities of judges. The purpose of the study is to analyze the provisions of the Basic Law of the Republic of Kazakhstan, the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan “On the Judicial System and the Status of Judges of the Republic of Kazakhstan of the Republic of Ka-

zakhstan”, the Law of the Republic of Kazakhstan “On the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan”, the Code of Judicial Ethics, in the context of studying the phenomenon of “non-procedural contacts”. The objective of the study is to analyze the organizational and legal location of the institution of “non-procedural contacts” in the legal framework of the Republic of Kazakhstan, its formal and actual prospective legislative location in the legal “fabric” of the Republic of Kazakhstan and, as a result, the possibility of preventing future facts of non-procedural behavior and minimizing various consequences for both the judicial system of the country and the security of society as a whole.

Methods. The study was conducted using a set of methods, including legal analysis based on the study of official documents, regulatory legal acts and legal provisions governing judicial activity in the Republic of Kazakhstan. These methods contributed to a deep analysis of issues related to the use of “non-procedural contacts” by some unscrupulous judges in their professional judicial activities and to identify possible consequences for the legality and fairness of judicial decisions.

Results. Conclusions were formulated that the legal position of the term “non-procedural contacts” in Article 4 of the Code of Judicial Ethics of the Republic of Kazakhstan is not entirely justified. Considering that today the Code of Judicial Ethics of the Republic of Kazakhstan dated November 21, 2016 is not a “full-fledged” regulatory legal act adopted in accordance with the established legal procedure, but is recognized as an act adopted at the VII Congress, in fact, of the republican public association “Union of Judges of the Republic of Kazakhstan” and does not have actual legal force.

Discussion and Conclusion. Thus, the authors propose to enshrine the definition of “non-procedural contacts” in the current Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. This proposal is aimed at the official and legislative definition of the place of the institute of “non-procedural contacts” in the legislative framework of the Republic of Kazakhstan and the first step for the organizational and legal recognition of such a phenomenon in the activities of judges and its potential minimization for judicial and national security.

Keywords: judicial power, doctrine, responsibility, non-procedural contact, judge, security

For citation: Begaliyev, Ye. N., Zhempiisov, N. Sh. Phenomenon of the institute of “non-procedural contacts” in the activities of a judge (according to the legislation of the Republic of Kazakhstan). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):67-79. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.67-79.

Введение

Согласно п. 4 ст. 3 Конституции Республики Казахстан «государственная власть в Республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов»¹.

Таким образом, судебная власть является одним из трех видов власти любой правовой и цивилизованной страны. С учетом этого представители судебной власти имеют особые задачи и наделены специальными возможностями в сравнении с обычными гражданами. При этом значимую

¹ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>.

роль в современном обществе и государстве играют институты судебной власти, а значит, честность и непререкаемый авторитет судей всех уровней и рангов выступают их неотъемлемыми характеристиками.

Вместе с тем нередко не вполне добросовестные судьи наряду с совершением различного рода общественно опасных деяний (*коррупционного, иного корыстного характера и др.*), иногда по различным «необъяснимым» причинам вступают в так называемые «непроцессуальные контакты» с участниками процесса, их представителями или третьими лицами, заинтересованными в определенном исходе дела.

Парадоксально, что действия, охватываемые термином «непроцессуальные контакты», имеющие потенциал угрозы как для отдельных сторон процесса, так и в целом для авторитета и безопасности общества и государства, закреплены не в конкретном правовом акте, регламентирующем судебную или процессуальную деятельность, а лишь в Кодексе судейской этики, определяющем этические нормы и правила поведения для действующих судей и судей, пребывающих в отставке.

Методы

Исследование проводилось с использованием комплекса методов, включающих юридический анализ, основанный на изучении официальных документов, нормативных правовых актов и правовых положений, регулирующих судебную деятельность. Данные методы способствовали глубокому анализу проблем, связанных с использованием некоторыми недобросовестными судьями «непроцессуальных контактов» в профессиональной судейской деятельности, и выявлению возможных последствий для законности и справедливости выносимых в этих случаях судебных решений.

Результаты исследования

В пунктах 1 и 2 ст. 75 Конституции Республики Казахстан закреплено: «Правосудие в Республике Казахстан осуществляется только судом» и «Судебная власть осуществляется посредством гражданского, уголовного и иных установленных законом форм судопроизводства. В случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей».

Идея разграничения властей, по сути – деятельности государственных органов, высказывалась еще античными мыслителями Платоном, Аристотелем, Полибием и другими.

Одним из первых Д. Лильбери призвал к разделению властей на законодательную, исполнительную и судебную с целью гарантий законности и предупреждения возможных злоупотреблений в государстве. Лишь в том случае, считал он, когда эти власти будут осуществляться различными органами и лицами, можно уничтожить произвол и обеспечить прочность самого правления [1, с. 110]. Эта концепция получила распространение, и идея разграничения властей стала признаваться

в качестве обязательного признака любого конституционно-правового государства.

Полагаем, что государственно-правовая «сила» и авторитет судебной власти обязывают к серьезному подходу к определению ее роли в управлении обществом и государством.

Так, согласно п. 2 ст. 1 Конституционного закона Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» от 25 декабря 2000 г. (далее – Конституционный закон) «судебная власть осуществляется от имени Республики Казахстан и имеет своим назначением защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров республики»².

Наряду с этим в соответствии с п. 1 ст. 3 Конституционного закона «судебную систему Республики Казахстан составляют Верховный Суд Республики Казахстан, местные и другие суды, учреждаемые в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и настоящим Конституционным законом». При этом судебная система становится судебной властью в том случае, когда она наделяется отдельными возможностями воздействия на другие органы власти, включается в систему сдержек и противовесов, препятствующих узурпации всей государственной власти одной из них. Законодательной и судебной практикой в ходе своей истории сформирован ряд неотъемлемых принципов существования и реализации судебной деятельности и власти. Среди них:

- несменяемость судьи; судьи избираются или назначаются на должность и наделяются полномочиями на постоянной основе, за отдельными исключениями, в соответствии с п. 2 ст. 24 Конституционного закона;
- независимость судьи и ее гарантии;
- неприкосновенность судей.

По нашему мнению, самый важный элемент судебной власти согласно п. 3 ст. 1 Конституционного закона заключается в том, что «судьи при отправлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции и закону... Какое-либо вмешательство в деятельность суда по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону. По конкретным делам судьи не подотчетны. Обращения по судебным делам, поданные вопреки установленному порядку судопроизводства, а также по вопросам, не входящим в компетенцию суда, оставляются судом без рассмотрения или направляются в соответствующие органы».

То есть принцип независимости является, по сути, стержневым элементом справедливого и честного суда.

Как правильно отмечает И. Б. Михайловская, «проблема воплощения идеала – независимого суда – ставит задачу разрешения ряда противоречий. Во-первых, это в определенном смысле двойственность целей судеб-

² URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_.

ной системы. С одной стороны, ее исправное функционирование укрепляет государственную власть, а с другой – она призвана эту власть ограничивать, охранять права и свободы граждан от любых посягательств, в том числе и со стороны государственных органов» [2, с. 6].

Ситуацией возможного приложения усилий, потенциала суда, судебной власти в собственных или групповых (элитных) интересах является использование суда отдельными недобросовестными руководителями, олигархами для отъема различными способами чужого имущества. Чаще всего суд используют для реализации рейдерских действий.

Так, еще в июле 2018 г. экс-председатель Верховного суда Республики Казахстан Ж. К. Асанов отмечал использование казахстанских судов в рейдерстве: «Я не имею права комментировать ничье решение, но я могу об этом говорить, когда их решение отменено Верховным судом. Я понимаю, бывает разное, не так применяется закон. Но когда происходят такие схемы, когда суд используют в рейдерских захватах, – это преступление»³.

Таким образом, если суд не является независимым, не свободен в своих решениях и его решения принимаются под воздействием других государственных органов или иных заинтересованных субъектов, то он не признается объективным арбитром в любых социально-правовых конфликтах.

Обоснованно оценивает этот факт И. Б. Михайловская: «Независимость суда может рассматриваться в трех аспектах:

а) независимость как самостоятельность судебной власти, отсутствие легальных полномочий, позволяющих вторгаться в ее компетенцию органам законодательной и исполнительной власти;

б) независимость как свобода судьи от любых воздействий на принятие им процессуальных решений, исходящих от лиц и органов судебной системы;

в) независимость как свобода судьи от воздействия на принятие процессуальных решений со стороны должностных лиц и органов судебной системы, не предусмотренных законодательной регламентацией судопроизводства» [2, с. 21].

Безусловно, невозможно со стопроцентной уверенностью утверждать, что судья будет полностью независим, беспристрастен и справедлив при принятии решения, поскольку всегда есть риски личного субъективного характера (ведь индивидуальное поведение многовариантно), влияния различных объективных обстоятельств (некая «политическая» составляющая дела) и другое.

Хотя чем действеннее гарантии независимости суда, тем больше вероятность его беспристрастности, и чем выше гарантии беспристраст-

³ Тукпиев Ж. Это преступление – Асанов об использовании судов в рейдерских схемах // Казахстанская правда. 2018. 13 июля. URL: <https://kazpravda.kz/n/eto-prestuplenie-asanov-ob-ispolzovanii-sudov-v-reyderskih-shemah/>.

ного разбирательства дела, тем больше шансов принятия справедливого решения.

Сегодня судья, как и любой человек, не может существовать вне семьи, родных, друзей и в целом общества. Поэтому на принимаемые решения человека, в том числе и судьи, в личной жизни и на работе могут повлиять разнообразные обстоятельства: физического, материального, духовно-религиозного, личного и общественного характера. Хотя такого не должно быть априори.

В связи с этим и для исключения возможных нарушений нравственно-этических норм в профессиональной деятельности и быту судьи должны сегодня руководствоваться наряду с нормами Конституции государства и иных правовых актов также положениями действующего Кодекса судейской этики (далее – Кодекс), принятого 21 ноября 2016 г. на VII съезде судей Республики Казахстан⁴.

Суть данного Кодекса – заложить высокие стандарты действий судей как в служебной деятельности, так и в целом в жизни. С учетом своего особого правового статуса судьи обязаны и в служебной, и во внеслужебной деятельности воздержаться от всего, что может негативно повлиять на авторитет судебной власти, вызвать сомнения в ее объективности и справедливости. Судья согласно Кодексу «при осуществлении своих профессиональных обязанностей должен следовать закону и пресекать любое постороннее воздействие, противостоять угрозам, давлению и неправомерному влиянию, прямому или косвенному вмешательству в судебный процесс, от кого бы они ни исходили...».

Сегодня, как отмечает Е. Ю. Миронова, «...с сожалением приходится констатировать, что нормы кодексов судейской этики фигурируют в решениях органов судейского сообщества о применении к судьям тех или иных мер дисциплинарной ответственности» [3, с. 126].

Причинами принятия судьями тех или иных решений в отдельных случаях могут выступать как внутренние личные мотивы и внешние силы, так и возникающий конфликт интересов.

И. Г. Смирнова считает, что «под конфликтом интересов следует понимать ситуацию, при которой личная заинтересованность судьи (прямая или косвенная) повлияла или могла повлиять на надлежащее исполнение должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами, законными интересами граждан, организаций и т. п., способное привести к причинению вреда охраняемым правам и законным интересам» [4, с. 624].

Возможный конфликт интересов при отправлении профессиональной деятельности судьи иллюстрирует случай четырехлетней давности, связанный с разливом нефти в Мексиканском заливе.

⁴ URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/content/kodeks-sudeyskoy-etiki>.

Так, «процесс юридического выяснения отношений с компанией “Б...” для сотен пострадавших в результате разлива нефти в Мексиканском заливе начался с неприятного известия – истцов и ответчиков некому рассудить, так как почти все судьи в южных штатах США оказались так или иначе связаны с нефтяной компанией или ее структурами. Как выяснилось, 37 из 64 судей в штатах Луизиана, Техас, Алабама, Миссисипи и Флорида, где подано большинство исков, поддерживают тесные финансовые или личные связи с нефтяной и газовой индустрией, владеют акциями как самой “Б...”, так и ценными бумагами других компаний, связанных со взрывом и последующим затоплением буровой платформы. Американские журналисты, которые не поленились проверить последние декларации доходов служащих Фемиды, были немало удивлены, когда выяснилось: судьи, получающие дивиденды и бонусы от нефтяных компаний, назначены председателями в ходе судебного разбирательства над “нефтяными ответчиками”»⁵.

Это ли не пример возможного не только конфликта интересов у судей данного процесса, но и присутствия «непроцессуальных контактов» (личных встреч потенциальных сторон процесса через заинтересованных посредников), в результате которых приобретались акции, ценные бумаги тех или иных компаний, фигурирующих в ходе процесса!

Нередко основанием для принятия в отношении судей мер дисциплинарной ответственности в Республике Казахстан признается нарушение положений ст. 4 Кодекса, касающихся непроцессуальных контактов судей с иными лицами. Так, в соответствии со ст. 4 Кодекса «судья должен исключить непроцессуальные контакты, под которыми понимается любое, не предусмотренное процессуальным и иным законодательством общение с лицами, участвующими в деле, их представителями, прокурором, адвокатом, иными заинтересованными лицами по конкретному судебному делу, если эти действия могут привести к обоснованным сомнениям в объективности и беспристрастности судьи».

Не секрет, что в современных условиях едва ли возможно, чтобы человек, конечно и судья тоже, жил вне семьи, близких, общества, в том числе и в рамках дистанционного (онлайн) общения. Естественно, и судья может иметь в период исполнения профессиональных обязанностей (в том числе параллельно им) разнообразные контакты, вплоть до внепроцессуальных.

Так, Т. Н. Ёркина подчеркивает: «В основном поведение судьи во внесудебной деятельности рассматривается многими как основание дисциплинарной ответственности, а точнее – рассматриваются сами дисциплинарные проступки с позиции, являются ли они причиняющими ущерб авторитету судебной власти» [5, с. 140].

⁵ Гасюк А. Почти все судьи в южных штатах США оказались связаны с нефтяной компанией BP // Российская газета – Федеральный выпуск. 2010. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2010/06/08/bp.html>.

Действующий Кодекс не запрещает судье личное общение как такое, за исключением того, что оно не должно касаться содержания судебного разбирательства и вопросов, затрагивающих существо дела, находящегося в производстве этого судьи. Очевидно, что судья ни в коем случае не должен проявлять инициативу и сам искать встречи с заинтересованными в деле лицами.

Возможны факты, когда судья непреднамеренно может оказаться на одном мероприятии, даже «за одним столом» с лицами, участвующими в деле, помимо своей воли. Такие встречи, на наш взгляд, не могут рассматриваться как нарушения положений Кодекса.

Ключевым признаком определения наличия состава нарушения данной статьи Кодекса может признаваться целенаправленность действий судьи по поиску возможностей и организации неформальных (непроцессуальных) встреч с лицами, участвующими в деле.

Как сообщил один председатель областного суда, «судья с 20-летним стажем допустила нарушение, встретившись со сторонами по делу, которое она рассматривает, не в суде, а у себя дома. Это было расценено как непроцессуальные контакты, что является нарушением Кодекса судейской этики»⁶.

Кроме того, отдельные адвокаты отмечают, что «на практике между прокурором, следователем и судьей происходят непроцессуальные контакты вне судебного заседания. Так, например, следователь передает судье флешку с обвинительным актом, а судья впоследствии переписывает его в приговор. Прокурор вызывается судьей, где обсуждаются доказательства по делу. Такие непроцессуальные контакты судьи с участниками процесса необходимо исключить»⁷. При этом чисто процессуальное общение судьи с лицами, указанными в ст. 4 Кодекса, не должно послужить поводом для сомнений в объективности и беспристрастности судьи при рассмотрении конкретного дела.

В этой связи Е. Ю. Миронова подчеркивает: «Важно понимать, что судебная деятельность крайне многогранна, внесудебная деятельность не уступает ей в многообразии форм, а во многом и превосходит ее, но при всем этом любое поведение судьи вне зависимости от сферы деятельности должно отвечать повышенным моральным требованиям и всячески способствовать поддержанию авторитета судебной власти и укреплению веры общества в правосудие» [3, с. 128].

⁶ Лишние контакты. Судья областного суда ВКО уволена за незаконную встречу с участниками процесса. URL: <https://yk.kz/news/kriminal/lishnie-kontaktyi-126959.html>.

⁷ Назханов Т., Дюсембеков Д. Как сделать уголовный процесс в Казахстане с человеческим лицом. Предложения адвокатов для улучшения законодательной техники // Forbes.kz. 2020. 19 апр. URL: https://forbes.kz/articles/kak_sdelat_ugolovnyiy_protssess_v_kazahstane_s_chelovecheskim_litsom/.

Наряду с изложенным полагаем целесообразным в рамках статьи остановиться на значимости фигуры судьи и всей судебной системы в аспекте обеспечения общественной и национальной безопасности Республики Казахстан.

В пункте 10 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 6 января 2012 г. «О национальной безопасности Республики Казахстан» к субъектам национальной безопасности наряду с органами законодательной, исполнительной власти, гражданами и организациями Республики Казахстан, участвующими в реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, законодатель отнес также органы судебной власти⁸.

Вопрос отнесения органов судебной власти и, соответственно, самих судей к субъектам национальной безопасности Республики Казахстан, по нашему мнению, обусловлен следующими обстоятельствами:

- судьи как представители судебно-государственной власти дают окончательную квалификацию любого деяния, в том числе при вынесении решения, определения, приговора (т. е. суд – это конечная инстанция для вынесения решения по любому делу);
- судьями могут рассматриваться с учетом специализации дела секретного характера (по фактам государственной измены, шпионажа, диверсии, утраты носителей сведений, содержащих государственные секреты, и другие особо важные для государства дела);
- все решения судей, судебной власти должны соответствовать не только нормам Конституции Республики Казахстан, действующим законам, международным договорам, ратифицированным Казахстаном, но и социально-экономическим и иным условиям, существующим в обществе и государстве;
- отдельные, стратегически важные решения и определения органов судебной власти (учитывая, что судьями они принимаются, по сути, единолично, без влияния извне) должны соответствовать политико-правовой доктрине государства и основываться на прогностическом видении возможных последствий своих государственно-правовых решений.

Таким образом, независимость, беспристрастность и целостность национальной судебной системы для обеспечения безопасности общества и государства признаются особо важными.

Вместе с тем, как указывает И. Г. Смирнова, «следует признать, что зачастую устанавливаемые этическими кодексами правила являются расплывчатыми и выходящими за рамки возможного регулирования профессиональных отношений» [4, с. 623].

В связи с этим вопрос законодательного определения термина «непроцессуальные контакты», учитывая некую сложность с его идентификацией и привязкой к внесудебной деятельности судей в рамках действующего Кодекса, требует настоятельно разрешения.

⁸ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>.

При этом отдельными адвокатами «предлагается установить ответственность судьи, прокурора и адвоката за непроцессуальные контакты»⁹.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674, указано: «Во избежание необъективного применения дисциплинарных мер взыскания в отношении судей необходимо конкретизировать основания грубого нарушения законности при рассмотрении судебных дел»¹⁰.

Заключение

На основании изложенного представляем следующие выводы и предложения.

1. Термин «непроцессуальные контакты» следует закрепить в ст. 7 «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан и изложить следующим образом:

«п. 36-1) Непроцессуальные контакты – любое действие, не предусмотренное процессуальным и иным законодательством, с лицами, участвующими в деле, их представителями, прокурором, адвокатом, иными заинтересованными лицами по конкретному судебному делу, если эти действия могут привести к обоснованным сомнениям в объективности и беспристрастности судьи».

2. Учитывая природу непроцессуальных контактов, характер возможных негативных последствий, считаем необходимым возведение данного корпоративного обычая, предусмотренного в настоящий момент исключительно в Кодексе судейской этики (не нормативном правовом акте), в статус правовой нормы посредством ее регламентации в кодифицированных отраслевых актах (УПК, ГПК, КоАП и АППК). Данная мера позволит устранить важную проблему: на основании чего применять меры дисциплинарного воздействия на судей, если само по себе явление (непроцессуальный контакт) не предусмотрено действующим законодательством?

3. Принимая во внимание, что нормативные постановления Верховного суда Казахстана широко используются в судебной, следственной и иной юридической практике, считаем целесообразным действия, подпадающие под признаки института «непроцессуальные контакты», изложить в тексте п. 4 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан «О некоторых вопросах применения законодательства о

⁹ Назханов Т., Дюсембеков Д. Как сделать уголовный процесс в Казахстане с человеческим лицом. Предложения адвокатов для улучшения законодательной техники // Forbes.kz. 2020. 19 апр. URL: https://forbes.kz/articles/kak_sdelat_ugolovnyiy_protsess_v_kazahstane_s_chelovecheskim_litsom/.

¹⁰ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>.

судебной власти в Республике Казахстан» от 14 мая 1998 г. № 1¹¹ – в той части, где судам предписано уделять особое внимание вопросам независимости судей, принимать меры по недопустимости вмешательства в их деятельность, пресекать попытки контроля за судьями или возложения на них обязанностей, не присущих их полномочиям.

Список источников

1. Лильберн Дж. Памфлеты. М. : Соцэкгиз, 1937. 120 с.
2. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М. : Проспект, 2010. 128 с. ISBN: 9785392144082.
3. Миронова Е. Ю. Этические начала деятельности судей: сравнительно-правовой анализ кодексов судейской этики России и Казахстана // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2. С. 119–130.
4. Смирнова И. Г. К вопросу о независимости судей через призму предъявляемых к ним требований // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 5. С. 621–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).621-628.
5. Ёркина Т. Н. Поведение судьи во внесудебной деятельности // Закон и право. 2020. № 5. С. 139–141. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10241.

References

1. Lilburne, J. *Pamphlets*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House; 1937. 120 p. (In Russ.)
2. Mikhailovskaya, I. B. *Courts and judges: independence and controllability*. Moscow: Prospekt; 2010. 128 p. (In Russ.) ISBN: 9785392144082.
3. Mironova, E. Yu. Ethical principles of the activities of judges: a comparative legal analysis of the codes of judicial ethics of Russia and Kazakhstan. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* = [Siberian Criminal Procedural and Forensic Readings]. 2021;(2):119-130. (In Russ.)
4. Smirnova, I. G. On the issue of the independence of judges through the prism of the requirements imposed on them. *All-Russian Criminological Journal*. 2022;16(5):621-628. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).621-628.
5. Yorkina, T. N. Behavior of a judge in extra-judicial activities. *Zakon i pravo* = [Law and Right]. 2020;(5):139-141. (In Russ.) DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10241.

¹¹ URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P98000001S_.

Информация об авторах / Information about the authors

Бегалиев Ернар Нурланович, доктор юридических наук, профессор, член Высшего Судебного Совета Республики Казахстан (Республика Казахстан, 010000, Астана, пр-кт Мәңгілік Ел, д. 8).

Yernar N. Begaliyev, Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan (8 Mangilik El Av., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan).

Жемпиисов Назарбек Шаруанович, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент), профессор кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Республика Казахстан, 010078, Акмолинская область, Косшы, ул. Республика, д. 94).

Nazarbek Sh. Zhempiissov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Special Legal Disciplines Department, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (94 Republika St., Kosshy, Akmola Region, 010078, Republic of Kazakhstan).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 03.04.2025.

Научная статья

УДК 347.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.80-95

О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений»

**Алексей Владимирович Барков^{1, 2},
Яна Сергеевна Гришина³**

¹ Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ barkov_a_v@mail.ru; ³ grishinel@inbox.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена социальной значимостью института правовой защиты членов семей погибших участников специальной военной операции в аспекте решения проблемы легализации «фактических брачных отношений» жен погибших ветеранов.

Методы. При написании статьи использовались общенаучные, частные научные и специальные методы исследования.

Результаты исследования заключаются в обосновании необходимости корректировки вектора совершенствования правовой конструкции защиты членов семей, в частности «фактических» жен погибших участников специальной военной операции. С учетом советского и мирового правоприменительного опыта аргументируется необходимость изменения концепции законопроекта о «фактических брачных отношениях» посредством смещения акцентов в предлагаемом правовом инструментарии с «имущественного» на «моральный», что может быть достигнуто с помощью легализации посмертных браков. Ожидаемый эффект от данного предложения заключается в том, что легализация браков после смерти способна предотвратить возможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего, исключить потенциальные наследственные споры, попытки злоупотребления своим статусом, а также обеспечить надежную социальную защиту «фактических» жен погибших участников специальной военной операции.

Проведенное исследование доказывает, что у институтов «фактических брачных отношений» и «посмертных браков» различная правовая природа и легализация этих правовых конструкций должна осуществляться соответствующим их природе правовым инструментарием. Учет критических замечаний к законопроекту «о фактических брачных отношениях» не изменит их правовой природы, поскольку дополнения вносятся в часть третью ГК РФ, что потенциально предполагает возникновение наследственных правоотношений в семье погибшего участника СВО и возможность последующих имущественных споров. Концептуальное изменение законотворческого подхода к практической реализации президентского поручения «в части разработки мер поддержки “фактических” жен погибших участников специальной военной операции» видится посредством внесения изменений в Семейный кодекс Российской Федерации, легализующих «посмертные браки», и в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния».

Обсуждение и заключение. Формулируется вывод, что изменение концепции законопроекта в целом положительно скажется на исполнении поручения Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, посмертные браки, меры поддержки, специальная военная операция

Для цитирования: Барков А. В., Гришина Я. С. О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений» // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 80–95. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.80-95.

Original article

On Improving the Legal Structure of Protecting Family Members of Deceased Participants in a Special Military Operation: the Problem of Legalizing “De Facto Marital Relations”

Alexey V. Barkov^{1, 2}, Yana S. Grishina³

¹ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

³ Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

¹ barkov_a_v@mail.ru, ² grishinel@inbox.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic is determined by the social significance of the institution of legal protection of family members of deceased participants in a special military operation in terms of solving the problem of legalizing the “de facto marital relations” of the wives of deceased veterans.

Methods. When writing the article, a wide range of general scientific, private scientific and special research methods were used.

Results. The results of the study substantiate the need to adjust the vector of improving the legal structure of the protection of family members, in particular the “actual” wives of deceased participants in a special military operation. Taking into account the Soviet and world law enforcement experience, it is argued that it is necessary to change the concept of the draft law on “de facto marital relations” by shifting the emphasis in the proposed legal instruments from “property” to “moral”, which can be achieved through the legalization of posthumous marriages. The expected effect of this proposal is that the legalization of marriages after death can prevent the widow from making property claims against the family of the deceased, eliminate potential inheritance disputes, attempts to abuse her status, and provide reliable social protection for the “actual” wives of deceased participants in a special military operation.

The conducted research proves that the institutions of “de facto marital relations” and “posthumous marriages” have different legal natures and the legalization of these legal structures should be carried out using legal tools appropriate to their nature. Taking into account the critical comments to the draft law “on de facto marital relations” will not change their legal nature, since additions are being made to Part three of the Civil Code of the Russian Federation, which potentially presupposes the emergence of hereditary legal relations in the family of the deceased participant in the special military operation and the possibility of subsequent property disputes. A conceptual change in the legislative approach to the practical implementation of the presidential instruction “regarding the development of measures to support the ‘actual’ wives of deceased participants in a special military operation” is seen through amendments to the Family Code of the Russian Federation legalizing “posthumous marriages” and the federal law “On Acts of Civil Status”.

Discussion and Conclusion. The conclusion is formulated that the change in the concept of the draft law as a whole will have a positive impact on the execution of the instructions of the Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: actual marital relations, posthumous marriages, the measures to support, special military operation

For citation: Barkov, A. V., Grishina, Ya. S. On improving the legal structure of protecting family members of deceased participants in a special military operation: the problem of legalizing “de facto marital relations”. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):80-95. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.80-95.

Введение

В настоящее время члены семей погибших при выполнении задач специальной военной операции уже на законодательном уровне получили ряд мер поддержки, льгот и преференций [1]. Некоторые социально-правовые инструменты защиты различной отраслевой направленности еще не легализованы, и на законотворческом этапе продолжается работа по их обсуждению и совершенствованию. Как представляется, подобный социально-правовой инструментарий содержится в законопроекте¹ о ле-

¹ Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федера-

гализации «фактических брачных отношений» погибшего или признанного умершим участника СВО для обеспечения членам семьи финансовой поддержки со стороны государства. Вместе с тем, несмотря на поддержку законодательной инициативы в первом чтении, ряд проблемных вопросов, которые могут возникнуть при легализации «фактических брачных отношений», не нашли законодательного решения, некоторые аспекты инструментария, а возможно, и сам правотворческий подход нуждаются в совершенствовании.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общие логические методы познания социально-правовых явлений (анализ, синтез, обобщение, систематизация и др.), а также общие научные, частные научные и специальные методы – формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, межотраслевой и другие, применяемые в комплексе, что позволило обосновать концептуально-альтернативный подход к легализации «фактических брачных отношений» жен лиц, погибших при выполнении задач специальной военной операции.

Результаты исследования

История вопроса и суть законотворческого замысла

Для погружения в отмеченную проблематику обратимся к истории вопроса. Импульсом к разработке и обсуждению инициативы послужил перечень поручений В. В. Путина, утвержденный по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, где Правительству Российской Федерации ставилась задача «...представить предложения о мерах поддержки (в части, касающейся материального обеспечения, оказания медицинской помощи, предоставления возможности получения образования, повышения квалификации, профессиональной переподготовки) жен лиц, погибших (умерших) при выполнении задач специальной военной операции», а также, что вызывает особый интерес в контексте поднятой проблематики, «...и женщин, которые не заключили брак с такими лицами, но совместно проживали с ними, вели общее хозяйство либо имеют общих детей»².

В оперативном порядке в соответствии с поручением в части разработки мер поддержки «фактических» жен погибших участников специальной военной операции депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым, сенаторами Российской Федерации А. А. Турчаком,

---

ции» (о фактических брачных отношениях)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 14.12.2024).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 14.12.2024).

А. А. Клишасом был предложен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». Суть предлагаемого законотворческого подхода к решению поставленной Президентом России проблемы раскрывается в пояснительной записке к законопроекту, где отмечается, что он разработан «...с целью защиты интересов членов “фактической” семьи военнослужащих, принимавших участие и погибших во время специальной военной операции»³, обеспечения членам такой семьи материальной поддержки от государства. В пояснении отмечается, что предлагается «...предусмотреть возможность признавать супругом после смерти одного из фактических супругов, поскольку в данном случае невозможно оформление брачного отношения на прошлый период в связи со смертью или исчезновением лица в связи с участием в специальной военной операции»⁴. Вследствие этого «...семьи лишаются “кормильца” и в действующем законодательстве нет правовых средств и механизмов защиты интересов таких членов семьи военнослужащего»⁵.

Законопроектом предлагается следующий механизм защиты. В суде в порядке особого производства должен быть «...установлен факт нахождения в брачных отношениях, если погибший на СВО мужчина и женщина проживали совместно не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка и вели общее хозяйство»⁶. Предполагается, что в судебном решении об установлении факта нахождения в брачных отношениях будет указываться момент их возникновения, установленные брачные отношения будут признаваться браком и «фактическая» супруга приобретет право наследования, права на социальные и иные льготы в соответствии с действующим законодательством. При этом предлагается распространить эти нормы и на те «фактические» семьи, «которые сложились до вступления закона в силу»⁷.

Критика законотворческой инициативы и нерешенные проблемные вопросы

В целом данная законодательная инициатива нашла поддержку у экспертов, в частности, Президентский совет по кодификации, при условии устранения ряда высказанных замечаний, поддержал концепцию

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”». URL: [file:///C:/Users/User1/Downloads/250935769-253288492%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User1/Downloads/250935769-253288492%20(1).pdf) (дата обращения: 14.12.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

законопроекта о «фактических брачных отношениях»⁸. Суть замечаний, содержащихся в заключении Президентского совета по кодификации⁹, сводилась к следующему: предлагалось уточнить субъектный состав участников отношений, относящихся к предмету его регулирования; обращалось внимание на то, что остается нерешенной проблема причинно-следственных связей между боевыми действиями и гибелью. К примеру, «смерть может наступить не только из-за ранений, полученных в результате попадания снаряда в дом, но и от сердечного приступа, случившегося на этом фоне. Во втором случае неясно, можно ли утверждать о смерти в результате боевых действий»¹⁰.

Отмечалось, «...что при доработке текста Проекта необходимо прямо указать на недопустимость установления факта состояния в брачных отношениях в случае, если заявитель либо погибший, или признанный безвестно отсутствующим, или объявленный умершим состоят или состояли (к моменту гибели) в браке с иными лицами»¹¹, что могло бы нарушить принцип моногамии. Это замечание представляется принципиально значимым, обуславливающим добавление в законопроект нормы о том, что ни одно из лиц, находящихся в фактических брачных отношениях, признаваемых судом браком, не должно было состоять в официальном брачном союзе с кем бы то ни было еще.

Обращалось внимание на то, что приравнивание рассматриваемых в законопроекте «...ситуаций к браку требует проверки судом всех условий вступления в брак и препятствий к его совершению, что означает необходимость указания в Проекте на соблюдение требований статей 12–14 Семейного кодекса Российской Федерации, в том числе требований к брачному возрасту»¹². Были и редакционные замечания. Признавалось целесообразным слова «проживали совместно не менее одного года при наличии совместного ребенка» заменить словами «проживали совместно не менее одного года, имели общего ребенка»¹³. С учетом необходимости устранения высказанных замечаний законопроект был поддержан.

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”».

⁹ Экспертное заключение от 27 февраля 2024 г. по проекту федерального закона № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/cd4/rkgjq9d7h92bj9y90zcsxyipf1x0nq2s/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Конструктивные предложения по совершенствованию законопроекта

Вместе с тем представляется, что даже в случае внесения изменений, учитывающих обоснованные замечания, в законопроекте останутся и другие нерешенные вопросы практического характера, на многие из которых обращается внимание в научных публикациях, посвященных обсуждению этой проблемы.

Потребуется ли в случае принятия законопроекта о «фактических брачных отношениях» корректировки других нормативных правовых актов, кроме ГК РФ? Каких?

Очевидно, что легализация законодательной инициативы потребует внесения изменений в Семейный кодекс, признающий брак, заключенный только в ЗАГСе, а также в Закон «Об актах гражданского состояния», согласно которому права и обязанности супругов возникают с момента государственной регистрации брака. Принятие же законопроекта подразумевает установление нового вида акта гражданского состояния, порядка его государственной регистрации и внесения сведений о нем в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС), что должно получить легальное подтверждение.

В отзыве Правительства Российской Федерации содержится предложение об исключении из законопроекта положения о внесении в ЕГР ЗАГС сведения об установленном в судебном порядке «фактическом браке» в связи с необходимостью выделения дополнительных ассигнований за счет средств федерального бюджета¹⁴. Вряд ли это предложение вызовет ожидаемый эффект, дополнительных бюджетных ассигнований невозможно избежать.

Возможна явка безвестно отсутствующего лица [2]. Что делать, если пропавший без вести участник СВО окажется в живых, возвратится из плена, а суд признал его находившимся в браке? Как восстановить нарушенный принцип добровольности при вступлении в брак лица, которое не выражало согласие на его заключение?

В условиях существенного сокращения сроков признания судом безвестно отсутствующим участника СВО до полугода может возникнуть ситуация, при которой военнослужащий, возвратившись из плена, встанет перед фактом, что он является законным мужем женщины, с которой он состоял в «фактических брачных отношениях». Не менее трех лет он сожительствовал с партнершей, они имели возможность подать заявление в ЗАГС, но тем не менее это право не реализовали по причине, их обоих устраивающей.

¹⁴ Кабмин поддержал проект о защите прав гражданских жен участников спецоперации. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/20/1038200-kabmin-podderzhal-proekt> (дата обращения: 14.12.2024).

При наличии особых обстоятельств (ст. 11 СК РФ), к которым можно отнести мобилизацию, регистрация брака была возможна и в день подачи заявления. Участники СВО имеют гарантированное право на отпуск. Заверить подпись на заявлении о заключении брака (п. 2 ст. 26 Федерального закона «Об актах гражданского состояния») с 14 апреля 2023 г. вправе командиры воинских частей или начальники военных госпиталей, так что при желании заключение брака в органах ЗАГС участником СВО не является непреодолимым препятствием.

Очевидно, что если граждане не заключают законный брак, то для этого у них имеются веские обстоятельства. В связи с этим в целях обеспечения принципа добровольности при вступлении в брак лица, которое не выражало согласие на его заключение, видится целесообразным предусмотреть в законопроекте норму о возможности оспаривания факта нахождения в «фактическом браке» в случае явки лица, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим.

Кроме того, с легализацией правовой конструкции признания «фактических брачных отношений» возрастает вероятность появления проблемных ситуаций, обусловленных различными злоупотреблениями со стороны недобросовестных «фактических» супругов. Не исключен, например, случай, когда дети рождены не от сожителя. Тогда что же, придется устанавливать одновременно с фактом состояния в фактических брачных отношениях и факт отцовства или факт признания отцовства (ст. 50 СК РФ) [3]? Или как быть, если супруг (супруга), не расторгнув брак, вступили в фактические брачные отношения с другим партнером или с несколькими? Не исключены ситуации, когда в суд может поступить, например, два аналогичных заявления от разных женщин, каждая из которых в свое время состояла в фактических брачных отношениях с участником СВО и имеет с ним совместных детей. Кого призывать в качестве наследника – партнера в зарегистрированном браке или «фактического» [2, с. 118]? Ответить на эти вопросы в рамках предложенной в законопроекте концепции будет трудно.

Обоснование необходимости изменения законотворческого подхода

Думается, что правотворческий подход, предполагающий легализацию правовой конструкции признания «фактических брачных отношений», не вполне совершенен. Критически анализируя законопроект, О. В. Кузнецова делает вывод, что он «...противоречит нормам действующего семейного законодательства, нарушает принципы семейного права» [3, с. 30]. Однако конструктивный подход к совершенствованию законопроекта должен заключаться не в его отрицании, а в предложении пути решения проблемы, обозначенной Президентом Российской Федерации, обеспечивающего выполнение поручения по предоставлению мер поддержки членам семей погибших участников СВО.

Рассматривая проблему под этим углом зрения, видится целесообразным скорректировать концепцию законотворческого подхода к решению проблемы. Здесь нужна регламентация порядка установления факта нахождения в брачных отношениях участника СВО посредством, как мы полагаем, внесения изменений в гражданское наследственное законодательство (в часть третью ГК РФ). Как представляется, в целях избежания огромного количества возможных проблемных вопросов, потенциально порождающих имущественные конфликты, «фактическая» супруга должна не приобретать «право наследования», а получить только «права на социальные льготы».

В измененной концепции законопроекта акцент должен быть сделан не на имущественный аспект отношений, вытекающий из факта признания брачных отношений, а на моральный. Моральное удовлетворение женщина, состоящая в отношениях с участником СВО, может получить посредством предоставления возможности заключения брака после его гибели, т. е. легализации правовой конструкции «посмертного брака». В этом случае у вдовы появится законное право на социальную защиту не только ее, но, возможно, и рожденного после смерти отца ребенка, включая меры материальной поддержки в соответствии с действующим законодательством.

Представляется, что постановка вопроса в научной литературе о рассмотрении «брака после смерти участника СВО» через призму «решения имущественных проблем фактических супругов» [3] неоправданна с учетом отечественного и мирового правоприменительного опыта. В Советском Союзе практика признания в судебном порядке «фактических брачных отношений», если это было невозможно сделать из-за «...смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из фактических супругов»¹⁵, рассматривалась в качестве инструмента стимулирования рождаемости, и на вдов в этом случае распространялись меры государственной поддержки¹⁶. С принятием данного решения существование «фактических браков», допускаемых Кодексом законов о браке, семье и опеке 1926 г., более не признавалось законным [2, с. 113].

Одним из наиболее значимых недостатков рассматриваемого законопроекта о легализации «фактических брачных отношений» погиб-

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005179> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9033536> (дата обращения: 14.12.2024).

шего участника СВО, по нашему мнению, является то, что он в концептуальном плане повторяет отклоненный в 2018 г. законопроект № 368962-7, который закреплял «статус фактических брачных отношений», что предполагало «наступление прав и обязанностей супругов, предусмотренных семейным и гражданским законодательством»¹⁷, и в первую очередь – имущественных. По мнению члена Совета Федерации А. В. Белякова, разработчика данного законопроекта, при соблюдении ряда условий, позволяющих установить «фактические брачные отношения», имущество, приобретенное этими лицами «в период их совместного проживания», должно было признаваться «их совместной собственностью»¹⁸.

Данная законодательная инициатива была отрицательно оценена Комитетом Государственной Думы по вопросу семьи, женщин и детей, рекомендовавшим отклонить этот законопроект, поскольку он «...противоречит положениям Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», не соответствует «традиционным семейным ценностям»¹⁹. В заключении Комитета отмечалось, что предлагаемый законотворческий подход «...на практике дискредитирует институт брака и фактически лишает его юридического смысла»²⁰, с чем солидарны многие ученые [4; 5; 6; 7]. Идея легализации фактических брачных отношений последовательно осуждалась и другими авторитетными учеными, среди которых можно назвать О. Ю. Ильину [8], О. А. Косову [9], еще задолго до внесения законопроекта на обсуждение в Государственную Думу. В связи с тем, что «...проект о приравнивании по правовым последствиям “вольного супружества” к супружеству зарегистрированному...» не поддерживается «общественным большинством», «...можно обойтись и более аккуратными (более тонкими для восприятия) решениями, в которых главной задачей была бы прописана... возможность справедливой защиты жизненно важных интересов сторон, а также и их общих детей» [10, с. 39].

Трудно сказать, можно ли считать ученых, полагающих неприемлемой легализацию фактических брачных отношений в России, «общественным большинством», поскольку сторонников законодательного их признания

¹⁷ Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Заключение Комитета Государственной Думы по вопросу семьи, женщин и детей по проекту федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений), внесенному членом Совета Федерации А. В. Беляковым. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 14.12.2024).

²⁰ Там же.

в научном сообществе также немало [11; 12; 13], но позиция профессора Н. Н. Тарусиной видится достаточно перспективной.

В этом контексте представляется, что в нашем случае «более тонким», альтернативным решением проблемы, обозначенной в поручении Президента Российской Федерации, не раздражающим чувства традиционно-ценностного семейно-ориентированного «общественного большинства» и их оппонентов, в не меньшей степени разделяющих данные ценности [14], могла бы стать легализация конструкции посмертного брака, учитывающего вышеотмеченные замечания.

В мировой правоприменительной практике таким образом данная проблема решается во Франции, где в ст. 171 Гражданского кодекса легализованы посмертные браки (*mariage posthume*). Вместе с тем «этот брак не влечет за собой какого-либо права наследования без завещания в пользу пережившего супруга, и считается, что между супругами не существовало никакого супружеского режима»²¹. Посмертный брак во Франции приносит как моральное удовлетворение женщине в признании ее статуса «законной жены», так и материальное – предоставление социального обеспечения. Для признания посмертного брака подается заявление на имя Президента Франции, который, если сочтет причины его заключения уважительными, вправе санкционировать процедуру проверки фактических обстоятельств, позволяющих установить посмертную волю умершего на заключение брака. При этом учитываются продолжительность «квазибрачных» (фактических) отношений, наличие совместных детей, беременность [15, с. 73], а также мнение по этому вопросу семьи покойного, так как вдова приобретает также право на его имя. После подтверждения министром юстиции, региональным прокурором обстоятельств, указанных в заявлении на заключение «брака после смерти», Президент может вынести положительное решение [16]. В случае, если посмертный брак заключается с погибшим участником боевых действий, то решение Президента не требуется, и в соответствии со ст. 96-1 Гражданского кодекса Франции предусмотрена упрощенная процедура: разрешение дается министром обороны, хранителем печатей и министром юстиции²².

Есть основание считать, что явление «посмертных браков» носит во Франции исключительно немассовой, индивидуальный, эмоциональный характер, имеет семейно-правовую природу, учитывающую военно-правовой аспект отношений, а установленная законом невозможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего ис-

²¹ Статья 171 Гражданского кодекса Франции. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf>.

²² Статья 96-1 Гражданского кодекса Франции. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf>.

ключает потенциальные конфликты и попытки злоупотребления своим статусом.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование доказывает, что у институтов «фактических брачных отношений» и «посмертных браков» различная правовая природа, и легализация этих правовых конструкций должна осуществляться соответствующими их природе правовыми средствами. Учет всех высказанных критических замечаний к законопроекту о «фактических брачных отношениях» не изменит их правовой природы, поскольку дополнения вносятся в часть третью ГК РФ, что потенциально предполагает возникновение наследственных правоотношений в семье погибшего участника СВО и возможность последующих имущественных споров. Концептуальное изменение законотворческого подхода к практической реализации президентского поручения «в части разработки мер поддержки “фактических” жен погибших участников специальной военной операции»²³ видится посредством внесения изменений в Семейный кодекс Российской Федерации, легализующих «посмертные браки», и в Закон «Об актах гражданского состояния».

Таким образом, с учетом отечественной и зарубежной правоприменительной практики в качестве вектора совершенствования правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции следует признать необходимость изменения концепции законопроекта о «фактических брачных отношениях». Смещение акцентов в предлагаемом правовом инструментарии с «имущественного» на «моральный» способно, с одной стороны, предотвратить возможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего, исключить потенциальные наследственные споры, попытки злоупотребления своим статусом, а с другой – обеспечить надежную социальную защиту «фактических» жен погибших участников специальной военной операции. Представляется, что учет данной рекомендации в целом положительно скажется на исполнении поручения Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации.

Список источников

1. Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной воен-

²³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 14.12.2024).

- ной операции на территории Украины // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 2. С. 80–88. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-9.
2. Богдан В. В. Брак Post Mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 3. С. 106–124. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan.
  3. Кузнецова О. В. Брак после смерти участника СВО как способ решения имущественных проблем фактических супругов // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 1. С. 23–31.
  4. Елисеева А. А. Традиционные семейные ценности как объект интересов: частноправовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 68–75.
  5. Киселева Н. В. Установление фактических брачных отношений как «навязанная» государственная услуга // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 14–17.
  6. Левченко А. И. Фактические брачные отношения с точки зрения правового регулирования // Гражданин и право. 2021. № 12. С. 43–46.
  7. Смышляева О. В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.
  8. Ильина О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 30–35.
  9. Косова О. А. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120.
  10. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.
  11. Доставалова А. С. К вопросу о гражданско-правовой форме отношений сожителей // Гражданское право. 2023. № 6. С. 40–42.
  12. Левушкин А. Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.
  13. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica. 2022. Т. 75, № 8. С. 119–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.
  14. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4–6.

15. Скакович И. А. Нетрадиционные виды брака в праве иностранных государств // Международные отношения: история, теория, практика. Материалы IX научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений БГУ / отв. ред. В. Г. Шадурский. Минск : БГУ, 2019. С. 71–74. ISBN: 978-985-566-883-2.
16. Мирошников Е. В., Акиннышина Е. А., Лемешко А. А. Институт нетрадиционных браков в зарубежных странах // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97-6. С. 35–38.

References

1. Manannikov, D. Yu. [Social support for military personnel and family members of fallen (deceased) combatants in the conditions of the Russian Federation conducting a special military operation on the territory of Ukraine]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = [Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"]. 2022;10(2):80-88. (In Russ.) DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-9.
2. Bogdan, V. V. [Marriage Post Mortem: reflections on the bill on the recognition of de facto marital relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* = [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2024;19(3):106-124. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan.
3. Kuznetsova, O. V. [Marriage after the death of a special military operation participant as a way to solve the property problems of actual spouses]. *Social'noe upravlenie* = [Social Management]. 2024;6(1):23-31. (In Russ.)
4. Eliseeva, A. A. [Traditional family values as an object of interest: private law and public law aspects]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)* = *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)*. 2023;(5):68-75. (In Russ.)
5. Kiseleva, N. V. [Establishment of actual marital relations as an "imposed" public service]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2019;(2):14-17. (In Russ.)
6. Levchenko, A. I. [Actual marital relations from the point of view of legal regulation]. *Grazhdanin i pravo* = [Citizen and Law]. 2021;(12):43-46. (In Russ.)
7. Smyshlyaeva, O. V. [Actual marital relations as an alternative to marriage in the Russian Federation: theory and practice of application]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2019;(4):23-27. (In Russ.)
8. Ilyina, O. Yu. [Marriage as a form of state recognition of relations between a man and a woman]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2006;(4):30-35. (In Russ.)

9. Kosova, O. A. ["Actual marriages" and family law]. *Pravovedenie = [Jurisprudence]*. 1999;(3):105-120. (In Russ.)
10. Tarusina, N. N. Family values under the aegis of law: new in tradition and tradition in the new. *Lex Russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.
11. Dostavalova, A. S. [On the issue of the civil legal form of relations between cohabitants]. *Grazhdanskoe pravo = [Civil Law]*. 2023;(6):40-42. (In Russ.)
12. Levushkin, A. N. [Actual marriage legal relations: objective reality and the need for legal regulation]. *Sovremennoe pravo = [Modern Law]*. 2014;(3):65-67. (In Russ.)
13. Mikhailova, I. A. [Gender inequality in the marriage and family sphere: forms of manifestation and possibilities for overcoming]. *Lex Russica*. 2022;75(8):119-129. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.
14. Bupalov, Yu. F. [On the issue of family values in the Russian Federation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = [Family and Housing Law]*. 2018;(5):4-6. (In Russ.)
15. Skakovich, I. A. [Non-traditional types of marriage in the law of foreign states]. In: V. G. Shadursky, resp. ed. *[International relations: history, theory, practice]*. Materials of the IX Scientific and Practical Conference of young scientists of the Faculty of International Relations of Belarus State University. Minsk: Belarus State University; 2019. Pp. 71-74. (In Russ.) ISBN: 978-985-566-883-2.
16. Miroshnikov, E. V., Akinshina, E. A., Lemeshko, A. A. [Institute of non-traditional marriages in foreign countries]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = [Trends in the Development of Science and Education]*. 2023;(97-6):35-38. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, с. 1); профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2).

Alexey V. Barkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil Law Department, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (build. 1, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow, 123001, Russian Federation); Professor at the Legal Regulation of Eco-

nomic Activity Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation).

Гришина Яна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Yana S. Grishina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.01.2025; одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 03.04.2025.
The article was submitted 05.01.2025; approved after reviewing 07.02.2025; accepted for publication 03.04.2025.

Научная статья

УДК 347.21

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.96-112

Концессии и соглашения о публично-частном партнерстве: сравнительный анализ и вопросы права собственности

Алексей Юрьевич Баженов

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Российская
Федерация*

alexei_bazhenov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3614-0709>

Аннотация

Введение. В статье представлены общий правовой анализ и сопоставление двух существующих правовых конструкций в сфере инвестиционной деятельности с участием публично-правовых образований и частных лиц: концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве. Анализ соглашений проводится с учетом накопленного опыта их правового регулирования, судебной и конкурсной практики.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой для исследования стали труды ведущих ученых-экономистов и правоведов в сфере государственно-частного партнерства, аналитические материалы международных организаций. Работа базируется на традиционных методах исследования, используемых в юриспруденции: диалектическом, формально-юридическом и сравнительно-правовом.

Результаты исследования. На основе принадлежности соглашений к единой группе договоров в сфере государственно-частного партнерства приводится характеристика их схожих элементов. С учетом сходства раскрывается механизм принятия решения о выборе оптимальной договорной конструкции. Выделены базовые отличия соглашений друг от друга, заключающиеся прежде всего в отношении собственности на объект сделки, а также обозначены связанные с этим практические проблемы и теоретические вопросы, в частности возможность использования международного опыта.

Заключение. Делаются практические предложения, направленные на улучшение механизма реализации соглашений, в том числе в отношении необходимости регистрации права собственности для всех проектов по соглашениям о публично-частном партнерстве. Рассматриваются теоретические аспекты долевой собственности публичного и частного партнеров.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, публично-частное партнерство, концессионные соглашения, соглашения о государственно-част-

ном партнерстве, право собственности в договорах инвестиционного характера

Для цитирования: Баженов А. Ю. Концессии и соглашения о публично-частном партнерстве: сравнительный анализ и вопросы права собственности // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 96–112. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.96-112.

Original article

Concessions and Agreements on Public-Private Partnership: Comparative Analysis and Ownership Rights

Alexei Yu. Bazhenov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

alexei_bazhenov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3614-0709>

Abstract

Introduction. The article presents a general legal analysis and juxtaposition of the two analogous agreements, mediating the relationships of public and private entities in the investment sphere: concession agreements and agreements on public-private (municipal-private) partnership. The analysis is carried out taking into consideration the lessons learned in the legal regulations, judicial and bidding practice.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis for the study is rooted in the basic proceedings on economics and law in the sphere of public-private partnerships as well as the analytics of some international organizations. The research uses traditional methods such as dialectical, formal legal and comparative legal methods.

Results. Based on the belonging of the agreements in question to one group of public-private partnership treaties, similar elements of theirs are characterized. With this in mind, the mechanism of choosing the optimal contractual construction is described in the article. Basic dissimilarities of the agreements are also considered. The main one of them is definitely ownership rights to the object of the treaty. Moreover, the article touches on the practical problems and theoretical issues related to the topic, including the usage of some international experience.

Conclusion. Practical suggestions towards the improvement of the awarding and execution of the agreements are made, such as the necessity of registration of the ownership right for all of the projects implemented by the agreements on public-private partnerships. The author also mentions some theoretical aspects of shared ownership of public and private partners.

Keywords: public-private partnership, municipal-private partnership, concession agreements, public-private partnership agreements, property rights in investment contracts

For citation: Bazhenov, A. Yu. Concessions and agreements on public-private partnership: comparative analysis and ownership rights. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):96-112. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.96-112.

Введение

В действующем российском законодательстве существуют две сходные правовые конструкции, опосредующие отношения публично-правовых образований и частных лиц в инвестиционной сфере: концессионные соглашения и соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве. Заключение, исполнение, изменение и прекращение обоих видов соглашений регулируются отдельными специальными федеральными законами: Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»¹ (далее – Закон о концессиях) и Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – Закон о ГЧП).

Оба вида соглашений активно используются в практике. В процессе накопления опыта заключения и реализации таких соглашений перед правоприменителями и исследователями возникают различные вопросы, включая нюансы выбора вида соглашения для наиболее эффективного достижения целей планируемого инвестиционного проекта. Целью настоящего исследования является сопоставление указанных договорных конструкций, выявление их схожих свойств и принципиальных различий, связанных с правом собственности на объект соглашения, на основе накопленного в России практического опыта использования данных соглашений, а также международных исследований по данным вопросам.

Стоит оговориться, что в современной правовой доктрине и нормативных актах наряду с термином «государственно-частное партнерство» используется термин «публично-частное партнерство», поскольку сторонами такого партнерства могут быть как бизнес-структуры и государство, так и муниципальные образования (не являющихся государственными) [1, с. 4]. Поэтому данный вид соглашений предлагаем именовать «соглашения о публично-частном партнерстве» (как это сделано, например, в Модельном законе «О публично-частном партнерстве», принятом Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ³).

Основные признаки ГЧП хорошо изучены в научной литературе. Большинство исследователей относят к ним, в частности, долгосрочность проекта, его софинансирование сторонами и распределение рисков⁴. На-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30. Ст. 3126.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29. Ст. 4350.

³ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2014 г. № 41-9. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: [2, с. 54; 3, с. 94; 4, с. 25]. См. также: Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика : учеб. и практикум для вузов / под общ. ред.

личие полного набора данных признаков ГЧП позволяет отнести рассматриваемые в настоящей статье соглашения к отдельной группе договоров (типичные договоры ГЧП), отличающейся от иных гражданско-правовых договоров инвестиционного характера (квази-ГЧП)⁵. Данный вывод поддерживается, например, тем, что оба соглашения в Рекомендациях по реализации проектов государственно-частного партнерства Министерства экономического развития Российской Федерации названы формами (моделями) ГЧП и рассматриваются совместно⁶. Кроме того, обе формы изначально подпадали под единое регулирование одного из лучших примеров регионального законодательства в сфере ГЧП – Закона Санкт-Петербурга от 20 декабря 2006 г. «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах»⁷, действовавшего с конца 2006 по 2025 г.

Теоретические основы. Методы

Поскольку тематика государственно-частного партнерства носит во многом междисциплинарный характер, находясь на стыке экономических и юридических дисциплин, теоретическими основами для настоящего исследования стали труды ведущих ученых-экономистов и правоведов, в частности: А. В. Белицкой, Г. А. Борщевского, А. Г. Зельднера, Н. А. Игнатюк, Е. И. Марковской, В. Ф. Попондопуло, М. Ю. Соколова и др., а также аналитические материалы международных организаций – Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития, Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Объектом исследования являются гражданско-правовые отношения сторон, возникающие при заключении и исполнении концессионных соглашений и соглашений о публично-частном партнерстве.

Работа базируется на традиционных методах исследования, принятых в юриспруденции: диалектическом методе как философской основе изучения рассматриваемых явлений; формально-юридическом методе, используемом для установления юридического содержания правового регулирования гражданских правоотношений; сравнительно-правовом методе, позволяющем сопоставить договорные конструкции друг с другом.

Е. И. Марковской. М. : Юрайт, 2025. С. 17; Игнатюк Н. А. Государственно-частное партнерство : учеб. М. : Юстицинформ, 2012. С. 25.

⁵ Борщевский Г. А. Государственно-частное партнерство: учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 63.

⁶ Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства. Практики реализации проектов / М-во экон. развития Рос. Федерации. М., 2023. С. 7. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f3040f6b964f22e1a761bbcb2fcf9b0d/metodic_2023.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 28 дек. С. 6.

Результаты исследования

При анализе содержания российского законодательства, регулирующего рассматриваемые соглашения, и теоретической базы выявляется **значительное сходство этих договорных конструкций** друг с другом. В частности:

1) большинство цивилистов согласны с тем, что данные соглашения относятся к смешанным гражданско-правовыми договорам инвестиционного характера, что означает в том числе распространение на них, помимо норм специальных федеральных законов, также и общих норм гражданского законодательства, включая нормы об обязательствах, общие положения о договорах, ответственности сторон и т. п.⁸;

2) сторонами данных соглашений являются публично-правовое образование (Российская Федерация, субъект Федерации или муниципальное образование) и частное лицо (с учетом нюансов, установленных законом);

3) схожий перечень объектов соглашений. Различия в объектах соглашения обусловлены, в основном, нецелесообразностью нахождения некоторых их видов в частной собственности. Так, здания, строения, сооружения, предназначенные для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации, могут быть объектом только концессионных соглашений, наряду с федеральными, региональными и местными дорогами, объектами энергоснабжения, газоснабжения и т. п. В свою очередь, частные автомобильные дороги, объекты промышленности, мелиоративные системы и другое могут быть только объектами соглашений о публично-частном партнерстве;

4) аналогичный порядок заключения соглашений, установленный законодательством. В обоих случаях инициатива заключения соглашений может исходить как от публичной, так и от частной стороны. Если предложение исходит от частного партнера (концессионера), оно размещается в публичных источниках с целью изучения вопроса о наличии иных желающих реализовать предложенный проект ГЧП, по итогам которого соглашение заключается с первоначальным инициатором проекта либо проводится конкурс. Кроме того, Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ уставлен во многом идентичный порядок проведения конкурса в электронной форме для обоих соглашений. Таким образом, оба соглашения заключаются по общему правилу на основе конкурсной процедуры. Заключение соглашений без проведения конкурса возможно в порядке частной инициативы с соблюдением принци-

⁸ Соколов М. Ю., Маслова С. В. Государственно-частное партнерство : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 155.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 29. Ст. 5314.

пов обеспечения конкуренции или в отдельных исключительных случаях, предусмотренных законом;

5) оба соглашения являются долгосрочными договорами инвестиционного характера, подразумевающими совместное участие публичной и частной сторон в реализации инвестиционного проекта, распределение ответственности между ними с целью решения задач, являющихся функциями государства или местного самоуправления либо находящихся в сфере публичных интересов.

Перечисленные и некоторые другие признаки, отражающие сходство рассматриваемых форм ГЧП друг с другом, на практике заставляют правоприменителя при планировании проекта решать, какую из форм использовать в конкретном случае. Анализируя **механизм принятия такого решения**, следует отметить, что существует два базовых вида причин, определяющих выбор: правовые причины и экономически детерминированные причины. К первым относится установленный правовой режим регулирования поведения сторон, ко вторым – экономическая и финансовая целесообразность (эффективность) реализации проекта в той или иной форме.

В российской правовой системе, в отличие от некоторых других стран, установлены закрытые перечни объектов, в отношении которых возможно заключение концессионных соглашений и соглашений о публично-частном партнерстве. Как уже было отмечено, данные перечни во многом схожи, но все-таки имеется ряд отличий. Поэтому в отношении некоторых объектов законодательно возможно заключение только определенного вида соглашения ГЧП. Это и будет правовой причиной, обуславливающей использование конкретной договорной конструкции. К правовым причинам также можно отнести некоторые различия в субъектном составе на стороне частного партнера (частным партнером не может быть иностранное лицо, в отличие от большинства концессий); регламентированные особенности проведения процедуры отбора инвестора, заключения соглашения и т. д. Если в отношении конкретного проекта ГЧП в соответствии с законодательством возможно использование обеих форм, далее анализируются экономико-финансовые аспекты проекта с целью выбора оптимального вида соглашения ГЧП.

Как будет показано далее, рассматриваемые формы ГЧП-проектов отличаются главным образом принадлежностью права собственности на той или иной стадии проекта, что и будет являться основным вопросом при анализе экономико-финансовых параметров проекта с целью выбора формы его реализации. Эта проблематика находится на стыке экономики и юриспруденции, так как экономические факторы во многом предопределяют выбор договорной формы, поэтому необходимо учитывать экономические исследования данных вопросов при выработке правового механизма принятия решения о выборе формы ГЧП-проекта.

В мировой научной литературе существуют различные подходы к выявлению целесообразности нахождения имущества в частных или публичных «руках». Так, экономически обосновывается вывод о том, что право собственности должно находиться у той стороны, которая наибольшим образом заинтересована в реализации проекта [4, р. 1367]. Данная заинтересованность выявляется путем проведения соответствующих расчетов и финансового анализа по специальным методологиям. В целом масштабные международные исследования показывают: во-первых, чем больше инвестиций вносит в проект частная сторона, тем большую часть активов проекта она должна получить (этим она уменьшает потенциальные риски, вызванные возможным оппортунистическим поведением представителей публичной стороны); во-вторых, чем более уникален проект и чем больше неуверенность в его успешной реализации, тем чаще выбираются такие контрактные формы ГЧП, при которых больше полномочий контроля осуществляет частный партнер, производящий инвестиции [5, р. 1489]. Этот же вывод подтверждается исследованиями взаимосвязи права собственности и размера инвестиций частного партнера на примере 26 проектов ГЧП в Норвегии [6, р. 1845]. При этом уточняется, что такая взаимосвязь отсутствует (носит незначительный характер) в отношении продолжительности проекта, т. е. длительность взаимоотношений сторон не влияет на выбор той или иной модели ГЧП и, соответственно, режима права собственности.

Таким образом, корректное определение наиболее эффективной стороны проекта, у которой должно находиться право собственности на объект в эксплуатационной стадии проекта и по его завершении, помогает выбрать оптимальную для данного случая модель ГЧП из всего многообразия таких моделей, представленных в мировой практике, часть которых реципирована в российскую правовую систему и рассматривается далее.

Согласно одной из основных современных классификаций в зависимости от того, кому принадлежит право собственности на объект в течение эксплуатационной стадии проекта, можно выделить модели, основанные на государственной собственности, а также модели, основанные на частной собственности [1, с. 26]. По этому критерию концессии относятся к первой группе проектов, а соглашения о публично-частном партнерстве – ко второй.

В концессионных соглашениях в соответствии с их легальной дефиницией право собственности на имущество всегда принадлежит концеденту либо будет принадлежать ему, если предметом соглашения является не реконструкция публичного имущества, а его создание¹⁰. Концессии реализуются в соответствии с моделью ВТО (build-transfer-operate = проектирование-передача-эксплуатация) [7, с. 131].

¹⁰ Часть 1 ст. 3 Закона о концессиях.

Единственным способом передачи частной стороне объекта концессии по окончании срока действия концессионного соглашения может быть принятие концедентом решения о приватизации объекта, при проведении которой концессионер будет иметь преимущественное право на выкуп объекта по его рыночной стоимости¹¹. Однако это является правом, а не обязанностью публично-правового образования, и юридического закрепления подобного обязательства в соглашении сторон быть не может.

Поскольку в концессионном соглашении собственность на имущество во всех случаях является публичной, концессионная модель не всегда может быть экономически интересна частной стороне проекта, так как «естественным образом частный партнер был бы заинтересован в сохранении права собственности на объект за собой» [8, с. 148]. Как отмечается в аналитике Европейского банка реконструкции и развития, с 2015 г. в России, Республике Кыргызстан и Румынии намечены законодательные тренды по расширению использования ГЧП-проектов не только концессионного типа, но и их производных форм¹². В нашей стране это обусловлено принятием Закона о ГЧП, в пояснительной записке к проекту которого указано, что «нормы российского законодательства предусматривают использование ограниченного числа моделей преимущественно в рамках реализации концессионных соглашений»¹³. Данный Закон впервые на федеральном уровне закрепил модели партнерства, основанные на праве собственности частного партнера, а не на публичной собственности. Устанавливая возможность возникновения права собственности в соглашениях о публично-частном партнерстве как у одной, так и у другой стороны, а также различный состав и комбинацию элементов (стадий) инвестиционного проекта, законодатель ввел в российское правовое поле большее количество моделей ГЧП, используемых в мировой практике.

Итак, в соглашениях о публично-частном партнерстве вопрос о моменте возникновения права частной собственности на объект соглаше-

¹¹ Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ст. 30.2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. Ст. 251.

¹² PPP Regulatory Guidelines. 2024. Recent developments in international PPP standards and regulatory policy trends. Vol. 3. P. 11. URL: https://www.ebrd.com/content/dam/ebd_dxp/assets/pdfs/legal-reform/infrastructure-and-natural-resources/public-private-partnerships-and-concessions/volume-3/vol3_chap1.pdf.

¹³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 238827-6 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/238827-6> (дата обращения: 27.03.2025).

ния зависит от содержания самого соглашения. Публичная сторона обязана предоставить частному партнеру права владения и пользования имуществом и обеспечить возникновение его права собственности, что может быть сделано как сразу после создания (реконструкции) объекта, так и в процессе его эксплуатации или по итогам реализации проекта в целом¹⁴. Это открывает возможность «сконструировать» различные дополнительные к концессионным модели ГЧП, основанные на праве частной собственности: (D)BOT, (D)BOO, (D)BOOT¹⁵. Правовая конструкция таких моделей ГЧП осуществляется путем включения предусмотренных законом обязательных и факультативных элементов (стадий инвестиционного процесса) в предмет соглашения. Эти модели позволяют частному партнеру развивать объект, эксплуатировать и поддерживать его наилучшим образом, чтобы по итогам проекта остаточная стоимость такого объекта была более высокой.

Нужно учитывать, что прямое соотнесение существующих в западной юридической и экономической терминологии моделей ГЧП с российскими правовыми конструкциями в этой сфере носит условный характер и не всегда трактуется идентично. Так, по мнению экспертов Министерства экономического развития Российской Федерации¹⁶, установленный Законом о концессиях механизм соотносится с моделями ВТО, DBFO и PFI¹⁷, а соглашения о публично-частном партнерстве – с моделями (D)BOT, (D)BOO, (D)BOOT. При этом некоторые концессионные проекты, заключаемые в рамках Закона о концессиях, соотносятся с моделями BOT, хотя в данном случае право частной собственности в принципе не может возникнуть и, соответственно, оно не может быть передано в итоге публично-правовому образованию, как предполагает модель ГЧП.

Это, например, проект строительства и эксплуатации мусоросортировочного комплекса в Нижнем Новгороде и проект реконструкции высокотехнологичных медицинских центров в г. Москве, которые осуществляются на основе концессионных соглашений¹⁸.

¹⁴ Пункт 4 ч. 2 ст. 6 и ч. 1 ст. 12 Закона о ГЧП.

¹⁵ (D)BOT = (design) build, operate, transfer (проектирование, строительство, эксплуатация, передача); DBOO = (design) build, own, operate (проектирование, строительство, владение, эксплуатация); (D)BOOT = (design) build, own, operate, transfer (проектирование, строительство, владение, эксплуатация, передача).

¹⁶ Рекомендации по реализации проектов государственно-частного партнерства. Практики реализации проектов / М-во экон. развития Рос. Федерации. С. 13. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f3040f6b964f22e1a761bbcb2fc9b0d/metodic_2023.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

¹⁷ DBFO = design, build, finance, operate (проектирование, строительство, финансирование, эксплуатация); PFI = private finance initiative (частная финансовая инициатива).

¹⁸ Соколов М. Ю., Маслова С. В. Указ. соч. С. 202.

Некоторые эксперты объясняют это тем, что в модели ВОТ частный партнер получает имущество во временное пользование без права собственности на объект [9, с. 97]. Таким образом, не всегда в понятие «передача» (transfer) вкладывается значение именно перехода права собственности на объект. Следовательно, относя ту или иную международную модель ГЧП к существующим в России видам соглашений, нужно учитывать, что это делается в некоторой степени условно и требует уточнения используемой при этом терминологии.

Как изложено ранее, соглашения о публично-частном партнерстве принято классифицировать как модели, основанные на частной собственности (COCO = contractor-owned, contractor-operated). Учитывая, что российское законодательство допускает возникновение права собственности частного партнера в том числе и в самом конце реализации проекта, это означает, что на эксплуатационной стадии такой партнер может обладать правом владения и пользования объектом, а не собственности. Следовательно, не все модели, которые возможно реализовать в рамках Закона о ГЧП, можно отнести к моделям, основанным на частной собственности на объект сделки. К таким моделям не относится указанная выше модель (D)ВОТ, если под «передачей» в ней понимается все же переход права собственности.

Актуальным примером реализации проекта ГЧП полного цикла на основе соглашения о публично-частном партнерстве, где частный партнер осуществляет строительство объекта и регистрирует право собственности на него после ввода объекта в эксплуатацию, может быть проектирование и строительство спортивного комплекса для занятия большим теннисом и падел-теннисом в г. Владикавказе Республики Северная Осетия – Алания¹⁹. В данном проекте право собственности частного партнера имеет ограничения в виде его обязательств по соглашению о публично-частном партнерстве, которые подлежат государственной регистрации²⁰. В частности, не допускается отчуждение частным партнером объекта соглашения до окончания реализации проекта. Это связано с необходимостью обеспечения интересов публичной стороны проекта.

В тех случаях, когда условиями соглашения о публично-частном партнерстве предусмотрено обязательство частного лица по передаче объекта в публичную собственность по истечении определенного соглашением срока, но не позднее дня его прекращения, различия между таким соглашением и концессией в плане остаточного права собственности стираются, т. е. в обоих случаях государство (муниципалитет) становится в итоге собственником объекта договора.

¹⁹ Постановление Правительства Республики Северная Осетия – Алания от 28 декабря 2024 г. № 601. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1500202412280001>.

²⁰ Часть 12 ст. 12 Закона о ГЧП.

На практике случаи заключения соглашений о публично-частном партнерстве, где по итогам реализации проекта право собственности переходит публичной стороне, встречаются редко.

Одним из примеров может быть опубликованный в 2023 г. проект строительства здания для размещения государственного бюджетного учреждения Республики Коми «Комплексный центр социальной защиты населения Ижемского района»²¹. Любопытно, что в этом проекте в течение 90 рабочих дней с момента ввода в эксплуатацию объекта соглашения частный партнер обязан подать документы для государственной регистрации своего права собственности на него, а также на регистрацию обременений объекта соглашения, таких как: запрет на передачу объекта в залог, а также на его отчуждение до истечения срока действия соглашения. При этом частный партнер обязан передать право собственности на объект публичному партнеру до окончания действия соглашения.

Получается, что в течение эксплуатационной стадии реализации проекта частная сторона, имея в собственности объект соглашения, фактически лишена возможности распоряжения им и обязана в итоге передать его публично-правовому образованию. Такая конструкция права собственности, скорее, носит характер временного владения и пользования, что вызывает вопросы относительно свойства его абсолютности.

В российской научной литературе вопрос «временного» права собственности на объект соглашения о публично-частном партнерстве в настоящее время не разработан, но некоторые позиции, связанные с этим прямо или косвенно, все же высказываются. Например, Т. Ю. Руденко считает, что внесение условия возникновения частной собственности в обязательные элементы ГЧП-соглашения не является целесообразным [10, с. 99].

Анализируя положения законодательства и практический опыт их применения, отметим, что механизм, существующий в рамках законодательства о концессионных соглашениях, в котором у концессионера возникают права владения и пользования объектом для осуществления эксплуатационной деятельности, более соответствует временному характеру передачи объекта частной стороне, нежели «временное» право собственности на него, обремененное невозможностью распоряжения вещью. Поэтому считаем, что в том случае, когда проектом предусмотрено возникновение публичного права собственности на объект, такое право в большинстве случаев целесообразно регистрировать сразу после ввода объекта в эксплуатацию и передавать его во владение и пользование частному лицу на условиях, определенных сторонами (по аналогии с концессионным механизмом). Особенно это актуально для проек-

²¹ Распоряжение Правительства Республики Коми от 22 сентября 2023 г. № 492-р. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

тов, срок реализации которых не превышает 10 лет. Такой механизм по действующему Закону о ГЧП невозможен, так как возникновение права частной собственности на имущество всегда является обязательным элементом соглашения, а его передача в публичную собственность – факультативным. При этом стоит отметить, что речь идет исключительно о тех проектах ГЧП, где возникает право публичной собственности. В этих проектах вопрос необходимости возникновения права частной собственности должен решаться с учетом конкретных параметров реализации проекта и его характера.

Рассмотрев некоторые вопросы реализации права собственности на эксплуатационной стадии проекта, нужно также обозначить еще ряд моментов, касающихся остаточного права собственности на объект сделки, т. е. определения той стороны инвестиционного проекта, которой принадлежит такое право собственности, когда проект полностью завершен.

Поскольку Закон о ГЧП регулирует в основном модели, основанные на праве частной собственности на объект соглашения, очевидно, что такое право частного партнера презюмируется в большинстве проектов. Однако указанным Законом предусмотрен только один случай обязательной передачи публичной стороне объекта сделки, а именно: если объем вложений в проект публичной стороной превышает объем его финансирования частной, обязательным элементом такого соглашения является обязательство частного партнера по передаче объекта в публичную собственность. Для остальных случаев в Законе указано, что соглашение должно содержать порядок, условия и сроки передачи объекта публичному партнеру²².

Авторы одной из современных западных научных работ на основе анализа 2721 проекта ГЧП в 114 странах приходят к выводам о том, что проекты, в которых право собственности на объект остается у государства (передается ему), в среднем на 5 лет более длительны и имеют меньший риск неудачного исхода. Поэтому авторы делают вывод о том, что право собственности должно априори оставаться у публичной стороны, особенно для длительных проектов, но соглашением сторон может быть предусмотрена передача этого права частной стороне при наличии определенных условий, в частности положительной остаточной стоимости объекта [11, р. 16]. В этом случае критерием определения остаточного (финального) права собственности на объект является не объем вложений сторон проекта, а ликвидность имущества по итогам его реализации. Безусловно, во главу угла здесь должны ставиться экономические показатели, чтобы определить наиболее выгодный для обеих сторон вариант окончания проекта.

²² Часть 4 ст. 6 и ч. 4 ст. 12 Закона о ГЧП.

Учитывая это, целесообразно предусмотреть в законе, что соглашением может быть предусмотрено условие, при котором объект по итогам реализации проекта остается в частной собственности. Таким условием является достижение частным партнером определенных параметров проекта либо определенного размера остаточной стоимости имущества. Это могло бы способствовать более высокому качеству строительства (реконструкции) объекта, более бережному отношению к имуществу со стороны частного партнера в процессе его эксплуатации, а также подтолкнуло бы правоприменителей к использованию данного механизма, поскольку он был бы поименован в законе. Соответственно, недостижение определенных соглашением показателей или остаточной стоимости имущества являлось бы вторым предусмотренным законом основанием для передачи объекта в публичную собственность.

При обсуждении проблем собственности по соглашениям о публично-частном партнерстве возникает концептуальный теоретический вопрос о возможности общей долевой собственности на объект сделки. С одной стороны, понятно, что действующим законодательством такой механизм не предусмотрен ни во время реализации проекта, ни по его окончании. С другой стороны, поскольку Закон о ГЧП допускает возникновение права собственности на имущество у любой стороны соглашения, возможны ли ситуации, когда целесообразно было бы установить доли в праве собственности на объект в определенных пропорциях? В этом отношении следует учитывать, что российское гражданское законодательство не запрещает долевую собственность на недвижимое имущество с участием публично-правового образования и юридических (физических) лиц.

Верховным Судом Российской Федерации была выражена позиция о том, что действующее законодательство не предусматривает возможности поступления земельного участка в общую долевую собственность публично-правового образования и частного лица, следовательно, такая долевая собственность невозможна²³. Учитывая эту позицию судебных органов, можно предположить, что общая долевая собственность публичных и частных сторон и на здания, строения, сооружения также вызывает вопросы. Однако на практике существует множество примеров, когда такая общая долевая собственность на недвижимость возникает в силу различных правовых оснований.

Так, по данным материалов дела, рассмотренного Арбитражным судом Нижегородской области, 1/5 доли в праве общей долевой собственности принадле-

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2022 г. № 308-ЭС22-13775 по делу № А53-32238/2021. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/7cUoEDDikU1V/> (дата обращения: 27.03.2025).

жала городу Нижний Новгород и $\frac{4}{5}$ доли в такой собственности – юридическому лицу, в связи с чем муниципалитет требовал в судебном порядке выдела своей доли в виде конкретных помещений²⁴.

Считаем, что в случае появления регулирования такой долевой собственности в общих нормах гражданского права можно было бы рассматривать вопросы его распространения и на договорные конструкции в сфере ГЧП. Тем более что аналоги подобных взаимоотношений сторон можно найти в корпоративных формах ГЧП, выражающихся в создании совместных юридических лиц, где партнеры участвуют в формировании имущественной базы проекта в определенных долях. Тем временем в текущих правовых реалиях, конечно же, говорить о включении подобных норм в законодательство о концессиях и соглашениях о публично-частном партнерстве преждевременно.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее.

1. На основе анализа теоретической базы и норм действующего законодательства можно констатировать наличие у концессионных соглашений и соглашений о публично-частном партнерстве всех признаков ГЧП, что позволяет отнести их к единой группе договоров – типичные договоры ГЧП.

2. Механизм принятия решения о выборе вида соглашения для конкретного проекта должен учитывать правовые и экономически детерминированные причины. Первоначально дается оценка правовой возможности заключения концессионного соглашения или соглашения о публично-частном партнерстве. Если на основе норм действующего законодательства возможно заключение обоих видов соглашений, анализируются экономико-финансовые аспекты проекта, в частности вопросы выбора оптимальной экономической модели проекта с точки зрения права собственности на объект сделки.

3. Главным отличием соглашений являются вопросы принадлежности права собственности на объект сделки на эксплуатационной стадии проекта и по итогам его реализации. Отношения собственности непосредственно влияют на экономическую эффективность и успешность проекта ГЧП, что подтверждается результатами международных исследований.

4. Рассматриваемые соглашения, урегулированные нормами российского права, позволяют реализовать проекты ГЧП, коррелирующие с основными существующими международными моделями ГЧП. Однако соотнесение российских соглашений с такими моделями ГЧП в некоторых

²⁴ Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 4 марта 2024 г. по делу № А43-41106/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2XRqv8YfR46L> (дата обращения: 27.03.2025).

случаях носит условный характер и требует терминологического уточнения используемых при этом понятий и учета специфики нормативного регулирования в России.

5. С учетом анализа практики правоприменения целесообразно рассмотреть вопрос о необходимости обязательной регистрации «временного» права частной собственности на объект соглашения, когда такой объект подлежит по итогам реализации проекта передаче в публичную собственность и распоряжение им значительно ограничено. Данный вопрос может быть решен сторонами в рамках конкретного проекта путем регистрации права публичной собственности после создания (реконструкции) объекта и его передачи во владение и пользование частному партнеру (как в концессионной модели) либо путем установления в соглашении условий, когда объект может быть передан в частную собственность.

6. Недостижение определенных соглашением о публично-частном партнерстве показателей проекта или остаточной стоимости имущества может быть еще одним законодательно установленным основанием для оставления объекта в публичной собственности, что будет стимулировать частную сторону к более качественному созданию объекта и его эксплуатации (техническому обслуживанию).

7. Нуждается в дополнительном научном осмыслении проблематика реализации права общей долевой собственности между публично-правовым образованием и частным лицом с перспективой возможного включения подобных механизмов в проекты ГЧП.

Список источников

1. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 528 с. ISBN: 978-5-9998-0198-2.
2. Белицкая А. В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства : моногр. М. : Статут, 2012. 190 с. ISBN: 978-5-8354-0802-3.
3. Государственно-частное партнерство в условиях инновационного развития экономики : моногр. / под ред. А. Г. Зельднера, И. И. Смотрицкой. М. : ИЭ РАН, 2012. 212 с. ISBN: 978-5-9940-0353-4.
4. Besley T. Government versus private ownership of public goods // The Quarterly Journal of Economics. 2001. Vol. 116, no. 4. P. 1343–1372. DOI: 10.1162/003355301753265598.
5. Fleta-Asín J., Muñoz F., Rosell-Martínez J. Public-private partnerships: determinants of the type of governance structure // Public Management Review. 2020. No. 22. P. 1489–1514. DOI: 10.1080/14719037.2019.1637014.

6. Azariana M. et al. Project ownership in public-private partnership (PPP) projects of Norway // *Procedia Computer Science*. 2023. Vol. 219. P. 1838–1846.
7. Волошина В. А. Сравнительный анализ государственно-частного партнерства и концессий // *Экономические науки*. 2016. № 53. С. 130–133.
8. Глазачев Д. И. Особенности осуществления права собственности на объекты, созданные по результатам реализации проектов, оформленных в виде соглашения о ГЧП и концессионного соглашения. Проблема правового регулирования // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 6 (181). С. 148–149.
9. Меджидов З. У. Организационно-финансовые модели, инструментарии и риски в реализации проектов государственно-частного партнерства // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022. № 6 (140). с. 94–106.
10. Руденко Т. Ю. Сравнительный анализ государственно-частного партнерства и концессии как договорных форм реализации инвестиционных соглашений с участием публично-правовых образований // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2018. № 2-2. С. 95–101.
11. Mansaray A. et al. Residual government ownership in public-private partnership projects // *Journal of Government and Economics*. 2021. No. 4. P. 2–18. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667319321000185>.

References

1. Popondopulo, V. F., Sheveleva, N. A., eds. [*Public-private partnership in Russia and foreign countries*]. Moscow: Infotropik Media; 2015. 528 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9998-0198-2.
2. Belitskaya, A. V. [*Legal regulation of public-private partnership*]. Monograph. Moscow: Statut; 2012. 190 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0802-3.
3. Zeldner, A. G., Smotritskaya, I. I., eds. [*Public-private partnership in innovative economic conditions*]. Monograph. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2012. 212 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9940-0353-4.
4. Besley, T. Government versus private ownership of public goods. *The Quarterly Journal of Economics*. 2001;116(4):1343-1372. DOI: 10.1162/003355301753265598.
5. Fleta-Asín, J., Muñoz, F., Rosell-Martínez, J. Public-private partnerships: determinants of the type of governance structure. *Public Management Review*. 2020;(22):1489-1514. DOI: 10.1080/14719037.2019.1637014.

6. Azariana, M., et al. Project ownership in public-private partnership (PPP) projects of Norway. *Procedia Computer Science*. 2023;(219):1838-1846.
7. Voloshina, V. A. [Comparative analysis of public-private partnership and concessions]. *Ekonomicheskie nauki = [Economic Sciences]*. 2016;(53):130-133. (In Russ.)
8. Glazachev, D. I. [Peculiarities of ownership right implementation to the objects built as a result of projects of public-private partnership agreements and concession agreements. Problem of lawful regulation]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = [Eurasian Law Journal]*. 2023;6(181):148-149. (In Russ.)
9. Medzhidov, Z. U. [Organizational and financial models, instruments and risks in the public-private partnership projects' implementation]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = [Regional Economy Transformations]*. 2022;(6):94-106. (In Russ.)
10. Rudenko, T. Yu. [Comparative analysis of public-private partnership and concessions as contractual forms of the implementation of investment agreements with the participation of public organizations]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i juridicheskie nauki = [Tula State University News. Economic and Juridical Sciences]*. 2018;(2-2):95-101. (In Russ.)
11. Mansaray, A., et al. Residual government ownership in public-private partnership projects. *Journal of Government and Economics*. 2021;(4):2-18. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667319321000185>.

Информация об авторе / Information about the author

Баженов Алексей Юрьевич, аспирант Юридического института Иркутского государственного университета (Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1).

Alexei Yu. Bazhenov, Postgraduate Student, Law Institute, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Научная статья

УДК 347.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.113-127

О непоименованных оценочных понятиях семейного права

Александр Владимирович Фиошин

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
avfioshin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4664-1976>*

Аннотация

Введение. Исследования проблематики непоименованных оценочных понятий семейного права в доктрине крайне редки. Их анализ вкупе с рассмотрением законоположений, обеспечивающих их реализацию, имеет важное научно-практическое значение.

Методы. В статье проводится исследование таких непоименованных оценочных понятий, как «интерес отца» и «интерес матери». Применение аналитического и формально-юридического методов позволяет сделать вывод об их особенностях, различиях и соотношении с другими юридическими конструкциями.

Результаты исследования. Семейный кодекс России содержит значительное количество положений, обеспечивающих реализацию таких непоименованных оценочных понятий, как «интерес матери» и «интерес отца». Тесная взаимосвязь данных понятий с интересами ребенка не означает их равнозначности. Последние имеют доминирующее значение. Такие понятия, как «интерес бабушки», «интерес дедушки», «интерес брата», «интерес сестры» и «интерес других родственников», целесообразно квалифицировать в качестве метаоценочных.

Обсуждение и заключение. Важной особенностью таких непоименованных оценочных понятий семейного права, как «интерес матери» и «интерес отца», является их межотраслевой характер. Проведенное исследование также позволило выявить парадоксальное явление – законодательное обеспечение того, что буквально в законе не упомянуто.

Ключевые слова: непоименованные оценочные понятия, интерес матери, интерес отца, запрет на расторжение брака, общее имущество супругов, метаоценочные понятия

Для цитирования: Фиошин А. В. О непоименованных оценочных понятиях семейного права // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 113–127. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.113-127.

Original article

On Unnamed Evaluative Concepts of Family Law

Alexander V. Fioshin

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

avfioshin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4664-1976>

Abstract

Introduction. The study of the problems of unnamed evaluative concepts of family law in the doctrine is an extremely rare phenomenon. The analysis of these, coupled with the consideration of legal provisions ensuring their implementation, is of great scientific and practical importance.

Methods. The article examines such unnamed evaluative concepts as “father’s interest” and “mother’s interest”. The use of analytical and formal legal methods allows us to draw a conclusion about their features, differences and correlation with other legal structures.

Results. The Family Code of Russia contains a significant number of provisions ensuring the implementation of such unnamed evaluative concepts as “mother’s interest” and “father’s interest”. The close relationship of these concepts with the interests of the child, however, does not mean their equivalence. The latter are of dominant importance. Such concepts as “grandmother’s interest”, “grandfather’s interest”, “brother’s interest”, “sister’s interest” and “other relatives’ interest” should be qualified as meta-evaluative.

Discussion and Conclusion. An important feature of such unnamed evaluative concepts of family law as “mother’s interest” and “father’s interest” is their intersectoral nature. The conducted research also revealed a paradoxical phenomenon – the legislative provision of what is literally not mentioned in the law.

Keywords: unnamed evaluative concepts, mother’s interest, father’s interest, prohibition on divorce, common property of spouses, meta-evaluative concepts

For citation: Fioshin, A. V. On unnamed evaluative concepts of family law. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):113-127. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.113-127.

Введение

В литературе отмечается, что отечественная «юридическая наука в достаточной степени апеллирует к термину “непоименованность” при анализе тех или иных правовых явлений. Однако обширность такого употребления совершенно не подкреплена содержательной его характеристикой» [1, с. 324]. От себя добавим, что и широта употребления не отличается всеобъемлющим характером. К примеру, работы, связанные с проблематикой непоименованных оценочных понятий семейного права, в общем массиве семейно-правовой тематики являются редчайшим исключением. Надеемся, что настоящая работа будет способствовать активизации научных исследований рассматриваемого вопроса.

Методы

Непоименованность, помимо прочего, характеризуется отсутствием упоминания явления в тексте законодательства. Между тем само явление в реальной действительности существует и с помощью применения аналитического и формально-юридического методов может быть обнаружено. Что касается оценочных понятий, то они представляют собой имеющие собирательный характер относительно-определенные законодательные конструкции, содержание которых выявляется в процессе правоприменения сквозь призму дискреции. *Prima facie* присутствует противоречие. С одной стороны, непоименованность предполагает отсутствие закрепления оценочных понятий в тексте закона, с другой – такие понятия как составная часть нормы права в обязательном порядке имеют законодательную фиксацию. Однако следует заметить, что отличительной особенностью таких непоименованных оценочных понятий семейного права, как «интерес отца» и «интерес матери», является их завуалированное (подразумеваемое) присутствие в законодательной материи. Так, Семейный кодекс Российской Федерации, в отличие от некоторых судебных актов¹, не содержит указанных оценочных понятий. Вместе с тем в Кодексе есть упоминания об интересе «одного из супругов» (п. 2 ст. 24 СК РФ), а также интересе «родителей» (п. 2 ст. 64 СК РФ). Таким образом, *de facto* обозначенные понятия имплицитно (как часть целого) в семейном законодательстве присутствуют.

Результаты исследования

Рассмотрим указанные оценочные понятия более детально. Для начала определим термины. Интерес, как известно, понятие многогранное. Приведем одно из его значений: «То, что составляет благо кого-, чего-л., служит на пользу, благо кого-, чего-л.»². В свою очередь, мать определяется как «женщина по отношению к своим детям»³. Таким образом, интерес

¹ См., например: Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.07.2011). Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. № 88-5390/2023; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2024 г. № 88-7068/2024.

² Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. С. 928.

³ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/мать>. В. В. Оглезнев также отмечает, что «в содержание этого понятия включено большое количество признаков, образующих разные кластерные модели, и ни один из них не является необходимым, – тем не менее, – в сознании носителей языка это понятие предстает как единое целое. Законодатель это, по-видимому, понимает, поскольку не дает легального определения понятия “мать” ввиду его устоявшегося употребления» [2, с. 193].

матери – это то, что составляет благо женщины, имеющей детей, служит ей на пользу. Отец – это «мужчина по отношению к своим детям»⁴. Соответственно, интерес отца – это то, что составляет благо мужчины, имеющего детей, служит ему на пользу. Следует отметить, что соблюдению интереса отца или матери обычно сопутствует и соблюдение интереса их ребенка (детей). Обеспечение интереса отца/матери, как правило, неразрывно связано с удовлетворением интересов детей, их противопоставление крайне маловероятно⁵. Надлежит также подчеркнуть, что взаимосвязь интересов ребенка и интересов отца/матери не означает их равноценности с точки зрения правотворца: больший «удельный вес» и приоритет интересов ребенка очевиден. Данная максима красной нитью проходит через все семейное законодательство. Это, можно сказать, фундамент современного семейного права. Хорошо это или не очень – предмет для самостоятельного научного исследования. Здесь ограничимся следующими краткими замечаниями. Во-первых, как считал Цицерон, *summum jus, summa injuria*, т. е. высшее право – высшая несправедливость. Изречение, как известно, появившееся как реакция на чрезмерное крючкотворство и злонамеренное толкование права. Во-вторых, уместным (особенно по отношению к детям) видится выражение Ш. Л. Монтескье: «Разреши человеку делать все, что он хочет, и ты погубишь его». Бездумное возведение в абсолют чего бы то ни было (даже права) может обратить позитивное явление в его противоположность. Возникает вопрос: не является ли выстраивание семейно-правового регулирования, учитывающего исключительно интересы (права) ребенка, антиподом действительных его интересов? Сюда, например, можно отнести закрепление в отечественном семейном законодательстве только прав ребенка при полнейшем отсутствии хоть каких-то (пусть даже элементарных) обязанностей с его стороны⁶.

Как уже было отмечено, словосочетание «интерес матери» в СК РФ отсутствует. Тем не менее нормы, направленные на его соблюдение, в Кодексе есть. Первое, на что следует обратить внимание, – положение ст. 17 СК РФ, в соответствии с которым «муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка». Необходимо также отметить, что в соответствии с п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. С. 928.

⁵ Мы намеренно используем формулировки, присущие общему правилу, ибо, как известно, из каждого правила есть исключение.

⁶ В доктрине такой подход законодателя подвергается справедливой критике. См., например: [3].

брака» это положение распространяется и на случаи, когда «ребенок родился мертвым или умер до достижения им возраста одного года».

Prima facie интерес матери в данном случае обусловлен заботой о женщине и необходимостью сохранения ее от дополнительных психоэмоциональных потрясений, вызываемых расторжением брака. Интенция законодателя в целом понятна и в ординарном порядке особых возражений не вызывает. Муж не должен «бросать» мать своего ребенка, явившегося на свет Божий. Но ведь в жизни бывает всякое. Крайне редко, но все же есть случаи, когда родившая мать оставляет свое дитя и мужа, не удосужившись при этом расторгнуть брак (хотя законодатель ей, в отличие от мужа, такое право предоставляет). Тем не менее буквальное толкование ст. 17 СК РФ не позволяет мужу в сложившейся ситуации расторгнуть брак, даже если ребенок остается полностью на его попечении. Причем при определенных обстоятельствах такая мать может также рассчитывать на дополнительные преференции (например, в случае гибели мужа она остается наследником первой очереди). Думается, что целесообразно было бы предусмотреть внесение изменений в рассматриваемую норму в части допущения возможности расторжения брака мужем в случае, если родившийся ребенок остается на его попечении. Такая законодательная новелла могла бы способствовать достижению баланса интересов отца и матери.

Вместе с тем замужняя женщина может забеременеть и не от супруга. В связи с этим установленный ст. 17 СК РФ запрет на расторжение брака супругом представляется несправедливым. В специальной литературе предлагается усовершенствовать обозначенную норму, добавив перед словом «ребенка» слово «общего» [4]. Полагаем, что данное предложение целесообразно поддержать. Допустимость расторжения брака мужем при доказанном факте отсутствия родства с ребенком в рассматриваемой ситуации представляется адекватной.

Еще одной нормой, которая на практике в подавляющем большинстве случаев служит обеспечению интереса матери, является положение, предусмотренное п. 3 ст. 34 СК РФ: «Право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода».

«Эти положения, – пишет Ф. И. Хамидуллина, – говорят об общественном признании и равной ценности для общества всякого вклада супругов в их семейные отношения»⁷. И хотя законодатель в данном случае не делает привязки к полу супруга, статистические данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в практическом преломлении рассматриваемая норма обеспечивает прежде всего интересы матери. Чаше

⁷ Ахметьянова З. А., Ковалькова Е. Ю., Низамиева О. Н. и др. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Проспект, 2010. С. 134.

всего именно матери осуществляют уход за детьми и ведут домашнее хозяйство. Это обусловлено как физиологическими причинами (грудное вскармливание ребенка), так и исторически сложившимися традициями (отношение к женщине как к хранительнице домашнего очага).

Отметим также, что «законодатель связывает право на общее имущество неработающего супруга только с уважительными причинами его «неработы»»⁸.

Полагаем, что «уважительные причины» можно отнести к поименованным (или ординарным) оценочным понятиям, которым присуща вариативность. Помимо упомянутых в законе «судебная практика также признает в качестве уважительных причин тяжелую болезнь, учебу и службу в армии»⁹. Доктрина, в свою очередь, дополняет этот перечень случаями, когда человек «занимался благотворительной деятельностью, творческим трудом, не приносящим сиюминутных материальных выгод, ухаживал за нетрудоспособными родственниками и другими близкими людьми»¹⁰.

Думается, что рассматриваемая норма очень ярко высвечивает отраслевую специфику семейно-правовых отношений. Отношения в семье, даже имущественные, имеют свои особенности и не тождественны имущественным отношениям в праве гражданском. «Имущественные отношения, регулируемые семейным правом, – писал В. Ф. Яковлев, – производны от отношений личных. В основе имущественных отношений лежит личная связь участников семейных отношений. Именно поэтому имущественные отношения имеют совершенно иную сущность и содержание» [5, с. 724]. Закрепляя право на общее имущество супругов для лиц, не имеющих самостоятельного дохода, но ухаживающих за детьми и ведущих домашнее хозяйство, законодатель признает значимость их деятельности. Чаще всего эта норма служит средством обеспечения интересов матерей.

Далее надлежит упомянуть абз. 3 п. 2 ст. 89 СК РФ, согласно которому жена в период беременности имеет право на материальную поддержку в виде алиментов, взыскиваемых с супруга, обладающего необходимыми для этого средствами. Интерес матери здесь очевиден. Беременность – особый период, требующий дополнительных затрат, в том числе материальных. В данном случае весьма ярко проявляется заявленный нами тезис о том, что обеспечение интереса матери, как правило, неразрывно связано с удовлетворением интересов ее детей. Взаимосвязь интересов, равно как и организмов матери и ребенка (детей) в пренатальном пери-

⁸ Алексеева О. Г., Заец Л. В., Звягинцева Л. М. и др. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / под общ. ред. С. А. Степанова. М. : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2015. С. 86.

⁹ Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. 2017. Подготовлено для справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Вишнякова А. В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., испр., доп., перераб. М. : Контракт, 2011. С. 92.

оде, физиологическая. Финансовая поддержка матери, направленная на питание, уход и лечение, благотворно сказывается и на ребенке.

Отметим, что приведенная норма также содержит поименованное оценочное понятие «необходимыми для этого средствами». В одной из своих работ мы уже рассматривали данное понятие. В связи с этим ограничимся указанием на то, что оценочные понятия – уникальное явление правовой действительности. Помимо прочего, применительно к семейному праву оценочные понятия играют заметную роль в гармонизации частных и публичных интересов. Впрочем, «интерес матери» – тоже понятие оценочное, только непоименованное. Его содержание (так же как и в случае с поименованными оценочными понятиями) выявляется с учетом конкретных жизненных обстоятельств. Думается, что оно также вносит свою лепту в гармонизацию частных и публичных интересов. С одной стороны, удовлетворяются потребности конкретной личности, с другой – обеспечивается реализация конституционного положения о защите государством материнства.

В литературе отмечается, что презумпция интересов матери, их доминирование в родительских правоотношениях в ряде случаев является фундаментом для злоупотребления правом. Так, в соответствии с п. 2 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323) женщина по своему желанию может прервать беременность при сроке до двенадцати недель¹¹. «Очевидно, – пишет Е. В. Ковалева, – что в такой ситуации женщиной предпринимается не только вопрос о материнстве, но и вопрос об отцовстве, что в корне противоречит принципу равноправия матери и отца в родительском правоотношении и в определенных случаях создает реальную базу для злоупотребления правом женщины на защиту материнства и воспитание детей, что в свою очередь противоречит правам и интересам мужчины-отца» [7, с. 228].

Думается, что злоупотребление правом, особенно в таком фундаментальном вопросе, недопустимо. Неприемлемы и противоречивые законодательные подходы. С одной стороны, законодатель указывает на необходимость взаимного согласия супругов «в проектировании перспективы материнства и отцовства» [8, с. 6] (п. 2 ст. 31 СК РФ). С другой – допускает решение этого вопроса исключительно женщиной (п. 2 ст. 56 Закона № 323). Представляется, что приоритет здесь должен быть отдан семейному законодательству. Это может способствовать не только целям элиминации основы для злоупотребления правом, но и сохранению жизни хоть какого-то количества младенцев. Кроме того, единый подход законодателя в данном вопросе будет весомым вкладом в дело обеспечения интересов отцов, что благотворно скажется на балансе родительских интересов в целом.

¹¹ За этой формулировкой в действительности скрывается возможность убийства матерью своего нерожденного ребенка [6, с. 28].

Еще одной проблемой, свидетельствующей о дисбалансе интересов матерей и отцов на практике, является «гендерно дискриминационный подход судов к определению места жительства ребенка при раздельном проживании родителей» [9, с. 83]. В подавляющем большинстве споров суды оставляют ребенка с матерью. И если для младенческого возраста это может быть обусловлено естественными причинами (грудное вскармливание etc.), то в более старшем возрасте такой тотальный перекося в пользу интересов матери вызывает вопросы. Суды в рассматриваемых делах периодически ссылаются на Принцип 6 Декларации прав ребенка¹², предусматривающий недопустимость разлучения малолетнего ребенка с матерью за изъятием исключительных обстоятельств. В доктрине такой подход подвергается критике. Отмечается, что положения Декларации прав ребенка устарели, а на смену им «...пришли положения Конвенции о правах ребенка о равенстве родительских прав и решении спора об определении места жительства ребенка исходя из принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка» [10, с. 52].

Очень авторитетный и широко известный теоретик права Джозеф Раз как-то написал, что «пробелы в праве не только возможны, но и... неизбежны» [11, с. 143]. В связи с этим любопытно отметить, что отечественной судебной практике известны законодательные пробелы, связанные с интересами матери.

Так, в одном деле невестка из-за личных неприязненных отношений мешала своей свекрови видеться с ее совершеннолетним сыном, признанным недееспособным. Суд, рассмотрев иск матери об устранении препятствий к общению с сыном, установил, что нормами СК РФ порядок устранения препятствий в таком случае не установлен, и применил аналогию закона (ст. 5 СК РФ). Удовлетворив иск, он «...обязал ответчицу не препятствовать истнице общаться с сыном в месте его проживания во второй и четвертый четверг каждого месяца с 14.00 до 15.00 и ежегодно в день рождения с 14.00 до 15.00» [12, с. 92].

Приведенный казус примечателен тем, что в нем разрешен вопрос об удовлетворении интереса матери на общение со своим совершеннолетним сыном. Семейное законодательство в данном вопросе оказалось пробельным, и суд разрешил спор на основании аналогии закона.

Надлежит сказать, что «интерес матери», равно как и «интерес ребенка», – явление межотраслевое. Помимо семейного законодательства интерес матери можно обнаружить и в законодательстве о социальном обеспечении. Так, п. 1 ст. 32 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» предусматривает возможность досрочного выхода на пенсию для женщин, родивших от трех до пяти и более

¹² Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Права и свободы личности. Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». Вып. 11. М., 1995. С. 191–194.

детей. Для этого таким женщинам необходимо иметь не менее 15 лет страхового стажа.

Интерес матери здесь очевиден: возможность досрочного выхода на пенсию для многодетной матери представляется весьма желательной. Представляется, что государство в данном случае делает попытку учесть колоссальный труд, выполняемый многодетными мамами. Вместе с тем предпринятая попытка видится «хромающей» и не до конца продуманной. «Действительно, как, в современных реалиях, женщине, намеревающейся родить 5 детей, ухитриться получить 15 лет страхового стажа, при том что в силу пп. 3 п. 1 ст. 12 ФЗ “О страховых пенсиях” в страховой стаж засчитывается период ухода за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, но не более шести лет в общей сложности?! Каким образом матери при последовательном рождении и воспитании (кормлении, учении, лечении и т. п.) пятерых детей набрать недостающие девять лет страхового стажа?» [13, с. 24–25]. Думается, что одним из вариантов полноценного обеспечения интересов многодетных матерей было бы включение в страховой стаж периода ухода ими за детьми без каких-либо ограничений.

Еще одним нормативным актом, в котором учитывается интерес матери, является Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». В соответствии с данным Федеральным законом дополнительные меры государственной поддержки семей осуществляются посредством выдачи материнского (семейного) капитала. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, «дополнительные меры государственной поддержки предоставляются в связи с реализацией социального риска материнства, охватывающего беременность и рождение ребенка, а право женщин на их получение обусловлено фактом рождения второго, третьего или последующих детей»¹³. Если же принять во внимание, что с 1 января 2020 г. средства материнского (семейного) капитала выплачиваются также и за рождение первого ребенка, то учет интересов всех матерей становится очевидным. Совпадение интересов матери и ребенка (о чем в качестве общего правила мы сказали вначале) можно увидеть и в способах распоряжения средствами материнского капитала. К таковым можно отнести, например, улучшение жилищных условий.

Учитывая, что в ряде случаев средства материнского капитала могут быть предоставлены и мужчинам, интерес таковых также можно охарактеризовать как явление межотраслевое.

¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1085-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кубанова Виктора Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”».

Словосочетание «интерес отца», как и «интерес матери», в СК РФ отсутствует. Вместе с тем нормы, обеспечивающие его реализацию, равно как и в случае с интересом матери, текст Кодекса содержит. Так, в соответствии с п. 3 ст. 48 СК РФ в экстраординарных случаях (смерть матери, признание ее недееспособной, лишение ее родительских прав, невозможность установления ее места нахождения) отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, может быть установлено по его заявлению с согласия органа опеки и попечительства. Интерес отца в данной ситуации выражен в установлении правовой связи с ребенком и юридической фиксации факта своего отцовства.

В отношении необходимости получения отцом согласия органа опеки и попечительства на установление отцовства доктрине известно несколько позиций. Одни авторы мотивируют необходимость получения согласия целью защиты прав и законных интересов ребенка¹⁴. Другие пишут о том, что такое согласие необходимо во избежание удовлетворения корыстных целей извлечения каких-либо выгод без цели заботы о ребенке, его воспитании¹⁵. Третьи исходят из того, что согласие направлено на охрану прав и интересов ребенка и защиту его от возможных злоупотреблений со стороны мужчины, объявляющего себя его отцом¹⁶. Четвертые делают вывод о том, что таким образом восполняется воля матери¹⁷. Пятые вообще не видят в нем необходимости и предлагают убрать из соответствующих положений СК РФ [14, с. 12]. Думается, что полное исключение участия контролирующих органов из цепи соответствующих юридических фактов едва ли будет способствовать безопасности ребенка в обозначенной экстраординарной ситуации.

Еще одной нормой, с которой связаны интересы отца, является п. 3 ст. 137 СК РФ. Согласно данному законоположению при усыновлении ребенка только женщиной по желанию отца личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены. Интересы отца, таким образом, могут быть реализованы как при общении с ребенком, так и при наследовании после него.

Удовлетворяются интересы отца и в соответствии с п. 2 ст. 162 СК РФ. Согласно данной норме проживающий за пределами России отец вправе обратиться с заявлением об установлении отцовства в дипломатическое представительство или консульское учреждение Российской Федерации. В таком случае (равно как и при применении п. 3 ст. 48 СК РФ) интерес

¹⁴ Ахметьянова З. А., Ковалькова Е. Ю., Низамиева О. Н. и др. Указ. соч. С. 271.

¹⁵ Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю. и др. Семейное право : учеб. / под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 162.

¹⁶ Королев Ю. А. Комментарий к Семейному кодексу РФ (постатейный). М. : Юстицинформ, 2003. С. 198

¹⁷ Алексеева О. Г., Заец Л. В., Звягинцева Л. М. и др. Указ. соч. С. 148.

отца выражается в установлении правовой связи с ребенком и юридической фиксации факта своего отцовства.

Весьма непростым является вопрос о квалификации таких понятий, как «интерес бабушки», «интерес дедушки», «интерес братьев», «интерес сестер», «интерес других родственников». Дело в том, что ни к ординарным, ни к непоименованным оценочным понятиям их отнести нельзя. Как и в случае с «интересом отца» и «интересом матери», данные понятия в СК РФ буквально не упоминаются. Вместе с тем между ними есть разница. Если первые, как было отмечено, присутствуют (как часть целого) в тексте СК РФ, то вторые – нет. Думается, что для наименования таких понятий к слову «оценочных» уместно добавить приставку «мета-»¹⁸, означающую, помимо прочего, обобщенность, промежуточность, превращение. Обусловлено это тем, что, несмотря на отсутствие их упоминания в законодательстве, СК РФ все же содержит нормы, направленные на удовлетворение интересов обозначенных субъектов. Так, в силу п. 1 ст. 67 СК РФ дедушка, бабушка, братья, сестры и другие родственники имеют право на общение с ребенком. Данная норма направлена на обеспечение реализации этого личного неимущественного права указанных лиц. Думается, что право на общение с ребенком лиц, обозначенных в п. 1 ст. 67 СК РФ, отличается от аналогичного права матери или отца. Причина тому – положения СК РФ о том, что родительские права одновременно являются их обязанностями. Воспитание и развитие детей без общения и взаимодействия с родителями едва ли возможно. Отсюда вывод: общение с ребенком – не только право, но и обязанность каждого родителя. В случае же с бабушками, дедушками, братьями, сестрами и другими родственниками не так. По общему правилу рассматриваемое право не является одновременно их обязанностью. Соответственно, если они его осуществляют, то это явно свидетельствует об удовлетворении их интереса. Причем при воспрепятствовании со стороны родителей (одного из них) такому общению близкие родственники вправе обратиться в орган опеки и попечительства. Данный орган может вынести решение об устранении соответствующих препятствий. Если же решение этого компетентного органа не исполняется, то они вправе обратиться в суд. Таким образом, реализация обозначенного интереса *ceteris paribus* может быть обеспечена силой государственного принуждения.

К нормам, обеспечивающим интересы братьев и сестер, можно также отнести положения ст. 93 СК РФ. Согласно данному законоположению «несовершеннолетние нуждающиеся в помощи братья и сестры в случае невозможности получения содержания от своих родителей имеют право на получение в судебном порядке алиментов от своих трудоспособных совершеннолетних братьев и сестер, обладающих необходимыми для этого средствами». Такое же право предоставляется и нетрудоспособным нуж-

¹⁸ Поименовав их как метаоценочные понятия.

дающим в помощи совершеннолетним братьям и сестрам при условии невозможности получения ими содержания от своих трудоспособных совершеннолетних детей, супругов (бывших супругов) или родителей.

Норма интересна еще и тем, что в ней содержится несколько поименованных оценочных понятий. Таким образом, можно наблюдать, как ординарные оценочные понятия взаимодействуют с понятиями метаоценочными. В рассматриваемом законоположении поименованные оценочные понятия («нуждающиеся в помощи», «обладающие необходимыми для этого средствами») в некотором смысле обеспечивают реализацию метаоценочных понятий («интересы братьев», «интересы сестер»). В данном случае можно признать некоторую их когерентность, ибо реализация интересов одних братьев/сестер осуществляется при их «нуждаемости» и одновременном наличии соответствующих («необходимых») средств у других братьев/сестер.

Аналогичная ситуация имеет место и с обеспечением интересов дедушек и бабушек. В силу ст. 95 СК РФ нетрудоспособные, нуждающиеся в помощи дедушка/бабушка также вправе взыскать со своих совершеннолетних, обладающих необходимыми для этого средствами внуков алименты. Это допускается в субсидиарном порядке, т. е. при невозможности получения содержания от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супруга (бывшего супруга).

Интересы бабушки и дедушки обеспечиваются и в случае усыновления ребенка их детьми. Так, согласно п. 4 ст. 137 СК РФ если один из родителей усыновленного ребенка умер, то по просьбе родителей умершего родителя (дедушки или бабушки ребенка) могут быть сохранены личные неимущественные и имущественные права и обязанности по отношению к родственникам умершего родителя, если этого требуют интересы ребенка. В этом случае наблюдается взаимодействие ординарных и метаоценочных понятий. Любопытно отметить, что реализация интересов дедушки и бабушки (метаоценочные понятия) возможна, только если это отвечает интересам ребенка (поименованное оценочное понятие). В рассматриваемой норме, впрочем, как и в большинстве иных случаев, ординарное оценочное понятие имеет приоритет по отношению к понятию метаоценочному.

Обсуждение и заключение

Подытоживая изложенное, отметим, что СК РФ содержит значительное количество положений, обеспечивающих реализацию таких непоименованных оценочных понятий, как «интерес матери» и «интерес отца». Подчеркнем еще раз, что в действующем законодательстве (несмотря на конституционный принцип равноправия мужчины и женщины) интерес матери имеет приоритет перед интересом отца. Думается, что такой дисбаланс в ряде случаев приводит к крайне негативным последствиям. Выявленную проблему надлежит решить, и как можно быстрее.

Такие понятия, как «интерес бабушки», «интерес дедушки», «интерес брата», «интерес сестры» и «интерес других родственников», целесообразно квалифицировать в качестве метаоценочных.

Важной особенностью рассмотренных непоименованных оценочных понятий семейного права является их межотраслевой характер. Проведенное исследование также позволило выявить парадоксальное явление – законодательное обеспечение того, что буквально в законе не упоминается.

Список источников

1. Суслова С. И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 322–347. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.
2. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2023. 352 с. (Сер. Библиотека аналитической философии). ISBN: 978-5-88373-751-9.
3. Ситдикова Л. Б., Шиловская А. Л. К вопросу об обязанностях несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 3–7.
4. Князева Е. В. К вопросу о справедливости в правовом регулировании семейных отношений // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 нояб. 2016 г.) : сб. науч. ст. / В. В. Акинфиева, Л. А. Аксенчук, А. А. Ананьева и др. ; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 225–231. ISBN: 978-5-7944-2821-6.
5. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 976 с. ISBN: 978-5-8354-0886-3.
6. Ильина О. Ю. Права отцов: де-юре и де-факто. М. : Городец, 2007. 192 с. ISBN: 978-5-9584-0167-3.
7. Ковалева Е. В. Презумпция интересов матери и ее неконституционные интерпретации // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 227–230.
8. Ильина О. Ю. Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8. DOI: 10.18572/1999-477X-2024-3-5-8.
9. Зыков С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 75–83. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.075-083.

10. Леканова Е. Е. Приоритетное право на воспитание: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4. С. 42–52. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.161.4.042-052.
11. Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой ; под науч. ред. Д. Раскова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 552 с. ISBN: 978-5-93255-622-1.
12. Микрюков В. А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М. : Статут, 2021. 164 с. ISBN: 978-5-8354-1741-4.
13. Фиошин А. В. Об основах формирования государственной политики по поддержке семей и сохранению традиционных семейных ценностей (или Концепция четырех «и») // Нотариус. 2022. № 6. С. 22–26. DOI: 10.18572/1813-1204-2022-6-22-26.
14. Асланов Х. Г. Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации : автореф. канд. ... юрид. наук. М., 2009. 28 с.

References

1. Suslova, S. I. Non-naming in civil law. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* = [Bulletin of the Perm University. Legal Sciences]. 2020;(2):322–347. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.
2. Ogleznev, V. V., Surovtsev, V. A. [Analytical philosophy of law: open texture and definition of legal concepts]. Moscow: Canon + ROOI “Reabilitatsiya”; 2023. 352 p. (Seryes: Library of Analytical Philosophy). (In Russ.) ISBN: 978-5-88373-751-9.
3. Sitdikova, L. B., Shilovskaya, A. L. On the issue of the duties of minors. *Semejnoe i zhilishhnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2014;(4):3-7. (in Russ.)
4. Knyazeva, E. V. [On the issue of justice in the legal regulation of family relations]. In: V. V. Akinfieva, L. A. Aksenchuk, A. A. Ananyeva, et al. [The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, November 18–19, 2016)]. Collection of scientific articles. Eds. V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow: Statut; 2017. Pp. 225–231. (In Russ.) ISBN: 978-5-7944-2821-6.
5. Yakovlev, V. F. [Selected works]. Vol. 2: [Civil law: history and modernity]. B. 1. Moscow: Statut; 2012. 976 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0886-3.
6. Ilyina, O. Yu. [The rights of fathers: de jure and de facto]. Moscow: Gorodets; 2007. 192 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9584-0167-3.
7. Kovaleva, E. V. The presumption of the interests of the mother and her unconstitutional interpretations. *Yuridicheskaya tekhnika* = [Legal Technique]. 2010;(4):227-230. (In Russ.)

8. Ilyina, O. Yu. Double solid, or On the issue of freedom of reproductive choice of spouses. *Semejnoe i zhilishchnoe parvo* = [Family and Housing Law]. 2024;(3):5-8. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-477X-2024-3-5-8.
9. Zykov, S. V. Parental rights to determine the place of residence of a child and the order of communication with him: problems of theory and practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = [Current Problems of Russian Law]. 2022;(3):75-83. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.075-083.
10. Lekanova, E. E. The priority right to education: history and modernity. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = [Actual Problems of Russian Law]. 2024;(4):42-52. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2024.161.4.042-052.
11. Raz, J. [The authority of the law. Essays on law and morality]. Transl. from Engl. by I. Diaghileva; ed. D. Raskov. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2021. 552 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93255-622-1.
12. Mikryukov, V. A. [Analogy of law and analogy of law in the practice of resolving family law disputes]. Moscow: Statut; 2021. 164 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-1741-4.
13. Fioшин, A. V. On the basics of forming a state policy to support families and preserve traditional family values (or the Concept of four "i"). *Notarius* = [Notary]. 2022;(6):22-26. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1204-2022-6-22-26.
14. Aslanov, Kh. G. [Ensuring the interests of the father in parental legal relations under the family legislation of the Russian Federation]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2009. 28 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

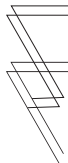
Фиошин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Alexander V. Fioшин, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 03.04.2025.

Квалификация завладения чужим имуществом в виртуальных мирах

Сергей Николаевич Титов

Ульяновский государственный педагогический университет

имени И. Н. Ульянова, Ульяновск, Российская Федерация

s.n.titov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>

Аннотация

Введение. Статья посвящена уголовно-правовой оценке завладения объектами в метавселенных. Автор дает характеристику метавселенных как одного из самых перспективных направлений развития современных информационно-телекоммуникационных технологий. Метавселенные представляют собой вымышленные миры с многомиллионной аудиторией и собственной экономикой. Неудивительно, что в них все большее распространение получает нарушение прав, в первую очередь экономических. Нарушения прав на чужие объекты в метавселенных регистрируются по всему миру. Распространена такая практика и в Российской Федерации.

Методы. Проблематика завладения объектами в метавселенных исследована автором на основании общего диалектического метода познания с использованием общетеоретических методов (анализ, синтез, дедукция, индукция, логический, системный) и частнонаучных методов (формально-логический, юридический анализ).

Результаты исследования. Возможно несколько подходов к квалификации завладения чужим имуществом в виртуальном мире. Первый заключается в полном отказе государства от регулирования таких отношений. Второй подход признает необходимость регулирования данных отношений, но считается, что в действующем уголовном законе подходящие нормы отсутствуют. Автор разделяет мнение о том, что виртуальные объекты могут быть признаны предметом хищения. Также в практике встречается квалификация описываемых деяний как неправомерного доступа к компьютерной информации.

Обсуждение и заключение. Автор высказывается относительно достоинств и недостатков указанных подходов и обосновывает свою точку зрения, согласно которой присвоение чужого имущества в виртуальном мире должно рассматриваться как нарушение интеллектуальных прав владельца платформы или иного пользователя. При наличии необходимых квалификационных признаков такое завладение должно квалифицироваться как преступление против интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: метавселенные, виртуальные миры, интеллектуальная собственность, авторские права, завладение имуществом

Для цитирования: Титов С. Н. Квалификация завладения чужим имуществом в виртуальных мирах // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 128–143. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.128-143.

Original article

Qualification of Taking Possession of Someone Else's Property in Virtual Worlds

Sergey N. Titov

*Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk,
Russian Federation*

s.n.titov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the criminal-legal assessment of the seizure of objects in metaverses. The author characterizes metaverses as one of the most promising areas of development of modern information and telecommunication technologies. Metaverses are fictional worlds with a multi-million audience and their own economy. It is not surprising that violations of rights, primarily economic ones, are becoming increasingly widespread in them. Violations of rights to other people's objects in metaverses are registered all over the world. This practice is also widespread in the Russian Federation.

Methods. The problem of taking possession of objects in metauniverses is investigated by the author on the basis of the general dialectical method of cognition using general theoretical methods (analysis, synthesis, deduction, induction, logical, systemic) and specific scientific methods (formal-logical, legal analysis).

Results. There are several possible approaches to the qualification of seizure of someone else's property in the virtual world. The first is a complete refusal to regulate such relations by the state. Some experts recognize the need to regulate these relations, but believe that the current criminal law does not contain suitable provisions. There is an opinion that virtual objects can be recognized as the subject of theft. Also in practice, there is a qualification of the described acts as unauthorized access to computer information.

Discussion and Conclusion. The author expresses his opinion on the advantages and disadvantages of the above approaches and substantiates his point of view that the appropriation of someone else's property in the virtual world should be considered as a violation of the intellectual rights of the platform owner or another user. If the necessary qualifying features are present, such appropriation should be qualified as a crime against intellectual property.

Keywords: metaverses, virtual worlds, intellectual property, copyright, property seizure

For citation: Titov, S. N. Qualification of taking possession of someone else's property in virtual worlds. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):128-143. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.128-143.

Введение

По данным ООН, сегодня на Земле проживает 8,1 млрд человек¹. Согласно исследованию компании GSMA Intelligence 69,4% из них используют мобильные устройства. Более 66% всех жителей нашей планеты пользуются интернетом, общее число интернет-пользователей в мире составляет 5,35 млрд².

Компания по исследованию аудитории GWI объявила, что среднестатистический интернет-пользователь в 2024 г. проводил онлайн 6 часов и 40 минут каждый день. Это почти на 1% больше по сравнению с прошлым годом. Россияне совсем немного отстают от лидеров рейтинга: в 2024 г. житель России проводил в интернете в среднем 8 часов 21 минуту в день³.

Неудивительно поэтому, что в сети все более распространяется преступность. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходится около четверти (25,8 %) всех зарегистрированных преступлений⁴.

На эту острую проблему обратил внимание Президент России, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г., отметив, что за последние 6 лет число преступлений в сфере информационных технологий возросло более чем в 10 раз⁵. На расширенном заседании коллегии ведомства по итогам 2022 г. Президент также назвал борьбу с преступлениями с использованием информационных технологий одним из безусловных приоритетов работы МВД России⁶, а по итогам

¹ World Population Dashboard. Сайт Фонда ООН в области народонаселения. URL: <https://www.unfpa.org/data/world-population-dashboard> (дата обращения: 18.01.2025).

² Статистика интернета и соцсетей на 2024 год – цифры и тренды в мире и в России // web-canape.ru : [сайт]. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 17.01.2025).

³ Статистика интернета и соцсетей на 2024 год – цифры и тренды в мире и в России.

⁴ Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 года // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 27.07.2024).

⁵ Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Портал Президента Российской Федерации. 03.03.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 27.07.2024).

⁶ Президент принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Портал Президента Российской Федера-

2023 г. указал, что число таких преступлений вновь возросло на 30%, их совершено порядка 680 тыс., а ущерб превысил 156 млрд руб. Президент отметил, что нужно серьезно совершенствовать механизмы борьбы с правонарушениями в этой сфере, работать на опережение⁷.

Относительно новым направлением развития информационных технологий является появление так называемых *метавселенных*. Термин *metaverse* (метавселенная) образован от лат. *metā* – «следующее», «за», «после», «через» и др. и англ. *universe* – «вселенная»⁸. Впервые попытка описать метавселенную предпринята в романе Нила Стивенсона «Лавина» 1992 г. Эта идея получила распространение в различных жанрах культуры.

В произведениях литературы и кино социальные основания распространения метавселенных различны. У Стивенсона они предстают средством «убежать от мрачной реальности». В 1999 году вышел в свет фильм братьев Вачовски «Матрица»: здесь люди погружаются в виртуальный мир уже не добровольно, их подключают к нему господствующие в реальном мире машины. В 2010-х годах концепция метавселенной получила подробное описание в книгах русского писателя Виктора Пелевина, где виртуальный мир является местом вечной жизни наиболее состоятельных людей планеты.

В настоящее время характеристики метавселенных, их задачи и перспективы развития являются дискуссионными. Не существует и общепринятого определения термина «метавселенная». Последнюю определяют как слияние физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве⁹; масштабируемую и совместимую сеть трехмерных виртуальных миров и сред, визуализируемых в реальном времени, которые могут синхронно и постоянно восприниматься фактически неограниченным числом пользователей с индивидуальным чувством присутствия и с непрерывностью данных, таких как идентификация, история, права, объекты, коммуникации и платежи¹⁰. Одно из

ции. 20.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 27.07.2024).

⁷ Президент принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Портал Президента Российской Федерации. 02.04.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 16.08.2024).

⁸ WorldSense English dictionary. Metaverse. URL: <https://www.wordsense.eu/metaverse/> (дата обращения: 18.01.2025).

⁹ Newton C. Mark in the metaverse. Facebook's CEO on why the social network is becoming "a metaverse company". URL: <https://www.theverge.com/22588022/mark-zuckerberg-facebook-ceo-metaverse-interview> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁰ Ball M. Framework for the Metaverse // The Metaverse Primer. Jun 29, 2021. URL: <https://www.matthewball.co/all/forwardtothemetaverseprimer> (дата обращения: 25.12.2024).

определений – это среда виртуальной реальности, в которой пользователи взаимодействуют с аватарами друг друга¹¹.

В 1980-е годы в отечественной философии появилось направление, получившее название «виртуалистика». В соответствии с ним неверно понимать виртуальность как нереальность (возможность, иллюзорность, потенциальность, воображение и т. п.), виртуальность есть другая реальность. В виртуалистике полагается существование двух типов реальности – виртуальной и константной, каждая из которых одинаково реальна [1, с. 1].

В силу того, что оценка виртуальной реальности в философии и науке осуществляется на таком высоком уровне обобщений, следует точно определить предмет исследования в настоящей статье. В связи с этим в статье нами предлагается считать «виртуальные миры» и «метавселенные» синонимичными понятиями, означающими вымышленные пространства, существующие благодаря функционированию компьютерных программ.

Современные виртуальные миры развились из ролевых игр. Прототипы современных массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр были созданы в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В 1990-х годах начали формироваться современные принципы многопользовательских ролевых онлайн-игр, включавшие социальный интерактивный компонент в реальном времени [2, с. 117].

На сегодняшний день функционируют десятки метавселенных: Second Life, Horizon, the Sandbox, Axie, Fortnite, Earth 2, Decentraland, Wave, Altspace VR, Roblox, Somnium Space, Cryptovoxels и многие другие. Их статистика впечатляет: совокупное число активных пользователей составляет в настоящее время 400 млн человек в месяц. Это приблизительно население США и Великобритании вместе взятых¹². По оценкам, к 2030 г. объем мирового рынка метавселенных достигнет 1,5 трлн долл. Только в январе 2023 г. Google зарегистрировала в среднем 1,9 млн поисковых запросов по всему миру по термину «метавселенная»¹³.

¹¹ В 2022 году Оксфордским словарем слово «метавселенная» было признано вторым словом года, что ярко показывает распространенность термина и актуальность обсуждения самого явления. См.: Оксфордский словарь опубликовал слово года // Годлитературы.рф : [сайт]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/12/06/oksfordskij-slovar-opublikoval-slovo-goda> (дата обращения: 25.12.2024).

¹² The Metaverse Reaches 400m Monthly Active Users // Metaversed : [website]. URL: <https://www.metaversed.consulting/blog/the-metaverse-reaches-400m-active-users> (дата обращения: 18.01.2025).

¹³ Статистика Метавселенной 2023: все факты и цифры, которые вам нужно знать // Bybit : [сайт]. URL: <https://learn.bybit.com/ru/metaverse/metaverse-statistics/> (дата обращения: 18.01.2025).

Значительное число пользователей метавселенных – россияне. Например, ежемесячная российская аудитория Minecraft составляет 20 млн человек, Roblox – 8,5 млн человек, Fortnite – 3 млн человек¹⁴.

В метавселенных используется множество разнообразных технологий: иммерсивные технологии, 5G, блокчейн, ИИ, облачные технологии, интернет вещей. Это позволяет реализовывать в виртуальных мирах масштабные проекты. Например, правительство Сеула запустило новый амбициозный проект под названием Metaverse Seoul, направленный на предоставление гражданам виртуального доступа к широкому спектру городских услуг¹⁵.

Распространяются и отечественные разработки в области метавселенных. В частности, в середине мая 2024 г. МТС объявила о запуске своей метавселенной Verse. Как сообщает пресс-служба телеком-оператора, игровое 3D-пространство предполагает новый формат взаимодействия пользователей с продуктами цифровой экосистемы МТС¹⁶. ВТБ тестирует собственную метавселенную – трехмерное интерактивное пространство для виртуального взаимодействия пользователей. Проект обладает потенциалом для реализации нового формата предоставления услуг, в том числе открытия банковских киберофисов. Об этом банк сообщил 17 апреля 2024 г.¹⁷

Экспертами прогнозируется дальнейший рост аудитории метавселенных до полумиллиарда к 2040 г.¹⁸

Как свидетельствуют специалисты, первые виртуальные миры создавались частными игровыми компаниями для своих подписчиков и полностью контролировались дизайнерами посредством всеохватывающих лицензионных соглашений с конечными пользователями. По мере возникновения новых ролевых онлайн-игр некоторые из таких лицензионных соглашений перестали быть всеохватывающими, а игроки получают

¹⁴ Целевая аудитория метавселенных: кто в них сидит? // SBlogs : [сайт]. 24.03.2024. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/269127/44906> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁵ Seoul opens city's Metaverse Seoul project to the public // Forbesindia : [website]. URL: <https://www.forbesindia.com/article/cryptocurrency/seoul-opens-citys-metaverse-seoul-project-to-the-public/82637/1> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁶ 2024: Запуск метавселенной // Tadvizer : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%9C%D0%A2%D0%A1_Verse (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁷ 2024: Тестирование метавселенной // Tadvizer : [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%92%D0%A2%D0%91:_%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁸ Анализ развития трендов НКИТ в 2022–2023 годах. Брошюра 3 / Фонд развития интернет-инициатив. С. 19. URL: <https://www.iidf.ru/>.

больший объем прав, чем ранее, что порождает ряд чрезвычайно интересных проблем, относящихся как к праву интеллектуальной собственности, так и к иным правовым институтам [2, с. 117].

Неудивительно, что многие государства обращают внимание на эти проблемы. В частности, стратегический подход к развитию метавселенных демонстрирует Китай. Власти этой страны анонсировали создание стандарта метавселенных и дорожную карту по их развитию¹⁹.

Президент России В. В. Путин отметил, что в настоящее время речь должна идти об обеспечении кибербезопасности не только самого человека, но и его виртуального двойника – аватара, который будет находиться внутри формирующихся сейчас метавселенных. Это вызов для юристов, которым предстоит разработать нормы регулирования экономических и общественных отношений в принципиально новом мире²⁰.

С повышением популярности виртуальных миров вокруг них стали складываться экономические отношения. В виртуальных играх персонажи имеют возможность совершенствоваться, приобретая определенные свойства, способности или даже виртуальные предметы за деньги. Стоимость отдельных внутриигровых объектов²¹ (элементов экипировки героя, модели танка и т. п.) может варьироваться от нескольких сотен рублей до десятков тысяч долларов США [3, с. 129]. Возможны сделки как с отдельными виртуальными предметами, так и с аккаунтами. Существует множество так называемых бирж, посредством которых игроки совершают сделки друг с другом. Объявления содержат цены от нескольких рублей до сотен тысяч²². Создатели метавселенных предусматривают специальные сервисы, которые позволяют приобретать и продавать объекты внутри метавселенных²³.

¹⁹ Китай берет контроль над метавселенной: стандартизация или цензура? // SecurityLab : [сайт]. 19.09.2023. URL: <https://www.securitylab.ru/news/541937.php> (дата обращения: 18.01.2025).

²⁰ Путин В. В. Выступление на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта». 12.11.2021. URL: <https://aij.ru/archive?albumId=4&topic=NaN&videoId=213> (дата обращения: 02.01.2025).

²¹ В СМИ публикуют рейтинги самых дорогих игровых предметов: Топ 10 Самые дорогие виртуальные игровые предметы в мире // Дзен : [сайт]. 21.12.2017. URL: <https://dzen.ru/a/WjvYW4MJBQuPVoRN> (дата обращения: 18.01.2025); *Сотскова М.* Шесть миллионов за воздух. Безумно дорогие покупки в играх – за реальные деньги // цифровойокеан.рф : [сайт]. 25.08.2021. URL: <https://digitalocean.ru/n/velikolepnaya-shesterka> (дата обращения: 18.05.2025).

²² См., например: <https://funpay.com/>; <https://steamcommunity.com/>.

²³ *Silberling A.* Meta's Horizon Worlds is testing in-app purchases and creator bonuses // techcrunch.com : [website]. 11.04.2022. URL: <https://techcrunch.com/2022/04/11/meta-horizon-worlds-creator-monetization-in-app-purchases/?guccounter=1> (дата обращения: 18.01.2025). С 21 марта 2022 г. компания Meta официально запрещена на территории России.

Зачастую для получения аватаром новых способностей требуется провести много времени за игрой. В связи с этим существует целая категория людей («фермеров»), как правило молодых студентов, которые проводят в виртуальной среде по 12–14 часов в день, а затем продают полученные предметы или аватары целиком²⁴.

Часто в метавселенных имеется и собственная валюта. Так, Second Life образует свою собственную виртуальную экономику, использующую для расчетов виртуальную валюту Линден Доллар²⁵.

Распространены в виртуальных мирах и сделки с недвижимостью, а также деятельность риелторских фирм. Еще в 2006 г. стало известно, что созданная игроком Анши Чанг компания по торговле внутриигровой недвижимостью принесла ее владелице капитал, эквивалентный реальному миллиону долларов²⁶.

Сейчас уже никому не кажется нелепым приобретать виртуальную недвижимость вместо реальной. Дело в том, что объемы виртуальной недвижимости неограничены, ее обладатель получает определенные права, например, на строительство, добычу полезных ископаемых, перепродажу полностью или по частям и т. д., что делает покупку таких объектов выгодной инвестицией. Известны и рекордные покупки такого рода. Например, инвестиционная компания Curzio Research приобрела 19 объектов коммерческой недвижимости в метавселенной TCG World за 5 млн долл.²⁷

Из-за роста аудитории и возможностей метавселенных становится актуальной проблема преступности с использованием аватаров. С начала 2020-х гг. в средствах массовой информации прошла серия сообщений об изнасиловании женщин в виртуальном мире²⁸. 1 января 2024 г.

²⁴ Wu S. Virtual Goods: the next big business model // techcrunch.com : [website]. URL: <https://techcrunch.com/2007/06/20/virtual-goods-the-next-big-business-model/> (дата обращения: 18.01.2025).

²⁵ Second Life. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Second_Life (дата обращения: 18.01.2025).

²⁶ «Вторая жизнь» приносит миллионы // cnews.ru : [сайт]. 01.12.2006. URL: https://www.cnews.ru/news/line/vtoraya_zhizn_prinosit_millions (дата обращения: 18.05.2025).

²⁷ Снуп Догг в соседях и дом на Марсе. 8 самых дорогих сделок с недвижимостью в метавселенных // incruussia.ru : [сайт]. 16.08.2022. URL: <https://incruussia.ru/switch/metaverse-lands/> (дата обращения: 18.01.2025).

²⁸ Metaverse: another cesspool of toxic content. URL: https://www.sumofus.org/images/Metaverse_report_May_2022.pdf; Мамиконян О. Исследовательница рассказала об изнасиловании ее аватара в метавселенной // Forbes : [сайт]. 30.05.2022. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/467175-issledovatel-nica-rasskazala-ob-iznasilovanii-ee-avatara-v-metavselennoj> (дата обращения: 18.01.2025); Ломоносов А. Американка заявила, что ее изнасиловали в метавселенной // газета.ru : [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/02/02/17228203.shtml> (дата обращения: 18.01.2025).

британское издательство Daily Mail сообщило, что полиция расследует первый случай изнасилования в метавселенной после того, как ребенок подвергся «нападению» в видеоигре виртуальной реальности²⁹.

Все большее распространение получают экономические преступления в виртуальном мире. В научной литературе указывается, что в Китае сейчас наблюдается высокая статистика преступлений с виртуальной валютой. Разработаны даже специальные инструкции по расследованию таких дел. В Тайване расследованы уже сотни дел о краже виртуальной собственности. В Южной Корее ежегодно регистрируются десятки тысяч заявлений по поводу кражи объектов виртуальной собственности [3, с. 139].

На постсоветском пространстве такие случаи пока довольно редки, но они есть. Сообщения о преступлениях с виртуальными предметами стали появляться здесь с 2010-х гг.

Так, в 2013 г. сотрудники белорусской милиции установили личность злоумышленника, который подозревался в хищении виртуального танка у участника компьютерной игры. В связи с тем, что школьнику 15 лет, к его родителям было применено административное наказание в виде штрафа³⁰.

Складывается судебная практика по данной категории дел и в Российской Федерации.

Так, в 2011 г. 20-летнему обвиняемому из Волгодонска было предъявлено обвинение по уголовному делу за кражу виртуальных персонажей у другого гражданина России в популярной ролевой онлайн-игре Lineage 2. Уголовное дело было возбуждено по ст. 272 УК РФ³¹.

В целом обстоятельства таких дел можно разделить на три группы.

К первой группе относятся деяния, в ходе которых человек в реальном мире с помощью незаконных действий склоняет другого человека к передаче виртуального имущества.

В литературе описывается следующий пример из практики.

15 октября 2016 г. в Красноярске два участника турнира по игре в Counter-Strike заманили потерпевшего в машину, применили к нему насилие, угрожали

---

²⁹ Camber R. British police probe VIRTUAL rape in metaverse: Young girl's digital persona 'is sexually attacked by gang of adult men in immersive video game' – sparking first investigation of its kind and questions about extent current laws apply in online world // dailymail : [website]. 01.01.2024. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12917329/Police-launch-investigation-kind-virtual-rape-metaverse.html> (дата обращения: 18.01.2025).

³⁰ Белорусская милиция нашла угнанный виртуальный танк // Интерфакс : [сайт]. 06.05.2013. URL: <https://www.interfax.ru/world/305208> (дата обращения: 18.02.2025).

³¹ Российский хакер украл персонажа компьютерной игры // Аргументы и факты : [сайт]. 10.10.2011. URL: <https://aif.ru/incidents/265409> (дата обращения: 18.02.2025).

пистолетом и требовали передать в их распоряжение инвентарь для виртуальных героев. Потерпевший с помощью приложения на телефоне передал им «Керамбит-Градиент» стоимостью 20 000 руб. и «Складной нож – Градиент» стоимостью 9000 руб. Было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 162 УК РФ, но оно было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. В постановлении было указано, что «виртуальные предметы не являются имуществом, так как не являются объектом материального мира, в связи с чем отсутствует предмет преступного посягательства [4, с. 50].

Ко второй группе деяний можно отнести неправомерное завладение чужим аккаунтом на той или иной платформе.

Примером может служить уголовное дело 2020 г., фигурант которого Д. четыре раза входил в аккаунт потерпевшего в игре World of Tanks и использовал возможности этого аккаунта. Далматовским районным судом Курганской области Д. признан виновным в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации³².

К третьей группе деяний относятся действия виновного, связанные с неправомерным использованием объектов в виртуальном мире, когда виновный находится в своем аккаунте. Можно привести следующий пример.

Виновный наделил своего персонажа в игре King of kings 3 возможностью создавать внутриигровые предметы. Он создавал и продавал за реальные денежные средства иным участникам внутриигровые предметы: «фиолетовый осколок камня», «кованую сталь пятого уровня» и т. д. Хорошевский районный суд г. Москвы признал, что виновный причинил имущественный ущерб, равный стоимости созданных виртуальных объектов, и квалифицировал деяние по ч. 2 ст. 146, ч. 2 ст. 272 УК РФ³³.

Между тем констатируем, что теория и практика привлечения к уголовной ответственности за подобные деяния находятся на этапе становления и научного осмысления.

Обзор доктрины и практики правоприменения по данному вопросу позволяет выделить пять возможных подходов к оценке завладения чужим имуществом в виртуальном мире.

³² Приговор Долматовского районного суда Курганской области от 20 апреля 2020 г. по делу № 1-40/2020. Другие примеры: постановление Калининского районного суда г. Новосибирска от 14 мая 2015 г. по делу № 1-260/2015; апелляционное постановление Нижегородского городского суда от 22 марта 2018 г. по делу № 22-1216/2018; приговор Одинцовского городского суда Московской области от 23 мая 2014 г. по делу № 1-394/2014; апелляционное постановление Костромского областного суда от 24 декабря 2019 г. по делу № 22-1154/2019. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³³ Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 17 июня 2014 г. по делу № 1-260/2014. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Согласно *первому подходу* нормы закона не должны регулировать отношения в виртуальном мире. Нужно разделять реальность и виртуальный мир. Все, что происходит в метавселенной, по большому счету представляет собой игру, окружено так называемым «магическим кругом» и не является настолько серьезным, чтобы выступать предметом правового регулирования.

Проявлением такой позиции является пример из практики, рассмотренный выше, когда участники турнира по игре Counter-Strike под угрозой насилия заставили человека передать им предметы оснащения персонажей этой игры.

Представляется, что такой подход не должен быть приоритетным. Несмотря на то что речь идет о виртуальных, вымышленных предметах, описываемые деяния могут иметь последствия в реальном мире. Виртуальная валюта конвертируется в рубли, виртуальные предметы покупаются за реальные деньги. Поэтому в определенных случаях государство, несомненно, должно реагировать на нарушение прав граждан в многопользовательских играх.

Второй подход заключается в том, что завладение чужим имуществом в виртуальном мире при определенных условиях имеет признак общественной опасности и должно караться по закону. Однако в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации в этой части имеет пробел.

Такой позиции придерживаются, например, авторы законопроекта, согласно которому в Уголовном кодексе должна появиться специальная норма о краже виртуальных активов. Нужно это для того, чтобы без достаточных оснований не плодить уголовно-правовые нормы и не допустить казуистичности уголовного закона³⁴.

Представляется, что такой подход имеет право на существование, но все же хотелось бы оценить возможность квалификации описываемых деяний по действующим нормам уголовного закона.

Третий подход заключается в квалификации описываемых деяний как неправомерного доступа к компьютерной информации. Такая позиция имеет под собой основания. Во-первых, виртуальные объекты можно признать компьютерной информацией. Во-вторых, виновный в большинстве случаев нелегально получает доступ к аккаунтам иных пользователей. В-третьих, такая квалификация встречается в правоприменительной практике [5, с. 103].

Однако такой подход вызывает возражения. Первое: объектом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, являются общественные от-

³⁴ В РФ введут уголовное наказание за кражу предметов в компьютерных играх // Российская газета : [сайт]. 2019. 16 сент. URL: <https://rg.ru/2019/09/16/v-rf-vvedut-ugolovnoe-nakazanie-za-krazhu-predmetov-v-kompiuternyh-igrah.html?ysclid=m626i1pq7y269133340> (дата обращения: 18.02.2025).

ношения, обеспечивающие правомерный доступ, создание, хранение, модификацию, использование компьютерной информации. Однако виртуальные объекты, как показано выше, обладают самостоятельной ценностью и участвуют в реальном рыночном обороте. Потеря таких объектов наносит имущественный вред владельцу. В связи с этим квалификация такого деяния по ст. 272 УК РФ не отражает основной сущности деяния.

Права специалисты, которые сравнивают это с квалификацией кражи с проникновением в жилище [6, с. 104]. В таком преступлении отношения по поводу неприкосновенности жилища не могут рассматриваться как основной объект. Так и отношения, связанные с правомерным доступом к информации, не могут быть основным объектом присвоения виртуального имущества.

Второе: объекты в виртуальном мире могут быть присвоены и без неправомерного доступа к компьютерной информации. Примером может быть упомянутый выше случай с участниками турнира по игре Counter-Strike, когда потерпевший сам передал виновным виртуальные предметы.

Четвертый подход заключается в том, что предметы виртуального мира могут быть признаны предметом хищения. Такой вывод делается исходя из того, что подобные виртуальные ценности обладают реальной экономической стоимостью и вполне ликвидны.

В данном вопросе можно сослаться на опыт ряда восточно-азиатских государств (Китая, Южной Кореи, Тайваня), где виртуальные объекты рассматриваются как реальная собственность и преступные посягательства на такое виртуальное имущество оцениваются по правилам квалификации преступлений против собственности (как кража, мошенничество, вымогательство) [7, с. 72].

Между тем виртуальные объекты не имеют материальной основы и не поименованы в гражданском законодательстве [8, с. 131]. В этой части уголовное право зависит от положений цивилистики. Сложился устойчивый формат соотношения регулятивных отраслей права и уголовного права. Последнее не создает правоотношений, а лишь принимает под охрану уже существующие правоотношения в том виде и объеме, в котором они существуют в иных отраслях. Верно в этой связи указание, что невозможно украсть то, что не принадлежит потерпевшему [3, с. 139].

В связи с этим стоит обратить внимание на то, что отношения участников многопользовательских игр регулируются правилами, разработанными создателями таких игр. Сама метавселенная и предметы в ней являются объектами интеллектуальной собственности. Каждый участник при регистрации своего аккаунта подписывает соглашение, принимая правила использования этих объектов.

Исследования показывают, что среднее число документов, в которых содержатся условия участия в игре, составляет 3,6, хотя некоторые миры

имеют 9 (EVE Online), 10 (World of Warcraft) и большее число источников существенной информации (Dark Age of Camelot) [9].

Примерами таких документов могут служить «Условия обслуживания Linden Lab (Terms of Service)», раздел 2³⁵; «Правила и условия Second Life (Second Life Terms and Conditions)», раздел 1³⁶; «Политика в отношении снимков и машинимы (Snapshot and Machinima Policy)»³⁷. Схема использования интеллектуальных прав следующая. В ней присутствуют три субъекта: владелец сервиса, пользователь, иные пользователи. Существует два вида контента: контент Сервиса и Пользовательский контент. Контент Сервиса принадлежит владельцу Сервиса, пользователям предоставляется на него весьма ограниченная лицензия. В отношении Пользовательского контента владелец Сервиса получает практически неограниченную лицензию. Что касается прав на Пользовательский контент иных пользователей, возможны два варианта. Если контент расположен в общедоступном месте, все иные пользователи получают на него ограниченную лицензию. Если контент располагается в недоступном, закрытом месте, пользователи не получают на него прав.

Таким образом, злоумышленник, заведая виртуальным имуществом, нарушает интеллектуальные права, принадлежащие либо создателю платформы, либо иному пользователю, т. е. нарушает ст. 1229 ГК РФ, что при наличии крупного размера может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 146 УК РФ.

При совершении таких преступлений возможен и неправомерный доступ к компьютерной информации. Однако вопрос о квалификации незаконных действий в отношении интеллектуальной собственности, сопряженных с преступлениями в сфере компьютерной информации, решен в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”»³⁸ следующим образом. Пленум рекомендует в данном случае осуществлять квалификацию по совокупности преступлений.

³⁵ Условия предоставления услуг Linden Lab (Terms of Service). URL: <https://lindenlab.com/tos#section3> (дата обращения: 05.01.2025).

³⁶ Правила и условия Second Life. Second Life Terms and Conditions. URL: <https://secondlife.com/app/tos/tos.php> (дата обращения: 05.01.2025).

³⁷ Политика в отношении снимков и машинимы. Snapshot and Machinima Policy. URL: https://wiki.secondlife.com/wiki/Linden_Lab_Official:Snapshot_and_machinima_policy (дата обращения: 05.01.2025).

³⁸ Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2022 (дата обращения: 17.08.2024).

Представляется, что квалификация завладения чужим виртуальным имуществом как преступлений против интеллектуальной собственности обладает целым рядом достоинств:

1) снимает межотраслевой разрыв в подходе к таким деяниям, поскольку отношения пользователей метавселенных являются отношениями по использованию объектов интеллектуальной собственности;

2) соответствует характеру описываемых общественно опасных деяний;

3) не требует включения в уголовный закон новой категории преступных деяний;

4) позволяет учесть особенности функционирования различных многопользовательских игр для исключения избыточной криминализации. В настоящее время существуют компьютерные игры, в которых виртуальное воровство (хищение ценных предметов) вполне допустимо (Ultima Online). Игрок может беспрепятственно завладеть ценными предметами менее опытного игрока и тем самым совершить хищение. Правилами такой игры разрешено совершать подобные хищения и противоправным образом завладевать ценными предметами иных игроков, хотя эти предметы некогда приобретались ими за реальные деньги. Представляется, что при совершении таких действий права участников не нарушаются и преступление отсутствует. Оценка отношений внутри игры как отношений интеллектуальной собственности позволяет учесть такие особенности. Если же мы признаем виртуальные объекты имуществом, учитывать такие особенности будет сложнее.

С учетом изложенного квалификация завладения имуществом в виртуальном мире как преступления против интеллектуальной собственности представляется на сегодняшний день наиболее обоснованной.

Список источников

1. Носов Н. А. Манифест виртуалистики. М. : Путь, 2001. 17 с.
2. Дюранске Б. Т., Кейн Ш. Ф. Виртуальные миры, реальные проблемы // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 115–134.
3. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127–150.
4. Хромов Е. В., Зябликов В. Ю. Хищение бестелесного имущества // Уголовное право. 2024. № 8. С. 46–67. DOI: 10.52390/20715870_2024_8_46.
5. Воропаев С. А., Выгузова Е. В. Общественные отношения в сфере массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 101–104.

6. Кучина Я. О. Основные проблемы в доктринальном подходе к криминализации преступлений в цифровом пространстве // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 4. Правоведение. 2019. Т. 9, № 3. С. 101–109.
7. Хилjuta В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 5. С. 68–82. DOI: 10.12737/jrl.2021.061.
8. Барчуков В. К. Предмет мошенничества в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2016. № 5. С. 130–132.
9. Батурин Ю. М., Полубинская С. В. Что делает виртуальные преступления реальными // CYBERPSY : [сайт]. 08.10.2021. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/virtualnye-prestupleniya/> (дата обращения: 18.02.2025).

References

1. Nosov, N. A. [*Manifesto of virtualistics*]. M. : Put'; 2001. 17 p. (In Russ.)
2. Duranske, B. T., Kane, Sh. F. [Virtual worlds, real problems]. *Pravovedenie* = [*Jurisprudence*]. 2013;(2):115-134. (In Russ.)
3. Saveliev, A. I. [Legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games]. *Vestnik grazhdanskogo prava* = [*Bulletin of Civil Law*]. 2014;14(1):127-150. (In Russ.)
4. Khromov, E. V., Zyablikov, V. Yu. [Theft of incorporeal property]. *Ugolovnoe pravo* = [*Criminal Law*]. 2024;(8):46-67. (In Russ.)
5. Voropaev, S. A., Vygzova, E. V. [Public relations in the sphere of massively multiplayer online role-playing games as an object of criminal law protection]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* = [*Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*]. 2019;(4):101-104. (In Russ.)
6. Kuchina, Ya. O. [Main problems in the doctrinal approach to the criminalization of crimes in the digital space]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Ser. 4. Pravovedenie* = [*Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*]. 2019;9(3):101-109. (In Russ.)
7. Khilyuta, V. V. Dematerialization of the subject of theft and the issues of qualification of encroachments on virtual property. *Journal of Russian Law*. 2021;25(5):68-82. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2021.061.
8. Barchukov, V. K. Subject of fraud in the sphere of computer information. *Biznes v zakone* = [*Business in Law*]. 2016;(5):130-132. (In Russ.)
9. Baturin, Yu. M., Polubinskaya, S. V. [What makes virtual crimes real]. *CYBERPSY*. [Website]. 10.08.2021. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/virtualnye-prestupleniya/> (Accessed: 18.02.2025). (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Титов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебно-методической работе, доцент кафедры права Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (Российская Федерация, 432071, Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5).

Sergey N. Titov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Associate Professor at the Law Department, Ulyanovsk State University of Education (Russian Federation, 432071, Ulyanovsk, Lenin Sq., 4/5).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 03.04.2025.

Научная статья

УДК 349.412, 349.415

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.144-156

Мошенничество с земельными участками

Владислав Юрьевич Арзамасов

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
arzamasov.vladislav@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-6978-4142>*

Аннотация

Введение. Сущность данной работы заключается в определении динамики преступности, связанной с различными видами мошенничества с земельными участками, и реализации норм ответственности уголовного характера.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой исследования послужили научные работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам мошенничества с земельными участками. Данные исследования обобщают значительный массив данных судебной практики и статистики, помогая в формулировании предложений по развитию и совершенствованию уголовной ответственности, а также профилактических мер для пресечения развития преступности, связанной с мошенничеством с земельными участками.

Проведен криминологический анализ судебной практики и статистики, действия институтов уголовной ответственности, приведенный в статистической таблице.

Результаты исследования. В ходе работы определены динамика преступности, связанной с видами мошенничества с земельными участками, и природа этих преступлений, названы проблемы в осуществлении превентивных мер и намечены пути их решения.

Обсуждение и заключение. Комплексный подход к анализу и оценке законодательной деятельности, включающий как внешний, так и внутренний мониторинг, а также криминологическую и антикоррупционную экспертизу, станет мощным инструментом в руках государства для обеспечения эффективности, актуальности и надежности правового поля. Объединяя усилия государственных органов и независимых экспертов, в свете углубления правовых проблем, связанных с мошенничеством с земельными участками, важное значение приобретает усиление нормативной базы. Принятие новых законов и поправок к действующему законодательству, направленных на закрытие лазеек для мошенничества в сфере недвижимости и ужесточение наказаний для нарушителей, является собой основной инструмент в борьбе с такого рода преступлениями.

Ключевые слова: криминологический анализ, мошенничество, мошенничество с земельными участками, профилактические меры, земельное право

Для цитирования: Арзамасов В. Ю. Мошенничество с земельными участками // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 144–156. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.144-156.

Original article

Fraud with Land Plots

Vladislav Yu. Arzamasov

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
arzamasov.vladislav@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-6978-4142>*

Abstract

Introduction. The essence of this work is to determine the dynamics of crime related to various types of land fraud and the implementation of criminal liability standards.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was the scientific works of domestic and foreign authors devoted to issues of land fraud. These studies summarize a significant array of judicial practice and statistics, helping to formulate proposals for the development and improvement of criminal liability, as well as preventive measures to suppress the development of crime related to land fraud.

A criminological analysis of judicial practice and statistics, the actions of criminal liability institutions were carried out, for which the statistical table was compiled.

Results. In the course of the work, the dynamics of crime related to types of land fraud and the nature of these crimes were determined, problems in the implementation of preventive measures were named and ways to solve them were outlined.

Discussion and Conclusion. A comprehensive approach to the analysis and assessment of legislative activity, including both external and internal monitoring, as well as criminological and anti-corruption expertise, will become a powerful tool in the hands of the state to ensure the effectiveness, relevance and reliability of the legal field. By combining the efforts of government agencies and independent experts, in light of the deepening legal problems associated with land fraud, strengthening the regulatory framework is of great importance. The adoption of new laws and amendments to current legislation aimed at closing loopholes for real estate fraud and toughening penalties for violators is the main tool in the fight against such crimes.

Keywords: criminological analysis, fraud, land fraud, preventive measures, land law

For citation: Arzamasov, V. Yu. Fraud with land plots. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):144-156. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.144-156.

В современных условиях развития государства и права столь же стремительно формируется и преступность, постепенно проникая во многие общественные отношения. Земельные участки как один из самых востребованных и ценных активов привлекают внимание не только инвесторов и частных покупателей, но и мошенников. Схемы обмана в сфере земельных отношений становятся все более изощренными, что требует повышенной бдительности от потенциальных покупателей и арендаторов земельных участков. Уголовное преследование мошенничества с земельными участками актуально как никогда, ведь последствия подоб-

ных преступлений могут оказаться крайне тяжелыми не только для отдельных граждан, но и для экономики страны в целом.

Статистика преступлений за период с января 2019 г. (257,200) по август 2024 г. (299,000)¹ демонстрирует катастрофический рост преступности, связанной с мошенничеством, поскольку показатели чуть больше чем за полгода превышают годовую статистику преступлений!

Проблема уголовно наказуемых действий в контексте земельных участков не ограничивается лишь одним типом мошенничества. Она охватывает множество видов преступлений: от подделки документов и незаконного завладения землей до создания фиктивных сделок и принуждения к отчуждению земли под давлением.

Анализ особо распространенных преступлений, связанных прямо и/или косвенно с видами мошенничества с земельными участками, представлен в следующей статистической таблице приговоров суда за период с января 2019 по август 2024 г.²:

Год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ст. 159 УК РФ	13 657	13 886	15 162	13 228	14 482	15 214
ст. 163 УК РФ	1818	1457	1502	1444	1531	12 51
ст. 170 УК РФ	0	0	0	0	0	1
ст. 170.1 УК РФ	32	40	53	78	69	76
ст. 170.2 УК РФ	1	0	1	0	2	2
ст. 179 УК РФ	17	6	9	5	6	10
ст. 285.3 УК РФ	0	1	3	6	1	5
ст. 327 УК РФ	8828	8010	9813	11 043	10 169	12 113

Как мы можем видеть, в определенных составах преступлений статистика либо остается на том же уровне, либо неустанно растет из года в год. Напрашивается соответствующий вопрос: в чем же причина такого роста преступности? Разбирательство таких дел требует от правоохранительных органов не только глубоких знаний в области земельного права, но и высочайшей точности в сборе доказательств, что делает борьбу с мошенничеством с земельными участками одной из самых сложных областей уголовного правоприменения. Это свидетельствует о многочисленных вызовах, с которыми сталкивается земельное право. Данный вид преступлений не только наносит ущерб частным и юридическим лицам,

¹ Министерство внутренних дел, статистика Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports>.

² Судебная статистика Российской Федерации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17>.

но и подрывает основы земельного законодательства, что приводит к значительным правовым проблемам.

Один из распространенных способов мошенничества – это **продажа земельного участка по поддельным документам** (ст. 170 УК РФ; ст. 170.2 УК РФ; ст. 327 УК РФ и т. д.). Мошенники используют фальсифицированные свидетельства о праве собственности или другие поддельные документы, чтобы убедить покупателя в законности сделки. Покупатели, не подозревая обмана, перечисляют деньги, после чего обнаруживают, что право на участок у них не возникло.

Другой способ – это **предложение к покупке земли, которая находится в зоне с особым статусом** (ст. 159 УК РФ; ст. 170 УК РФ и т. д.), например охраняемых природных территорий, где какой-либо коммерческой застройки быть не должно. Мошенники могут умолчать об этом статусе или заверить покупателя, что смена зонирования – лишь вопрос времени.

Среди видов мошенничества выделяется так называемое «**выманивание земельных участков**» **при соглашении об обмене**, когда одна из сторон сознательно вводит в заблуждение другую относительно реальной стоимости участка или его правового статуса, в том числе путем привлечения для этого должностных лиц, и т. д. (ст. 170.2 УК РФ; ст. 285 УК РФ; ст. 292 УК РФ).

Получила распространение криминализация действий, связанных с **незаконным захватом земель, или рейдерством** (от англ. raid «набег» или raider «налечник» [1, с. 99], также рейдерский захват, в России и странах СНГ обычно силовой³), запрещенных уголовным законодательством Российской Федерации, а именно: ст. 159 УК РФ – мошенничество; ст. 163 УК РФ – вымогательство; ст. 170 УК РФ – регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом; ст. 170.1 УК РФ – фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета; ст. 179 УК РФ – принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения; ст. 183 УК РФ – незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну; ст. 185 УК РФ – злоупотребления при эмиссии ценных бумаг; ст. 185.2 УК РФ – нарушение порядка учета прав на ценные бумаги; ст. 185.5 УК РФ – фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества; ст. 195 УК РФ – неправомерные действия при банкротстве; ст. 196 УК РФ – преднамеренное банкротство; ст. 285.3 УК РФ – внесение в единые государственные реестры недостоверных сведений; ст. 327 УК РФ – подделка, изготовление или оборот поддельных доку-

³ Ковалев В. В., Ковалев Вит. В. Корпоративные финансы и учет: понятия, алгоритмы, показатели : учеб. пособие. 3-е изд. М. : Проспект, 2015. С. 471.

ментов, государственных наград, штампов, печатей или бланков и др. К сожалению, на практике мы видим, что рейдерский захват сложно доказать из-за огромного объема необходимых материалов дела и, как следствие, истечения сроков.

Мошенничество с земельными участками представляет собой серьезную угрозу для земельного права. Решение правовых проблем, связанных с данным составом преступления, требует комплексного подхода, включающего усиление уголовной ответственности для преступников, развитие механизмов государственного контроля и повышение правовой осведомленности граждан.

Уголовная ответственность за мошенничество с земельными участками не только предполагает наказание для злоумышленников, но и выступает мерой предотвращения подобного рода преступлений.

Основными и главными мерами защиты прав собственников и покупателей земельных участков являются более четкое и в большем объеме информирование граждан и усиление контрольных мер со стороны государства, а также совершенствование законодательства в области земельного права.

Очевидно, что урегулирование проблем, связанных с мошенничеством, требует не только активных действий по их криминализации, но и введения иных, более активных мер для предотвращения и борьбы с подобными явлениями.

Земельное право представляет собой сложную и чрезвычайно важную область как для юриспруденции, так и для экономического развития государства, поскольку речь идет о владении, пользовании и распоряжении земельными участками. В последние годы углубление интеграции рыночных отношений и активизация инвестиционной деятельности привели к росту интереса к земельным ресурсам, что, в свою очередь, спровоцировало увеличение количества мошеннических схем, направленных на незаконное завладение землей.

Среди прочих правовых проблем земельное право сталкивается с необходимостью эффективной борьбы с земельным мошенничеством, что предполагает криминализацию таких действий и установление уголовной ответственности за их совершение. Характеристики и признаки земельного мошенничества могут быть многообразными, однако они объединены общими критериями – **неправомерное завладение земельными участками или выгода за счет обмана или злоупотребления доверием.**

Наиболее распространенные методы включают подделку документов, злоупотребление служебным положением, обман или принуждение в процессе покупки-продажи земли. Так, мошенники могут использовать поддельные свидетельства о праве собственности, чтобы «продать» землю, которая им не принадлежит, или же организуют фиктивные торги по продаже земельных участков, уклоняясь от выполнения обязательств после получения денежных средств от покупателей.

Борьба с мошенничеством с использованием земельных участков обостряется также многоуровневостью правовых отношений, в которых таковое совершается. Зачастую мошенники используют сложности земельного законодательства, злоупотребляя лазейками в формулировках норм права или недостатками в правоприменительной практике. Это не только затрудняет выявление преступлений, но и создает препятствия для привлечения виновных к уголовной ответственности.

Криминализация действий, связанных с земельным мошенничеством, нацелена на установление законодательных мер противодействия этим преступлениям. Уголовная ответственность за земельные мошенничества включает в себя **наказание как за сами действия, направленные на обман и злоупотребление, так и за подготовку, попытку или участие в мошеннических схемах**. Важным аспектом является тот факт, что наказание может быть применено не только к физическим, но и к юридическим лицам, вовлеченным в мошенническую деятельность.

Разнообразие видов и методик мошенничества с земельными участками требует от правоприменительных органов глубоких знаний в области земельного права, а также смежных дисциплин, таких как кадастровое дело, нотариат, гражданское право, что затрудняет и осложняет расследование данных преступлений. Это обуславливает необходимость **постоянного совершенствования законодательства, укрепления механизмов контроля и повышения квалификации специалистов, работающих в данной области**.

Особое место в данных преступлениях занимают последствия и соответствующий ущерб от земельного мошенничества, зачастую масштабные и долгосрочные, представляющие собой серьезные правовые проблемы, ущерб от которых затрагивает не только частные интересы, но и общественное благосостояние. Правовая квалификация таких деяний и уголовная ответственность за них являются важными механизмами противодействия и предотвращения. Уголовная ответственность за мошенничество с земельными участками подразумевает наличие умысла у виновного лица, направленного на незаконное завладение землей или правами на нее, что способствует не только личным, но и общественным потерям. Криминализация таких действий в уголовном законодательстве развитых стран отражает понимание масштаба проблемы и необходимости ее решения на государственном и межведомственном уровнях.

Последствия и ущерб от земельных мошенничеств могут быть разнообразны и затрагивать различные аспекты как экономической, так и социальной жизни. Наиболее очевидным является непосредственный финансовый ущерб для лиц, потерявших свои деньги или имущество в результате мошенничества. Однако в целом **последствия гораздо шире: они подрывают доверие к рыночным отношениям, дестабилизируют**

ют земельный рынок, влияют на инвестиционный климат региона и способствуют усугублению правовой неопределенности в области земельных отношений. Кроме того, земельные мошенничества часто ведут к незаконной застройке, что вызывает нарушение планов развития территорий, ухудшение экологической обстановки и снижение качества жизни населения. Незаконное использование земель может привести к деградации участков, потере их сельскохозяйственной и рекреационной ценности, что в долгосрочной перспективе наносит ущерб экономике страны.

Правовые проблемы, связанные с мошенничеством в сфере земельных отношений, требуют комплексного подхода к решению: как уголовного преследования виновных, так и **совершенствования законодательства, укрепления института собственности, повышения правовой грамотности граждан и создания эффективных механизмов государственного контроля за оборотом земель.** Только комплекс мер, направленных на предотвращение земельных мошенничеств и строгую уголовную ответственность за их совершение, может обеспечить надежную защиту прав и законных интересов граждан и государства в данной важной области.

Какие же правовые защитные меры от мошенничества с земельными участками сегодня являются особо актуальными?

Ключевая роль в борьбе с мошенническими схемами в отношении земельных участков отводится криминализации таких действий. Без четко очерченного уголовного наказания сложно говорить о действенных механизмах борьбы с данным видом преступлений. Введение строгих норм уголовной ответственности, предусматривающих значительные санкции для нарушителей, служит сдерживанию потенциальных мошенников от совершения незаконных операций с недвижимостью.

Защита прав собственности в контексте земельного права сталкивается с целым рядом правовых проблем – от недостаточной прозрачности сделок до отсутствия полной информации о юридическом статусе земельных участков. Поэтому одним из аспектов защиты является повышение правовой осведомленности граждан. Важно, чтобы каждый владелец земельного участка был знаком с основными нормами земельного законодательства, а также с реальными случаями мошенничества, чтобы научиться распознавать потенциальные угрозы.

Еще одной эффективной мерой является установление более строгого контроля за сделками купли-продажи земельных участков. Государственные регистрационные службы должны тщательно проверять все документы, представляемые для регистрации прав, чтобы минимизировать риск подделки документов или заявления недостоверной информации. Например, в странах Европы, СНГ и Америки для этого введена практика обязательной юридической проверки документов, проводимой специализированными органами или независимыми экспертами.

Кроме того, важно уделить внимание развитию и внедрению инновационных технологий в процессы регистрации и контроля за обращением земель. Применение технологий «Блокчейн»⁴ может стать одним из перспективных направлений в укреплении прозрачности и безопасности сделок, так как позволяет создать надежную систему учета данных, исключаящую возможность их подделки или несанкционированного изменения. Как отмечали А. А. Арямов и Ю. В. Грачева, «“Блокчейн” позволяет эффективно сохранять данные, но сам по себе не обеспечивает их достоверность, поскольку они самостоятельно вводятся пользователями» [2, с. 110].

До сих пор в наших современных реалиях важнейшим правовым аспектом противодействия земельным мошенничествам безусловно остается применение мер уголовного законодательства, поскольку они направлены в первую очередь на борьбу с незаконными операциями в сфере земельных отношений. Преступления, связанные с незаконным оборотом земли, являются одной из наиболее распространенных форм нарушений в этой области и подпадают под действие существующих норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за мошенничество, а, в свою очередь, земельное право закрепляет механизмы правового регулирования относительно использования и распоряжения земельными участками, а также устанавливает основания для привлечения к ответственности за совершение противоправных деяний в этой сфере.

В современной ситуации криминализация уголовного закона является одним из ведущих решений по предотвращению совершения деяний, подрывающих порядок в сфере земельных отношений, предполагает выявление и пресечение разнообразных форм земельного мошенничества.

Как отмечает К. О. Копшева, «уголовное законодательство должно совершенствоваться и соответствовать современным реалиям, но для эффективного применения УК РФ, выполнения задач, стоящих перед ним, уголовно-правовые нововведения должны отвечать принципам криминализации» [3, с. 47]. Сложно не согласиться с данным мнением, поскольку для обеспечения высокого уровня законодательной работы и повышения качества правовых актов целесообразно принимать во внимание широкий спектр оценочных и аналитических методов. Важно начать с комплексной оценки, которая включает в себя не только анализ самого содержания законодательных актов и методов их внедрения со стороны государственных институтов, но и аудит деятельности за счет внешнего и внутреннего мониторинга.

В подтверждение данных слов приведем позицию Ю. Г. Арзамасова и Я. Е. Наконечного, которые подчеркивают: «В целях своевременного выявления и предотвращения дефектов федерального и регионального законодательств, ведомственных и муниципальных нормативных правовых

⁴ Технология шифрования и хранения данных (реестра), которые распределены по множеству компьютеров, объединенных в общую сеть.

актов особое значение имеет проведение правового мониторинга, видом которого является мониторинг нормативных правовых актов» [4, с. 3].

При определении и дальнейшем установлении в качестве ключевых участников внешнего мониторинга следует выделить независимых экспертов из высших учебных заведений, исследовательских институтов, а также профессионалов, входящих в состав экспертных советов палат Федерального Собрания, поскольку именно эти лица оценивают эффективность и актуальность действующих норм. С особым вниманием необходимо относиться к проведению криминологической экспертизы, поскольку важно установить системность совершаемого деяния, что подтверждает мнение В. В. Лунеева: «Для криминализации деяния необходима его относительная распространенность, т. е. оно не должно быть разовым» [5, с. 497]. Этот процесс предполагает детальное исследование с целью выявления и анализа коррупционных рисков в правовых актах. Включение антикоррупционной экспертизы в мониторинг поможет установить коррупциогенные факторы, что существенно повысит прозрачность законодательства и доверие к нему.

Комплексный подход к анализу и оценке законодательной деятельности, включающий как внешний, так и внутренний мониторинг, а также криминологическую и антикоррупционную экспертизу, является мощным инструментом в руках государства для обеспечения эффективности, актуальности и надежности правового поля. Объединяя усилия государственных органов и независимых экспертов, можно достигнуть значительного прогресса в улучшении качества законодательства и повышении доверия к нему.

В связи с этим разделяем мнение профессора Л. В. Иногамовой-Хегай, которая утверждает: «Разработка и принятие новых уголовных законов на основе криминологического исследования состояния мер по противодействию преступлениям и с соблюдением принципов обновления уголовно-правовых норм и институтов путем их системного законодательного закрепления не только сохраняют кодифицированное уголовное законодательство, но и будут способствовать его эффективному дальнейшему развитию» [6, с. 85].

Изложенное выше позволяет признать мошенничество одной из глобальных проблем современности, данные преступные действия давно зарекомендовали себя как серьезная угроза современному обществу. Наиболее заметными примерами таких деяний являются следующие мошеннические схемы: симуляция строительства; распродажа квартир; неправильное оформление документов / подделка; фиктивные сделки с недвижимостью; продажа недвижимости с проживающим арендатором; передача прав собственности через дарение вместо процедуры купли-продажи; торговля иллюзиями вместо реальных активов или «продажа воздуха»; использование несуществующих адресов в сделках; права на недвижимость со стороны третьих лиц; многократное использование

одного и того же имущества как залога в финансовых операциях с разными участниками; схемы, основанные на принципе финансовых пирамид в жилищном секторе.

Мошеннические схемы, связанные с участками земли и другой недвижимостью, отличаются высокой степенью изощренности и профессионализма. Они трудно доказуемы и, как правило, осуществляются высокопрофессиональными специалистами, которые разбираются в нормах земельного, гражданского, налогового, уголовного и иного законодательства, а также в вопросах работы большинства государственных органов и их структурных подразделений. Именно поэтому на данный момент приоритетным остается исследование новых проявлений мошенничества, поскольку не должно иметь места «нарушение возможности позитивного воздействия новой уголовно-правовой нормы на общественно опасное деяние» [7, с. 608]. Исследование такого рода мошенничества должно проводиться в контексте распространения и применения новейших технологий, включая «Блокчейн», что подтверждается трудами ученых страны: Ю. Г. Арзамасова [8], А. А. Арямова [9], Ю. В. Грачевой [10], А. И. Чучаева [11], С. В. Маликова [12] и др., занимающихся исследованием цифровизации.

Изучение схем мошенничества является ключевым для предварительной идентификации и предотвращения таких преступных действий на ранних этапах. Ведь глубокое понимание механизмов, лежащих в основе мошенничества, обеспечивает возможность эффективно противодействовать подобным аферам.

В заключение хотелось бы отметить, что только комплексный подход к анализу и оценке законодательной деятельности, включающий как внешний, так и внутренний мониторинг, а также криминологическую и антикоррупционную экспертизу, станет мощным инструментом в руках государства для обеспечения эффективности, актуальности и надежности правового поля. Для усиления нормативной базы важно объединение усилий государственных органов и независимых экспертов. Принятие новых законов и поправок к действующему законодательству, направленных на закрытие лазеек для мошенничества и ужесточение наказаний для нарушителей, являет собой основной инструмент в борьбе с такого рода преступлениями. Уголовная ответственность здесь выступает сдерживающим фактором, который должен отводить потенциальных мошенников от мысли об использовании незаконных схем.

Помимо уголовного преследования, противодействие земельному мошенничеству требует комплексного подхода, включая повышение правовой грамотности граждан, усиление контроля за земельными транзакциями и улучшение информационной прозрачности сделок. Развитие и использование цифровых технологий в регистрации прав на землю и проведении земельных аукционов также помогает сокращать пространство для недобросовестных действий.

Однако, несмотря на усовершенствование законодательства и интеграцию современных технологий, важнейшей задачей остается формирование эффективной системы обнаружения и расследования земельного мошенничества, что требует усиленной работы правоохранительных органов и всего общества.

Взаимодействие государственных органов, общественных институтов и граждан, основанное на принципах законности и справедливости, должно стать базой для построения надежной системы защиты прав и интересов всех участников земельных отношений.

Список источников

1. Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса / ред. Г. В. Осипов, В. В. Локосов. М. : ИСПИ РАН, 2010. 376 с.
2. Арямов А. А., Грачева Ю. В. Цифровизация: уголовно-правовые риски в сфере экономики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 108–116. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.108-116.
3. Копшева К. О. Оценка отдельных изменений Уголовного кодекса Российской Федерации с позиции соблюдения принципов уголовного закона и криминализации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 46–51.
4. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М. : Юрлитинформ, 2011. 201 с. ISBN: 978-5-93295-938-1.
5. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. М. : Норма, 1997. 497 с. ISBN: 5-89123-205-7.
6. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные положения реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 84–92.
7. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с. ISBN: 978-5-466-00377-2.
8. Арзамасов Ю. Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148.
9. Арямов А. А. Правопонимание мышления в цифровом пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 96–101. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-96-101.

10. Грачева Ю. В., Иванов С. А., Маликов С. В., Чучаев А. И. Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка. М. : Проспект, 2022. 272 с. ISBN: 978-5-392-36624-8.
11. Чучаев А. И., Висксин И. И. Угрозы безопасности беспилотных летательных аппаратов // Уголовный закон и цифровизация: новые вызовы и угрозы : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Липецк, 3 дек. 2021 г. Липецк : ИП Богатырев Валерий Иванович, 2022. С. 3–7. ISBN: 978-5-6047691-5-7.
12. Маликов С. В. Пробелы уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коныхина : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1–2 февр. 2024 г. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2024. С. 504–513.

References

1. Osipov, G. V., Lokosov, V. V., eds. *[Russia: subjective and objective factors in overcoming the crisis]*. Moscow: Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences; 2010. 376 p. (In Russ.)
2. Aryamov, A. A., Gracheva, Yu. V. Digitalization: criminal-legal risks in the economic sphere. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;(6):108–116. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.108–116.
3. Kopsheva, K. O. Evaluation of specific amendments to the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view to comply with the principles of criminal law and criminalization. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2024;(2):46–51. (In Russ.)
4. Arzamasov, Yu. G., Nakonechny, Ya. E. *[Concept of monitoring regulatory legal acts]*. Moscow: Yurlitinform; 2011. 201 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93295-938-1.
5. Luneev, V. V. *[Crime of the 20th century: world, regional and Russian trends. World criminological analysis]*. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Norma; 1997. 497 p. (In Russ.) ISBN: 5-89123-205-7.
6. Inogamova-Hegaj, L. V. Conceptual ideas of reforming of the Criminal Code of the Russian Federation. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2014;(1):84–92. (In Russ.)
7. Lopashenko, N. A. *[Criminal Policy]*. Moscow: Wolters Kluwer; 2009. 608 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-466-00377-2.
8. Arzamasov, Yu. G. Optimal model of legal regulation in the sphere of artificial intelligence. *Proceedings of Voronezh State University*.

- Series: *Law*. 2023;(2):133-148. (In Russ.) DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148.
9. Aryamov, A. A. Legal understanding of thinking in the digital space. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):96-101. (In Russ.) DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-96-101.
  10. Gracheva, Yu. V., Ivanov, S. A., Malikov, S. V., Chuchaev, A. I. *[Digitalization risks: types, characteristics, criminal-legal assessment]*. Moscow: Prospekt; 2022. 272 p. ISBN: 978-5-392-36624-8.
  11. Chuchaev, A. I., Viksnin, I. I. Security threats unmanned aerial vehicles. *[Criminal law and digitalization: new challenges and threats]*. Collection of scientific papers based on the results of the International Scientific and Practical Conference. Lipetsk, 3 December 2021. Lipetsk: Individual entrepreneur Valery Ivanovich Bogatyrev; 2022. Pp. 3–7. (In Russ.) ISBN: 978-5-6047691-5-7.
  12. Malikov, S. V. Gaps in criminal legislation about crimes in the field of computer information. *[Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V. P. Konyakhin]*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 1–2 February 2024. Krasnodar: Kuban State University; 2024. Pp. 504–513. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Арзамасов Владислав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Vladislav Yu. Arzamasov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Land and Environmental Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 03.04.2025.
The article was submitted 10.11.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 03.04.2025.

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.157-170

Особенности обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, в суд апелляционной инстанции

Аскер Сагидович Чич

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
asker-chich@mail.ru*

Аннотация

Введение. Специфика обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, обусловлена сокращенной процедурой судебного разбирательства, в рамках которой постановляется приговор, а также усеченным содержанием приговора. Существенное сокращение судебного следствия, в рамках которого не осуществляется доказывание виновности подсудимого, сужает и возможности обжалования вынесенного приговора.

Методы. На основании общего диалектического метода познания, используя общетеоретические методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, логический, системный) и частнонаучные методы (формально-логический, юридический анализ), автор исследовал особенности обжалования в суд апелляционной инстанции приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, и раскрыл их содержание.

Результаты исследования. Автор выявил и проанализировал основные специфические черты, отличающие апелляционное обжалование приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, от обжалования приговора, постановленного в рамках ординарной судебной процедуры. К числу важнейших таких особенностей автор относит: 1) сужение круга субъектов апелляционного обжалования: поскольку в особом порядке может быть вынесен только обвинительный приговор, то обжаловать его не могут оправданный, а также лица, в отношении которых принято постановление о применении принудительных мер медицинского характера, или несовершеннолетние, к которым применены принудительные меры воспитательного характера; 2) редукцию пределов обжалования (основания для его обжалования сужены – не допускается обжалование несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, поскольку они не исследовались судом и не нашли отражения в описательно-мотивировочной части приговора); 3) содержательное ограничение прав субъектов апелляционного производства (никто из участников процесса при подаче апелляционных жалоб и представлений и их рассмотрении

не вправе обсуждать вопросы несоответствия выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела).

Обсуждение и заключение. Автор приходит к выводу, что особенности обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, в суд апелляционной инстанции связаны как с самим содержанием приговора, так и с особенностями его постановления.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, обжалование приговора, суд апелляционной инстанции, субъекты апелляционного обжалования

Для цитирования: Чич А. С. Особенности обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, в суд апелляционной инстанции // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 157–170. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.157-170.

Original article

Features of Appealing a Verdict Decided in a Special Procedure of Judicial Proceedings to the Court of Appeal

Asker S. Chich

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
asker-chich@mail.ru*

Abstract

Introduction. The specifics of appealing a verdict decided in a special procedure of judicial proceedings arise from the shortened procedure of judicial proceedings in which the verdict is decided, as well as the truncated content of the sentence. A significant reduction in the judicial investigation, which does not prove the guilt of the defendant, narrows the possibilities of appealing the verdict.

Methods. On the basis of the general dialectical method of cognition, using general theoretical methods (analysis, synthesis, deduction, induction, logical, systematic) and private scientific methods (formal logical, legal analysis), the author investigated the features of appealing to the court of appeal of sentences decided in a special order of judicial proceedings, and revealed their content.

Results. In this article, the author has identified and analyzed the main specific features that distinguish the appeal of a verdict decided in a special judicial procedure from the appeal of a verdict decided in the framework of an ordinary judicial procedure. Among the most important of these features, the author refers to: 1) narrowing the range of subjects of appeal: since only a guilty verdict can be issued in a special order, the justified person, as well as persons against whom a decision on the application of compulsory medical measures or minors to whom compulsory educational measures have been applied, cannot appeal against it; 2) reduction of the limits of appeal (the grounds for its appeal are narrowed – it is not allowed to appeal the inconsistency of the court's conclusions with the actual circumstances of the case, since they were not investigated by the court and were not reflected in the descriptive and

motivational part of the verdict); 3) substantial restriction of the rights of subjects of appeal proceedings (none of the participants in the process when filing appeals and submissions and their the court has no right to discuss issues of inconsistency of the conclusions of the court of first instance with the actual circumstances of the case).

Discussion and Conclusion. The author comes to the conclusion that the specifics of appealing a verdict decided in a special procedure of judicial proceedings to the court of appeal are related both to the content of the verdict itself and to the specifics of its decision.

Keywords: special procedure of judicial proceedings, appeal of the verdict, court of appeal, subjects of appeal

For citation: Chich, A. S. Features of appealing a verdict decided in a special procedure of judicial proceedings to the court of appeal. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):157-170. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.157-170.

Введение

Обжалование в уголовном судопроизводстве представляет собой процедуру, позволяющую путем пересмотра незаконных решений или же решений, не отвечающих требованиям правосудия, восстановить нарушенные права участников уголовного судопроизводства наиболее оперативным способом. Если определять обжалование в широком смысле, оно представляет собой волевою и юрисдикционную деятельность участников уголовного судопроизводства. Обжалование означает несогласие с конкретными действиями или бездействием субъектов конкретных правоотношений.

П. А. Лупинская совершенно справедливо писала об обжаловании как о полномасштабном институте уголовного процесса, наиболее полно и объемно охватывающем все соответствующие процедуры, связанные с признанием решения суда неправосудным и его отменой и, соответственно, восстановлением нарушенных прав и свобод участника процесса [1].

Обжалование итогового судебного решения и его пересмотр судом вышестоящей инстанции имеют целью устранение ошибок, которые могли быть допущены судом первой инстанции. Еще И. Я. Фойницкий подчеркивал: «Главнейшее жизненное основание и задача пересмотра заключаются в ограждении суда от ошибки» [2, с. 510]. Ошибки являются неизбежными в любой сфере человеческой деятельности, как верно пишет В. А. Давыдов, полагая, что судебные ошибки в уголовном судопроизводстве неискоренимы, как, впрочем, и в любой другой сфере, где присутствует человеческий фактор [3, с. 29–30].

Не случайно право на пересмотр приговора является одним из важнейших конституционных прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст. 50). Оно также закреплено в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 13). Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации государство должно обеспечить каждому возможность пересмотра судебного реше-

ния, затрагивающего его интересы, как минимум двумя судебными инстанциями¹.

Возможность обжаловать приговор является важнейшей процессуальной гарантией его законности, обоснованности, справедливости, поскольку дает участнику уголовного судопроизводства, который остался недоволен решением суда первой инстанции, надежду на более объективное и справедливое, по его мнению, решение по делу. Возможность обжалования приговора существенно снижает вероятность судебной ошибки. Сам факт того, что вышестоящая инстанция проверит вынесенный приговор и оценит деятельность суда по его постановлению, существенно дисциплинирует судей и повышает степень их ответственности.

Основной судебной инстанцией, предназначенной для устранения судебных ошибок, в российском уголовном процессе является апелляционная инстанция. В современных трудах, посвященных апелляционному производству, точно подмечается огромная роль данной инстанции. Возможность апелляционного пересмотра приговора рассматривается не только как средство устранения материальных и процессуальных судебных ошибок и гарантия прав участников уголовного судопроизводства, но и как «способ реального, а не формального контроля за правосудностью судебных актов, способ повышения требований к качеству рассмотрения уголовных дел судом первой инстанции»².

Вероятность судебной ошибки, возможной при рассмотрении любого уголовного дела, существенно возрастает в том случае, когда речь идет о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, поскольку суд базирует свои выводы о виновности подсудимого на решениях, принятых до него в ходе предварительного расследования. И в этой ситуации пересмотр приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, приобретает очень важное значение.

Нельзя не согласиться с О. В. Качаловой, которая пишет о том, что «...особую актуальность проблема пересмотра приговоров приобретает применительно к уголовным делам, рассмотренным в особом порядке, поскольку ускоренная процедура, предусмотренная главой 40 УПК РФ, сопряжена с редуцированным доказыванием, отказом обвиняемого от полноценной судебной процедуры рассмотрения дела, ограниченным характером действия ряда принципов уголовного судопроизводства, и ве-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросом судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

² Качалова О. В. Правовая природа и сущность современной российской апелляции // Апелляция в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. 2-е изд. М. : Проспект, 2024. С. 24.

роятность судебной ошибки в таких условиях существенно возрастает» [4, с. 33].

Обжалование итогового судебного решения всегда означает, что одна из сторон, а возможно, и обе стороны (в случае обжалования вынесенного решения обеими сторонами) не удовлетворены тем, каким образом был разрешен уголовно-правовой спор. Эта ситуация абсолютно естественна в случае, когда уголовное дело рассматривается в условиях состязательности в общем порядке судебного разбирательства. Обжалование же итоговых судебных решений, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства, не является безусловно логичным продолжением процесса производства по уголовным делам. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Особый порядок судебного разбирательства является компромиссной процедурой, он предполагает, что между сторонами достигнуто согласие относительно упрощенной формы разрешения уголовного дела и обе стороны согласны на вынесение судом обвинительного приговора, который логично завершает судебное разбирательство в особом порядке. По идее обжаловаться такие приговоры вообще не должны. Однако на практике приговоры, постановленные в особом порядке судебного разбирательства, обжалуются не так уж редко. Обжалование означает, что компромисс между сторонами уголовно-правового спора не достигнут [4, с. 34].

Обжалование приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, может означать, что стороны фактически пожалели о своей согласии рассмотреть уголовное дело в упрощенной форме; наказание, которое назначил суд, оценено сторонами как несправедливое; либо в ходе назначения судебного разбирательства и при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона или неправильно применен уголовный закон. Ожидаемый в результате рассмотрения уголовного дела обвинительный приговор в этом случае расценивается сторонами как незаконный либо несправедливый.

Обжалование приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, также означает, что ускоренный процесс за счет отказа от полноценного судебного разбирательства и существенного сокращения судебного следствия прекращается. И вместо ускоренного и упрощенного процесса разрешения уголовно-правового конфликта мы получаем продолжение в виде обычного производства.

Методы

На основании общего диалектического метода познания, используя общетеоретические методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, логический, системный) и частнонаучные методы (формально-логический, юридический анализ), автор исследовал особенности обжалования в суд апелляционной инстанции приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, и раскрыл их содержание.

Результаты исследования

Особенности обжалования приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, детерминированы спецификой процедуры рассмотрения уголовного дела в особом порядке. Если говорить об условной модели постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства, то она выглядит следующим образом: суд констатирует отсутствие спора между сторонами обвинения и защиты и переходит к назначению наказания при полном согласии с предъявленным обвинением (фактическими обстоятельствами, формой вины, мотивами, характером и размером вреда, причиненного преступлением). Назначение справедливого наказания предполагает необходимость установления судом всех факторов, определяющих степень общественной опасности подсудимого и, в конечном итоге, влияющих на характер и размер наказания. Установление этих факторов – смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также данных о личности подсудимого – составляет содержание судебного следствия. Никакие другие обстоятельства в ходе судебного следствия не устанавливаются, в связи с чем оно носит весьма ограниченный, сокращенный характер, доказывание виновности подсудимого в судебном заседании не осуществляется. В силу этого приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, носит усеченный характер, существенно сокращаются и возможности обжалования такого приговора. В первую очередь сужается круг субъектов производства по уголовным делам, которые могут обжаловать приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства. Ограничение этого круга не происходит на законодательном уровне, но проистекает из особенностей упрощенного порядка судебного разбирательства, осуществляемого в соответствии с главой 40 УПК РФ. В круг лиц апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, входят осужденный, его защитник, потерпевший, его представитель, прокурор, государственный и частный обвинители. Иные лица, включая оправданного и его защитника, в этот круг не входят. Это обусловлено тем обстоятельством, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства могут быть вынесены только обвинительный приговор, а также постановление о прекращении уголовного дела. Оправдательный приговор, а также иные виды итоговых судебных решений в особом порядке судебного разбирательства вынесены быть не могут.

В круг субъектов апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, также не входят лица, в отношении которых приняты решения о применении принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия, и их представители, поскольку такие решения не могут приниматься в особом порядке судебного разбирательства.

Гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе обжаловать приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, в части гражданского иска.

В идеале при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства споры в части гражданского иска возникать вообще не должны ввиду того, что согласие с предъявленным обвинением предполагает согласие с характером и размером вреда, причиненного преступлением.

Это подчеркивает п. 11.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (далее – Постановление № 60)³. Однако на практике не все так однозначно. Встречаются случаи, когда обвиняемый, полностью соглашаясь с обвинением, в том числе характером вреда, им причиненного, не согласен с размером гражданского иска, заявленного потерпевшим. Например, потерпевший предъявляет иск на определенную сумму, необходимую для ремонта пострадавшего в результате совершения преступления автомобиля, а обвиняемый считает, что сумма на ремонт автомобиля значительно ниже. В литературе встречается точка зрения, согласно которой несогласие с размером гражданского иска при согласии со всем остальным обвинением может повлечь переход в общий порядок судебного разбирательства [5]. Однако чаще всего в этом случае суды, как правило, признавая право на гражданский иск, принимают решение о его передаче на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации при наличии к тому оснований гражданский иск может быть оставлен без рассмотрения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (п. 11.4 Постановления № 60).

Следующей особенностью обжалования приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, является сужение круга оснований, по которым возможно обжалование. Эти основания регламентированы ст. 389.15 УПК РФ. Содержательно эти основания представляют собой предусмотренные законом причины, по которым итоговое судебное решение может быть отменено либо изменено. Сопоставление этих оснований с фактическими причинами обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, приводит к выводу о том, что приговоры, постановленные в особом порядке судебного разбирательства, чаще всего обжалуются из-за несправедливого, по мнению сторон, наказания, изменения позиции защиты по делу, в том числе и при смене защитника; выявлении обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела в особом порядке судебного

³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

разбирательства; а также при нарушении судом уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела. Встречаются и случаи обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, ввиду неправильной квалификации содеянного.

Изменение позиции стороны защиты, что приводит к обжалованию приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, может быть обусловлено сменой защитника, признанием ошибочным рассмотрения уголовного дела в упрощенном порядке при переоценке обстоятельств дела как дающих основание предполагать возможность более благоприятного для обвиняемого исхода уголовного дела (прекращения уголовного преследования, постановления оправдательного приговора), изменением тактики защиты, выявлением фактов, ставящих под сомнение осознанность и добровольность заявленного ходатайства (факт психического расстройства) и др. Фактически обжалование приговора, постановленного в особом порядке, в этих случаях может означать отзыв согласия обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке.

Однако нередко причиной обжалования становится размер наказания, не соответствующий ожиданиям обвиняемого и его защитника.

Потерпевший и его представитель чаще всего обжалуют приговор ввиду несогласия с назначенным наказанием, считая его чрезмерно мягким и в силу этого несправедливым. Принесение прокурором представления на приговор, постановленный в особом порядке, может осуществляться в силу различных причин: в случае, если суд не согласился с позицией прокурора относительно наказания, если прокурор придет к выводу о том, что суд не убедился в наличии всех условий и оснований для рассмотрения уголовного дела в особом порядке, содеянному дана неправильная квалификация, в судебном заседании были допущены существенные нарушения закона и т. д. Единственное основание, по которому приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, не может быть обжалован, – несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела (п. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Согласно ст. 389.16 УПК РФ несоответствие приговора суда фактическим обстоятельствам дела расценивается как таковое, когда суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на его выводы, в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял эти доказательства и отверг другие; выводы суда содержат существенные противоречия, которые могли повлиять на решение вопроса о виновности, правильность применения уголовного закона или определение меры наказания. Все эти случаи неприменимы к особому порядку судебного разбирательства, поскольку фактические обстоятельства судом в судебном заседании не устанавливаются, доказательства не оцениваются, их никто не оспаривает, вопросы виновности также не являются предметом спора, в приговоре доказательства не анализируются.

Сужение пределов обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, предопределяет и содержательные ограничения в полномочиях участников апелляционного обжалования.

Еще одной особенностью обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, является содержание апелляционных жалоб и представлений. Права и обязанности субъектов подачи апелляционной жалобы или представления на приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, регламентированы ст. 389.5–389.8, 389.10–389.14, 389.20, 389.24, 389.28 УПК РФ и не отличаются по сути от соответствующих прав и обязанностей субъектов апелляционного обжалования при пересмотре приговора, вынесенного в общем порядке судебного разбирательства. Однако никто из участников процесса ни при подаче апелляционных жалоб и представлений на приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, в том числе дополнительных, ни при их рассмотрении, ни при принятии решения по итогам апелляционной проверки не вправе обсуждать вопросы несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела [6, с. 137–140].

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ апелляционная жалоба или представление должны содержать указания на основания к отмене или изменению приговора, установленные ст. 389.15 УПК РФ. Такое правило обусловлено не желанием ограничить возможности обжалования, а, как верно отмечалось в научных работах, стремлением обязать участников уголовного судопроизводства, подающих жалобу или представление, изначально точно определиться в предмете и пределах своих притязаний к суду вышестоящей инстанции [7, с. 182; 8, с. 46].

Приговор, постановленный в сокращенном порядке судебного разбирательства, не может быть обжалован ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела в силу того, что судом в судебном заседании они не исследовались. Пределы обжалования такого приговора соответствуют особенностям данной упрощенной процессуальной формы.

В. В. Конин отмечает: «Именно на критике доказательств, обосновывающих виновность подзащитного, построено большинство апелляционных жалоб адвокатов на постановленные судом первой инстанции приговоры в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ» [9, с. 28]. Однако эти доводы должны быть оставлены без внимания суда апелляционной инстанции, поскольку они выходят за пределы, предусмотренные законом.

Следует заметить, что уголовно-процессуальная наука содержит различные точки зрения в отношении допустимости ограничения оснований обжалования судебных решений, вынесенных без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Так, Б. А. Ринчинов не усматривает нарушений прав участников уголовного судопроизводства в законодательном ограничении оснований обжалования постановленного в особом порядке приговора [10, с. 33].

Конституционный Суд Российской Федерации определил, что непредоставление права обжалования приговора по мотиву несоответствия содержащихся в нем выводов фактическим обстоятельствам не нарушает конституционных прав лиц, осознанно и добровольно согласившихся с предъявленными обвинениями и самолично ходатайствовавших об использовании особого порядка⁴.

Правильность установленных фактических обстоятельств в их соответствии выводам суда рассматривается как обоснованность приговора. Г. И. Загорский справедливо указывает на то, что «обоснованность приговора означает соответствие выводов суда действительности, их убедительной подтвержденности исследованными в суде доказательствами, которые установлены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке и достаточны для принятия правильного решения по делу» [11, с. 29].

Возникает вопрос: возможно ли при такой конструкции обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, в принципе обжаловать в суд апелляционной инстанции и обсуждать вопросы обоснованности приговора и доказанности обвинения? Ведь вопросы доказанности обвинения не исследуются в судебном заседании. Или единожды высказанное согласие с предъявленным обвинением после вынесения приговора в особом порядке становится незыблемым и не может быть оспорено никем, включая обвиняемого, давшего такое согласие?

По нашему мнению, ограничения в пределах обжалования не означают, что вопросы доказывания могут остаться без внимания суда апелляционной инстанции. Иное приводило бы к ситуации, когда согласие с предъявленным обвинением после вынесения приговора навечно фиксировало бы правильность установления фактических обстоятельств совершенного преступления, даже в случае следственной ошибки, и делало бы невозможным пересмотр вынесенного приговора.

Вопросы доказанности обвинения при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства обжалуются не напрямую ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, а опосредованно, через процессуальное основание – оспаривается нарушение уголовно-процессуального закона судом, который, постановляя приговор в особом порядке судебного разбирательства, не убедился в наличии к тому оснований, в частности, не проверил обоснованность предъявленного лицу обвинения.

На это указывает в своем исследовании и С. А. Трухин: «Вопросы обоснованности обжалованного приговора в усеченном варианте (на

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2014 г. № 2698-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малыгина А. Б. на нарушение его конституционных прав главой 40.1 УПК РФ и статьей 63 УК РФ». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

основании оценки письменных материалов дела) могут стать предметом апелляционного разбирательства в случае нарушения судом первой инстанции требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ (когда обвинение подсудимому не являлось обоснованным и не подтверждалось собранными по делу доказательствами). При этом указанный приговор подлежит отмене по процессуальному основанию – ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона (п. 2 ст. 389.15 УПК РФ)» [12, с. 16–17].

Это означает, что апелляционные жалоба либо преставление, в которых обжалуются фактические обстоятельства дела, должны содержать указание не на основание, предусмотренное п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, а на п. 2 этой же статьи (существенное нарушение уголовно-процессуального закона), поскольку суд не убедился в обоснованности обвинения и принял решение о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства.

Так, суд рассмотрел уголовное дело в отношении М. в особом порядке судебного разбирательства, квалифицировав совершенную обвиняемой кражу по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кражу с незаконным проникновением в жилище или иное хранилище. Из материалов дела следует, что М., как и потерпевшая, являлась кухонным работником учреждения, в котором произошло хищение. Шкаф, в котором хранилась сумка потерпевшей с телефоном, был предназначен для личных вещей всех сотрудников кухни, в том числе обвиняемой, каким-либо замком он не был оборудован и к нему был свободный доступ. М., так же как и остальные сотрудники учреждения, имела свободный доступ к шкафу, предназначенному для хранения одежды и личных вещей, и из сумки, находящейся в указанном шкафу, похитила принадлежащий Ж. сотовый телефон. При таких данных имелись основания к исследованию и проверке в судебном заседании доказательств, чтобы суд мог убедиться в том, что обвинение, с которым согласилась подсудимая, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Поскольку суд не убедился в обоснованности обвинения М. в совершении инкриминируемого деяния, чем допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона, приговор был отменен вышестоящим судом⁵.

Обсуждение и заключение

Исследование позволило прийти к следующим выводам.

Особенности обжалования приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства, в суд апелляционной инстанции обусловлены спецификой постановления данного приговора в сокращенном судебном разбирательстве и его усеченным содержанием, а также спе-

⁵ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2024 г. № 77-2724/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

цифкой данной процессуальной формы, которая не позволяет вынести приговор в упрощенном порядке в отношении отдельных категорий лиц. К числу особенностей апелляционного обжалования приговоров, постановленных в порядке главы 40 УПК РФ, относятся: сужение круга субъектов апелляционного обжалования (в него не входят оправданный и его защитник); редукция пределов апелляционного обжалования (приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, не подлежит обжалованию ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела); исключение из содержания апелляционной жалобы доводов, касающихся неправильного установления судом фактических обстоятельств дела.

Вместе с тем ограничения в пределах обжалования не означают, что вопросы доказывания могут остаться без внимания суда апелляционной инстанции. Вопросы доказанности обвинения при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства обжалуются не напрямую ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, а опосредованно, через процессуальное основание – оспаривается нарушение уголовно-процессуального закона судом, который, постановляя приговор в особом порядке судебного разбирательства, не убедился в наличии к тому оснований, в частности, не проверил обоснованность предъявленного лицу обвинения.

Список источников

1. Лупинская П. А. Право жалобы в уголовном судопроизводстве в свете Конституции СССР // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1979. С. 150–156.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. 586 с. ISBN: 5-87062-032-5.
3. Давыдов В. А. Теория и практика возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 403 с.
4. Качалова О. В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // Российский судья. 2015. № 12. С. 32–36.
5. Чушенко Д. Н. Преюдициальность судебных актов при особом порядке принятия судебного решения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 95–99.
6. Чич А. С. Процессуальный порядок обжалования и проверки судом апелляционной, кассационной инстанций решений, вынесенных

- в особом порядке судебного разбирательства в России и Китае // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы ежегод. междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2023. С. 136–141.
7. Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 483 с.
  8. Кудрявцева А. В., Смирнов В. П. Апелляционное производство в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2013. 210 с. ISBN: 978-5-4396-0489-0.
  9. Конин В. В. Некоторые проблемные вопросы обжалования приговора, постановленного в порядке главы 40 УПК Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 26–30.
  10. Ринчинов Б. А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 256 с.
  11. Загорский Г. И. Постановление приговора. Проблемы теории и практики. 2-е изд. М. : Проспект, 2017. 240 с. ISBN: 978-5-392-21755-7.
  12. Трухин С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.

References

1. Lupinskaya, P. A. [The right of complaint in criminal proceedings in the light of the Constitution of the USSR]. [*The Constitution of the USSR and the further strengthening of law and order*]. Moscow: Publishing House of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences; 1979. Pp. 150–156. (In Russ.)
2. Foynitsky, I. Ya. [*The course of criminal justice*]. St. Petersburg: Al'fa; 1996. 586 p. (In Russ.) ISBN: 5-87062-032-5.
3. Davydov, V. A. [*Theory and practice of resuming criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances*]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 403 p. (In Russ.)
4. Kachalova, O. V. [Review of sentences decided in a special procedure of judicial proceedings in the court of appeal]. *Rossijskij sud'ya* = [*The Russian Judge*]. 2015;(12):32-36. (In Russ.)
5. Chushenko, D. N. [The prejudice of judicial acts with a special procedure for making a court decision]. *Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* = [*Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*]. 2015;(9):95-99. (In Russ.)

6. Chich, A. S. [Procedural order of appeal and review by the court of appellate and cassation instances of decisions made in a special procedure of judicial proceedings in Russia and China]. *[Comparative law in the countries of the Asian-Pacific region]*. Proceedings of the Annual International Youth Scientific and Practical Conference. Ulan-Ude; 2023. Pp. 136–141. (In Russ.)
7. Potapov, V. D. *[The main principles of verification of court decisions in the control and verification stages and proceedings of criminal proceedings in Russia]*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 483 p. (In Russ.)
8. Kudryavtseva, A. V., Smirnov, V. P. *[Appeal proceedings in the criminal process of Russia]*. Moscow: Yurlitinform; 2013. 210 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-0489-0.
9. Konin, V. V. [Some problematic issues of appealing a verdict issued in accordance with Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]*. 2020;(3):26-30. (In Russ.)
10. Rinchinov, B. A. *[Criminal proceedings in the court of appeal during the period of judicial and legal reform]*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 256 p. (In Russ.)
11. Zagorsky, G. I. *[The verdict. Problems of theory and practice]*. 2nd ed. Moscow: Prospekt; 2017. 240 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-21755-7.
12. Trukhin, S. A. *[The subject and limits of the appeal proceedings of criminal cases]*. Abstract of the Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2016. 28 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Чич Аскер Сагидович, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Asker S. Chich, Postgraduate Student at the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 03.04.2025.

Межгосударственная унификация международных преступлений

Александр Петрович Евсеев

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
apevseyev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3363-490X>*

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию проблемы межгосударственной унификации международных преступлений в различных регионах мира (Африке, Латинской Америке, странах СНГ). В ней делается попытка проследить, в какой мере национальные традиции и специфика уголовного законодательства способствуют (или препятствуют) юридически корректной имплементации положений Римского статута Международного уголовного суда во внутригосударственное право. Целью статьи является уяснение тех законодательных практик, которые считаются наиболее успешными в обозначенном направлении и могут быть приняты во внимание в процессе государственного строительства на постсоветском пространстве.

Методы. В ходе исследования использованы диалектический метод познания, позволивший изучить предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми явлениями, а также общенаучные и специально-юридические методы, главным образом сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Констатируется, что сближение национальных законодательств с требованиями и стандартами международного уголовного права, с одной стороны, обогащает само законодательство, способствуя насыщению его качественными и прошедшими многолетнюю апробацию положениями, далекими от соображений политической конъюнктуры, а с другой – служит развитию самого международного уголовно-правового регулирования. Ведь участвующие в Римском статуте представители государств принимают участие в функционировании рабочих органов Международного уголовного суда, выборах его судей и прочих формах международного сотрудничества. Кроме того, делается вывод, что следствием имплементации норм международного уголовного права является не столько унификация национальных законодательств, ибо различия между ними даже в рамках какого-то одного региона остаются разительными, сколько унификация результатов правового регулирования соответствующих преступлений в направлении усиления борьбы с ними.

Обсуждение и заключение. В настоящее время Международный уголовный суд продолжает занимать позицию, недружественную по отношению к Российской

Федерации. Это выразилось, помимо прочего, в выдаче им ордеров на арест российских граждан вопреки тому, что наша страна прекратила с ним всяческое сотрудничество еще в 2016 г. Однако и по отношению к другим государствам он продолжает вести себя непоследовательно, результатом чего может стать выход Венгрии из Римского статута.

Ключевые слова: Римский статут, Международный уголовный суд, преступления по международному праву, международное уголовное право, унификация, инкорпорация

Для цитирования: Евсеев А. П. Межгосударственная унификация международных преступлений // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 171–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.171-192.

Original article

Inter-State Unification of International Crimes

Alexander P. Evseev

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

apevseyev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3363-490X>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the problem of interstate unification of international crimes in various regions of the world (Africa, Latin America, CIS countries). It attempts to trace the extent to which national traditions and the specifics of criminal legislation contribute to (or hinder) the legally correct implementation of the provisions of the Rome Statute of the International Criminal Court in domestic law. The purpose of the article is to clarify those legislative practices that are considered the most successful in the designated direction and can be taken into account in the process of state building in the post-Soviet space.

Methods. The basis of the study is the dialectical method of cognition, which allows studying the subject of research in relation to other legal phenomena, as well as general scientific and special legal methods, mainly comparative legal.

Results. The article states that the convergence of national legislations with the requirements and standards of international criminal law, on the one hand, enriches the legislation itself, contributing to its saturation with high-quality and long-tested provisions, far from considerations of political expediency, and on the other hand, serves the development of international criminal law regulation itself, since representatives of the states parties to the Rome Statute take part in the functioning of the working bodies of the International Criminal Court, the election of its judges and other forms of international cooperation. In addition, it is concluded that the consequence of the implementation of the norms of international criminal law is not so much the unification of national legislations, since the differences between them even within a single region remain striking, as the unification of the results of legal regulation of the relevant crimes in the direction of strengthening the fight against them.

Discussion and Conclusion. At present, the International Criminal Court continues to take an unfriendly position towards the Russian Federation. This has been expressed,

among other things, in its issuance of arrest warrants for Russian citizens, despite the fact that our country ceased all cooperation with it back in 2016. However, it also continues to behave inconsistently towards other states, the consequence of which is the expected withdrawal of Hungary from the Rome Statute.

Keywords: Rome Statute, International Criminal Court, international crimes, international criminal law, unification, incorporation

For citation: Evseev, A. P. Inter-state unification of international crimes. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):171-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.171-192.

Источники унифицированного правового регулирования борьбы с международными преступлениями

Международные нормы, посредством которых осуществляется унификация юридического закрепления международных преступлений в различных государствах, в подавляющем большинстве находят отражение в уставах международных уголовных судов и трибуналов.

Центром нормативной деятельности по данным вопросам является Международный уголовный суд (далее – МУС), в Римском статуте которого, принятом в 1998 г., кодифицированы самые серьезные преступления (англ. *core crimes*, нем. *großverbrechen*) по международному праву: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии (ст. 6–8 bis). По составу участвующих в его деятельности государств (125 в 2024 г., однако со 2 июня 2026 г. свое членство в МУС прекращает Венгрия) и по спектру охваченных им регионов мира Римский статут представляет собой наиболее универсальную из всех кодификаций, связанных с международным уголовным правом. На сегодняшний день МУС, действуя на основании Римского статута, ведет расследование 12 ситуаций и выдал 59 ордеров на арест¹.

Значительное количество международных преступлений содержится также в ряде документов, принятых задолго до Римского статута: Гаагских конвенциях о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг., уставах Международных военных трибуналов (далее – МВТ) в Нюрнберге и Токио 1945 и 1946 гг. соответственно, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. (далее – Конвенция о геноциде), четырех Женевских конвенциях о защите гражданского населения во время войны 1949 г. и двух дополнительных протоколах 1977 г., Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г., а также в уставах международных уголовных трибуналов *ad hoc* – по бывшей Югославии (1993) и по Руанде (1994).

В ряде документов, утвержденных региональными организациями, также предусмотрены международные нормы, содействующие процессу

¹ URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-12/TheCourtToday-Eng.pdf>.

унификации международных преступлений и практики привлечения к ответственности за их совершение. Так, в рамках Африканского Союза подписан Протокол Малабо 2014 г. (далее – Протокол), распространивший юрисдикцию Африканского суда по правам человека и народов на международные преступления.

Ряд статей, касающихся гармонизации подходов к наказанию за данного рода деяния, включены в Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, принятую Генассамблеей ООН 26 ноября 1968 г. и вступившую в силу 11 ноября 1970 г. Кроме того, в рамках Европейского союза в 2003 г. вступила в силу Европейская конвенция о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности и военным преступлениям 1974 г., участниками которой являются Нидерланды, Франция и Бельгия.

Хотя большинство норм, содержащихся в перечисленных документах, являются материальными по своему характеру, имеются в них и отдельные процессуальные положения, исходящие из принципа *aut dedere, aut iudicare* (лат. «или выдай, или суди»), ориентирующие государства на выдачу виновных в страны их гражданской принадлежности или их самостоятельное осуждение в процедуре универсальной юрисдикции. Однако чаще данный вопрос решается на основании либо отдельных соглашений (в основном двусторонних, например между Испанией и Аргентиной), либо национального процессуального законодательства, требующего нередко для признания универсальной юрисдикции какой-либо «суверенной привязки»².

Помимо этого, смешанный характер носят соглашения с МУС о сотрудничестве, которые заключаются государствами на основании ст. 87 Римского статута.

Модели инкорпорации международных преступлений

Процесс унификации национального уголовного законодательства в части международных преступлений, именуемый еще «одомашниванием» международного уголовного права [1, с. 5], может происходить в различных формах.

Первая представляет собой модель «полной инкорпорации», при которой либо национальное право отсылает непосредственно к положениям Римского статута, как, например, это имеет место в Новой Зеландии, где в законе делается оговорка, что «геноцидом признается деяние,

² Справедливости ради отметим, что в Германии, являющейся безусловным лидером по количеству разрешенных дел в процедуре универсальной юрисдикции, требование «суверенной привязки» касается только преступления агрессии (если его субъектом является гражданин ФРГ или деяние направлено против ФРГ), тогда как для других международных преступлений никакой «суверенной привязки» виновного иностранца к территории ФРГ не требуется.

упомянутое в статье 6 Статута», либо путем дословного воспроизведения положений последнего в отдельном законе, как в Германии, принявшей в 2002 г. Кодекс международного уголовного права³ (далее – Кодекс 2002 г.). Если воспользоваться образным выражением Л. В. Головки, в данном случае речь идет «...не о национальной кодификации, а о чем-то похожем на договор присоединения, чьи условия обсуждению и самостоятельной выработке не подлежат» [2, с. 45]. Реже, как правило в странах общего права, Римский статут может рассматриваться как самоисполнимый международный договор, т. е. содержащий достаточно подробный перечень преступлений, их элементов, с исчерпывающей точностью указывающий на субъектов их совершения, а потому не требующий принятия дополнительных национальных актов для его реального исполнения. Так, в соответствии со ст. 232 Конституции ЮАР обычное международное право (включая обычные нормы международного уголовного права. – А. Е.) является правом в Республике, кроме случаев, когда оно не соответствует Конституции или Акту парламента⁴.

При *второй* модели государство воздерживается от инкорпорации положений Римского статута, отдавая предпочтение тем составам, которые уже содержатся в законодательстве. Так, Финляндия, ратифицировав Римский статут в 2000 г., вначале оставила без изменений соответствующую главу Уголовного кодекса (далее – УК) 1889 г., который до сих пор открывается словами «Мы, Александр III, милостью Божией...», и лишь после критических замечаний научных кругов и гражданского общества на протяжении 2005–2008 гг. осуществила фундаментальную реформу уголовного законодательства [1, с. 11, 12]. Или более близкий нам Таджикистан, ратифицировавший Римский статут в том же 2000 г., но так и не приведший свой УК в соответствие с ним. Как отмечается в литературе, такое воздержание от инкорпорации положений Римского статута может привести к тому, что государство-участник в силу пробельности своего законодательства может быть сочтено таким, которое «неспособно осуществлять уголовное преследование должным образом» в значении ст. 17 Статута, что влечет за собой рассмотрение дела непосредственно в Гааге, а не в суде такого государства⁵.

Наконец, *третьей* моделью является так называемая «инкорпорация с изменениями», при которой государство-участник пытается максимально учесть положения Римского статута, однако в процессе инкорпорации может принять во внимание отличительные черты национального уголовного закона, в частности путем закрепления в УК преступлений,

³ Верле Г. Принципы международного уголовного права : учеб. Одесса : Фенікс ; М. : Транслит, 2011. С. 162.

⁴ Конституции государств Африки и Океании : сб. Т. 3 / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИГиСП, 2019. С. 986.

⁵ Верле Г. Указ. соч. С. 164.

отсутствующих в Римском статуте, либо добавления к преступлениям, заимствованным из Римского статута, квалифицирующих признаков, в нем не предусмотренных.

Ярчайшим примером этого может служить Украина, ратифицировавшая Статут последней по времени среди государств-участников, в августе 2024 г. Однако, опасаясь ответственности собственных военнослужащих за совершенные ими военные преступления, на основании ст. 124 она отсрочила действие соответствующих норм Римского статута на 7 лет после вступления Статута в силу для нее.

Вместе с тем она ратифицировала поправку к Статуту (ст. 8 bis), предусматривающую ответственность за преступление агрессии. Исходя из ее буквального толкования, агрессия является типичным «лидерским преступлением» (англ. *leadership crime*), т. е. таким, которое может быть совершено исключительно лицом, «...которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства»⁶. Однако приведенная формулировка настойчиво «подправляется» украинским законодателем (ст. 437 УК Украины) и судами, которые трактуют преступление агрессии максимально широко, относя к субъектам последнего не только лиц, прямо поименованных в ст. 8 bis, но и иных, которые могут «...существенно влиять на политические, военные, экономические, финансовые, информационные и другие процессы в собственном государстве или за его пределами, и/или руководить конкретными направлениями политических или военных действий»⁷.

Несмотря на декларируемый приоритет международного права, судебная практика определенно отдает предпочтение нормам национального уголовного закона.

Например, по ст. 437 УК Украины были привлечены к уголовной ответственности российские военнослужащие сержант А. Александров и капитан В. Ерофеев, равно далекие и от фактического контроля за Вооруженными Силами, и от возможности существенно влиять на перечисленные выше процессы в России (подробнее см.: [3]).

Таким образом, отношение к Римскому статуту как самоисполнимому международному договору, что имеет место в странах общего права, представляется наиболее предпочтительным, так как его следствие – применение в различных государствах фактически одних и тех же норм (во всяком случае, материальных). Однако даже использование самоисполнимого договора не дает полной гарантии действительной унификации правового регулирования борьбы с международными преступлениями.

⁶ URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6-RUS.pdf.

⁷ URL: <https://zakononline.com.ua/court-decisions/show/117555176>.

ми на национальном уровне хотя бы по той причине, что в самом Статуте названные преступления не снабжены санкциями за их совершение, которые, в свою очередь, будут установлены во внутригосударственном законодательстве каждого государства-участника исходя из особенностей карательной политики, исторических традиций, отношения к смертной казни и т. д. В результате специфика политических условий, судебной практики, прочие национальные факторы, осложняя процесс имплементации международного уголовного права, могут приводить подчас к противоположным результатам в различных регионах мира, скажем, в Европе и Латинской Америке. В последнем случае широкое распространение получил подход, суть которого может быть передана формулой «покупка правды в обмен на правосудие» (англ. *trade justice for truth*), при котором лицо, давая показания перед гибридным (интернационализированным) судом, как бы «покупает» себе если не полное прощение, которое, как правило, не допускается за международные преступления, то, по крайней мере, существенное смягчение наказания [4, с. 198].

Еще меньше шансов достичь единообразия в случае приведения в действие национального уголовного законодательства. Как показано выше, принятие нового законодательства (либо модификация существующего) в подобных случаях служит непрямым условием добросовестного исполнения обязательств, вытекающих из участия в Римском статуте. Однако вряд ли можно назвать такое законодательство подлинно унифицированным, если только речь не идет о дословном воспроизведении положений Статута в уголовном законе. Но даже в тех странах, где подобное заимствование имеет место, все отчетливее раздаются голоса о необходимости дальнейшего реформирования законодательства в соответствии с требованиями времени.

Реформирование уголовного законодательства под влиянием новейшей практики МУС

Поясним нашу мысль на примере Германии. В июле 2023 г. федеральное министерство юстиции презентовало законопроект «О дальнейшем развитии международного уголовного права», в соответствии с которым Кодекс 2002 г. предлагается дополнить положениями о сексуальном насилии, принудительной беременности и насильственных исчезновениях как преступлениях против человечности, расширить ряд положений Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) с целью большей процессуальной защиты жертв международных преступлений, а также отказаться от функционального иммунитета (иммунитета *ratione materiae*) иностранных должностных лиц в случае совершения ими преступлений по международному праву⁸.

⁸ URL: https://www.bmj.de/SharedDocs/Downloads/DE/Gesetzgebung/RegE/RegE_Voelkerstrafrecht.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

Последний тезис уже получил признание в практике немецких судов.

Так, Федеральный верховный суд в Карлсруэ в решении от 28 января 2021 г. отказал в признании функционального иммунитета лейтенанта Афганской национальной армии, который прилетел в Германию в 2015 г. под видом беженца. Немецкая прокуратура на основании имеющихся данных обвинила его в применении пыток по отношению к пленным боевикам «Талибана» (организация запрещена в России), что представляет собой военное преступление, предусмотренное в § 8(1)(3) Кодекса 2002 г. («кто жестоко или бесчеловечно обращается с лицом, охраняемым согласно международному гуманитарному праву...»). Защита строила свои доводы на том, что подсудимый действовал соответствующим образом не в личном качестве, а как «агент государства», а потому не должен нести ответственность за деяния, которые, по сути дела, должны быть вменены государству. По итогам слушаний суд пришел к выводу, что должностные лица иностранных государств не обладают функциональным иммунитетом от уголовного преследования в немецких судах, если они совершили международные преступления⁹.

Одним из важнейших побудительных мотивов инициирования этой реформы было и остается стремление создать для международных преступников такие условия, при которых у них не осталось бы безопасных мест на земле (англ. *no safe haven*) [5, p. 786].

Интересно сравнить в связи с этим положение вещей, которое отделено от дня сегодняшнего более чем столетней дистанцией.

В 1921 году немецкая пресса писала о «маленькой театральной комедии» (нем. *eine kleine buhnekomodie*) [6, с. 71], которую немцы вынуждены разыгрывать в угоду победителям, имея в виду так называемые «лейпцигские процессы» над некоторыми младшими командирами кайзеровской армии и капитанами подводных лодок (Дитмаром и Вольдтом), приговоренными в конечном итоге к символическому наказанию. Тем не менее уже тогда в первом своем приговоре, вынесенном в отношении сержанта Гейнена, суд подчеркнул: «Обвиняемый не только подрывал репутацию армии, которой немецкий народ гордился в высокой мере; его поведение заключало в себе опасность для репутации немецкого народа, так как он, сознавая себя культурным народом первого ранга, отказывается от такого рода грубостей и жестокостей» [6, с. 70].

Несмотря на значительный исторический период, разделяющий указанные акты правосудия, для обоих характерно осознание некоей культурной миссии, выполняемой посредством имплементации положений международного уголовного права в национальное законодательство и судебную практику. Неслучайно некоторые авторы даже пишут о «немецком международном уголовном праве» [7]. Такое рвение в деле «одомашнивания» международного уголовного права тесно переплетается с доминантно-правовой задачей преодоления системной безнаказанно-

⁹ URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=116372&pos=0&anz=1>.

сти, царящей в современном мире, которая, как сказано в преамбуле Римского статута, «глубоко потрясает совесть человечества»¹⁰.

Не менее бурные процессы протекают в Италии. В этой стране дело осложняется тем, что по сей день продолжают действовать УК 1930 г. и Военный УК 1941 г., причем последний до 2002 г. применялся только в случае официального объявления войны Италии. Лишь принятие в том же году немецкого Кодекса подтолкнуло итальянского законодателя распространить положения Военного УК на преступления, совершаемые в ходе любого вооруженного конфликта, в который вовлечена Италия [8, р. 749]. Характерно также, что Италия 59 лет применяла УПК 1930 г. (Кодекс Рокко), в том числе после падения режима Муссолини, пока не заменила его на УПК 1988 г., считающийся в итальянской уголовно-процессуальной науке не просто новым, а новейшим [2, с. 43].

Что же касается преступлений против человечности, то в качестве самостоятельного института уголовного права в обоих кодексах они не выделяются. Итальянский УК лишь закрепляет отдельные деяния, которые могут быть признаны таковыми, причем делает это в тех же статьях и тех же формулировках, что и при дуче: убийство (ст. 575), обращение в рабство, доставление рабов для торговли и торговля ими, отчуждение и приобретение рабов (ст. 600–602), незаконное лишение свободы, незаконный арест, неправомерное ограничение личной свободы (ст. 605–607) и т. п. Однако в Кодексе отсутствует контекстуальный элемент, необходимый для квалификации данных деяний как преступлений против человечности, а именно: совершение любого из них «...в рамках широкомасштабного или системного нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно» (ст. 7 Римского статута).

Кроме того, между Италией и МУС до сих пор не заключено соглашение о сотрудничестве, хотя эта страна принимала у себя Римскую дипломатическую конференцию 15 июня – 17 июля 1998 г., давшую имя Статуту, и стала четвертой по счету страной, ратифицировавшей его.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что, ратифицировав Конвенцию о геноциде в 1967 г., Италия внесла поправку в Конституцию, в соответствии с которой не допускается выдача иностранцев или даже собственных граждан за политические преступления (ст. 10), если только они не обвиняются в совершении геноцида.

Учитывая столь противоречивую ситуацию, в марте 2022 г. правительство М. Драги учредило комиссию экспертов во главе с тогдашним министром юстиции М. Картабиа, которая в знак верности исторической традиции была названа по имени ее председателя («комиссия Картабиа»). И уже к маю того же года был подготовлен проект поправок в УК. Однако последовавшая вскоре отставка правительства помешала этим планам.

¹⁰ URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf).

В начале 2023 г. уже новое правительство, возглавляемое Дж. Мелони, чей образ привнес в мировой дипломатический лексикон шуточный термин «мелонирование», означающий резкий переход от правопопулистской риторики к умеренной политкорректности [9, с. 29], создало рабочую группу под руководством министра юстиции К. Нордио, призванную доработать проект «комиссии Картабия». В результате в марте 2023 г. правительство внесло в парламент проект Кодекса международных преступлений (итал. *Codice dei crimini internazionali*), однако в последний момент исключило из него преступления против человечности, сославшись на необходимость более глубокой проработки [8, р. 754].

Сближение уголовного законодательства в отдельных регионах мира и международное уголовное право

Результаты сближения национальных уголовных законодательств вследствие имплементации положений Римского статута зависят также от географической зоны нахождения того или иного государства. С этой точки зрения стандарты, заложенные в международном праве, можно разделить на две группы: универсальные, т. е. предназначенные для применения во всех государствах, присоединившихся к Римскому статуту, и региональные, т. е. рассчитанные на применение в отдельных группах государств и содержащиеся в актах, принятых региональными организациями.

В первые десятилетия существования международного уголовного права региональный подход подчас перерастал в дискриминационный. Сближая законодательство отсталых в социальном отношении, а также колониальных и зависимых стран на более низкой общей основе, чем в метрополиях, нормы международного уголовного права фактически способствовали безнаказанности представителей «глобального Севера», совершавших преступления в отношении жителей «глобального Юга». Неслучайно в 1991 г. в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Комиссией международного права ООН, предлагалось включить «колониальное доминирование и иные формы иностранного доминирования»¹¹. В этой связи упоминались подавление британцами восстания Мау-Мау в Кении, геноцид племен гереро и нама войсками Вильгельма II в Намибии, похищение детей-метисов в Бельгийском Конго, наконец, убийство в том же Конго первого демократически избранного премьер-министра П. Лумумбы и т. д. Подобного рода действия в современном неолиберальном дискурсе принято рассматривать как преступления против человечности *sui generis* [10, р. 797, 798]. Той же точки зрения придерживается и Европейский парламент, призвавший институты ЕС и государства-члены в резолюции от

¹¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml.

26 ноября 2019 г. об основных правах лиц африканского происхождения в Европе признать такие деяния, совершенные европейскими колонизаторами, преступлениями по международному праву [11, с. 200].

Справедливости ради отметим, что за последние годы в бывших метрополиях (странах Северной Америки, Великобритании, Нидерландах, Франции) наметилось стремление приспособить существующие нормы международного уголовного права к тем событиям, которые имели место задолго до их появления на свет. В этой связи много говорится о «вневременном» характере совершенных колонизаторами злодеяний [10, р. 800]. Например, инициированное премьер-министром Канады Ж. Трюдо «Национальное расследование пропавших без вести и убитых женщин и девочек из числа коренных народов» в докладе 2019 г. пришло к выводу об имевшем место в обращении с «первыми нациями» геноциде по типу Холокоста, а многие правозащитники этой страны, полагая, что колониализм – это «структура, а не событие» [12, р. 165], считают необходимым каким-то образом активировать юрисдикцию МУС в отношении колониального прошлого вопреки тому, что под нее подпадают лишь те деяния, которые были совершены после вступления Римского статута в силу, т. е. после 1 июля 2002 г. Иное, как отмечает Н. В. Варламова, по мнению потомков аборигенов, может квалифицироваться как установление определенной «иерархии жертв» и сохранение расистских стереотипов [11, с. 199].

Между тем степень сближения регионального уголовного законодательства с международным уголовным правом определяется все же не морально-этическими соображениями, а исключительно юридическими доводами. Для документов, принимаемых в рамках региональных организаций, типичен, как правило, императивный характер возлагаемых ими на государства обязанностей, в том числе и в отношении международного права, что исключает возможность значительного отклонения от содержания таких норм при адаптации к ним национального права, позволяя лишь постепенно развивать уже существующие подходы.

Так, упомянутый выше Протокол (Малабо – столица Экваториальной Гвинеи), который по состоянию на 2024 г. ратифицировала лишь Ангола (осталось еще 14 ратификаций государствами – членами Африканского Союза), идет много дальше Римского статута. Например, к ставшему классическим определению геноцида он добавляет еще одно деяние – «акты изнасилований или любые другие формы сексуального насилия» (ст. 28B(f)), что обусловлено повсеместным распространением этого несчастия в районе Великих озер¹². Статья 28D Протокола, устанавливая

¹² Добавим к сказанному, что в данном отношении страны Африканского Союза не одиноки. Даже в таких, казалось бы, далеких от «колыбели цивилизации», коей является Африка, странах, как Беларусь и Грузия, указанное понятие также расширено по сравнению с Конвенцией о геноциде за счет включения, по-

перечень военных преступлений, добавляет к уже существующим в Римском статуте 53 составам еще 14, в том числе атаки на источники повышенной опасности (включая электростанции, дамбы и т. д.), использование оружия массового поражения, вербовку детей, не достигших 18-летнего возраста, в ряды вооруженных сил или непосредственное использование их в боевых действиях (здесь Протокол, напротив, заметно сузил установленный в международном праве стандарт, согласно которому данное преступление образует вербовка не только в правительственные войска, но и в повстанческие группировки) и др. Также Протокол распространил ряд составов, ранее фигурировавших в контексте международных вооруженных конфликтов, на немеждународные и наоборот¹³.

В отношении преступления агрессии (ст. 28М) Протокол предполагает в качестве необходимого шага для квалификации установление акта агрессии, образующего грубое нарушение Устава ООН или Учредительного договора Африканского Союза, предпринятого в отношении территориальной неприкосновенности и безопасности населения государства – члена Африканского Союза. Как следствие, установления грубого нарушения Устава Советом Безопасности ООН может не потребоваться – достаточно позиции Африканского Союза.

Очевидно, что при ратификации подобного регионального документа государства-участники брали бы на себя достаточно жесткие обязательства по «африканизации» международного уголовного права, во многом опережающие даже те, что вытекают из Римского статута. Однако в единственной ратификации Протокола чувствуется стремление африканских государств уклониться от подобных обязательств, параллельно приспособлявая международные нормы к национальному праву.

Опыт унификации международных преступлений в странах Латинской Америки

Одним из мощных факторов воздействия международного уголовного права на сближение законодательств стран иберийской группы является Американская конвенция о правах человека 1969 г., которая если и не криминализировала те или иные деяния (все же это удел национального законодательства или Римского статута), то, по крайней мере, обозначила основные подходы, которых следует придерживаться при расследовании и наказании за подобного рода деяния. Так, в делах *Гельман*

мимо основных демографических групп, также «групп, определяемых на основе любого другого произвольного критерия» (ст. 127 УК Беларуси), или «объединенных по какому-либо иному признаку» (ст. 407 УК Грузии).

¹³ *Ambos K. Genocide (article 28B), crimes against humanity (article 28C), war crimes (article 28D) and the crime of aggression (article 28M) // The African criminal court: a commentary on the Malabo Protocol / eds. G. Werle, M. Vormbaum. Berlin : Asser Press, Springer, 2017. P. 42–49.*

против Уругвая и Гомес-Лунд и другие против Бразилии Межамериканский суд по правам человека (далее – МАСПЧ), действующий на основании указанной Конвенции, высказался против амнистии за международные преступления (см.: [13, с. 84]). Немало было сделано МАСПЧ и для конституирования насильственных исчезновений в качестве отдельного преступления по международному и национальному праву.

Анализ законодательства латиноамериканских стран показывает: безоговорочным лидером в деле сотрудничества с органами международного уголовного правосудия является Колумбия. Она делает это настолько успешно, что в октябре 2021 г. Прокурор МУС К. Хан прекратил предварительное изучение ситуации в этой стране, фактически уступив юрисдикцию Специальным судебным палатам «Правосудие ради мира» (исп. *Juridiccion Especial para la Paz*), где в качестве своеобразных *amicus curiae* заседают иностранные судьи (см.: [13, с. 93–97]). Более того, в этой стране, подобно Франции с ее «конституционным блоком», куда входят, как известно, Конституция 1958 г., преамбула к Конституции Четвертой Республики 1946 г. и Декларация прав человека и гражданина 1789 г., сконструирован такой же «конституционный блок» (исп. *bloque de constitucionalidad*), охватывающий не только Конституцию 1991 г., но и *inter alia* международные договоры, упомянутые в ст. 93 названной Конституции¹⁴.

В свою очередь, к обладающим верховенством над положениями внутреннего законодательства относятся «ратифицированные Конгрессом международные договоры и соглашения, которые признают права человека и запрещают их ограничение в случае введения чрезвычайного положения»¹⁵. Важно, что в той же статье установлено: «Если Римский статут предусматривает регулирование существенных вопросов на основе иных правовых положений, чем те, которые содержатся в Конституции, указанное регулирование распространяется только на сферу действия Статута»¹⁶. Иными словами, если Римский статут предусматривает нормы, идущие вразрез с Конституцией Колумбии (например, в части выдачи или экстрадиции собственных граждан), то такого рода исключения возможны только для нужд Римского статута, а не как общее правило в отношениях с иными участниками международного общения. Неслучайно при подготовке конституционной реформы, вызванной заключением Картахенского мирного соглашения 2016 г. с боевиками FARC, в

¹⁴ *Ambos K., Cote Barco G. E.* International (criminal) law as applicable law in the Special Jurisdiction for Peace: bloque de constitucionalidad and the principle of legality // Gottingen handbook on Latin America. Public law and criminal justice. G. : University of Gottingen, 2023. P. 114.

¹⁵ Конституции государств Америки : в 3 т. Т. 3 : Южная Америка / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗиСП, 2006. С. 571.

¹⁶ Там же.

Конгрессе раздавались голоса о необходимости инкорпорации Римского статута непосредственно в «тело» Конституции¹⁷. Как бы там ни было, Колумбия на сегодняшний день едва ли не единственная страна Южной Америки, за исключением Аргентины, где судьи ежедневно применяют положения международного уголовного права, имплементированные с глубокой тщательностью в национальное законодательство.

В целом в отношении латиноамериканских стран, ратифицировавших Римский статут, картина выглядит следующим образом: в Аргентине, Чили, Коста-Рике, Панаме и Уругвае соответствующая имплементация положений Римского статута была осуществлена вскоре после присоединения к нему. В Колумбии частичная кодификация военных преступлений и грубых нарушений международного гуманитарного права (далее – МГП) была проведена еще раньше. Боливия, Бразилия, Доминикана, Эквадор, Парагвай и Перу годами обсуждали соответствующие изменения в законодательство, а Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика и Венесуэла до недавнего времени вообще не предпринимали никаких усилий в обозначенном направлении (и по сей день в Венесуэле, оказавшейся в центре внимания Прокурора МУС и раздираемой двоевластием и экономическим кризисом, имплементация подобных норм выглядит нереалистичной) [14, с. 466]. Любопытно, что Куба, не участвующая в Римском статуте, в ходе широкомасштабной реформы 2019 г. на конституционном уровне признала агрессивную войну международным преступлением (ст. 16) и имплементировала норму Договора Тлателолко о создании безъядерной зоны в Южной Америке¹⁸.

Обращают на себя внимание названия соответствующих разделов национальных УК, предусматривающих ответственность за международные преступления: «преступления, влияющие на международные отношения Нации» – в Аргентине, «преступления против международного права» – в Венесуэле, Мексике и Боливии, «преступления международного значения» – в Гватемале и Доминикане, «преступления против лиц и собственности, защищаемых МГП» – в Колумбии, «преступления против человечности» – в Панаме и Парагвае, «серьезные нарушения прав человека и преступления против МГП» – в Эквадоре. В Уругвае и Чили соответствующие нормы в УК отсутствуют, а уголовная ответственность за их нарушение устанавливается специальными нормативными актами (здесь и далее обзор латиноамериканского законодательства дается по: [15]).

В законодательстве ряда стран Латинской Америки имеются сходные формулировки международных преступлений, особенно в отношении геноцида. А вот в отношении преступления агрессии их пугающе мало:

¹⁷ *Ambos K., Cote Barco G. E. Op. cit. P. 115, 116.*

¹⁸ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Cuba_2019.

фактически только УК Эквадора и Гондураса, пережившего «Футбольную войну» 1969 г., предусматривают данное преступление. При этом эквадорское законодательство отталкивается от формулировки Устава МВТ в Нюрнберге, и лишь УК Гондураса отсылает к Римскому статуту [15, с. 13]. Отчасти это связано с тем, что в иберийской уголовной традиции под понятием «агрессия» понимается не вооруженное нападение одного государства на другое, а так называемая «агрессия против людей», т. е. физическая агрессия человека в отношении другого человека, нередко с помощью собаки или другого животного. Не будем также забывать, что в Латинской Америке многие государства имеют территориальные претензии друг к другу [16], а потому они не заинтересованы в том, чтобы периодически предпринимаемые, но чаще всего безуспешные попытки «отбить» какие-то спорные территории силой (последний пример тому – венесуэльско-гайанский кризис 2023 г.) воспринимались бы как тягчайшие преступления по международному праву и нормам собственных УК.

Более благоприятная картина, как отмечалось выше, складывается с криминализацией геноцида. Нормы о его запрете в некоторых государствах содержатся непосредственно в конституции (Боливия, Парагвай, Эквадор). В Чили и Уругвае соответствующий запрет содержится в специальных законах, кодифицировавших международные преступления после присоединения этих стран к Римскому статуту, а в Бразилии – в Акте о геноциде, принятом еще в 1956 г. В остальных государствах квалифицирующие признаки этого «преступления преступлений» с небольшими вариациями содержатся в национальных УК. Причем в Панаме, а равно Колумбии, Коста-Рике и Эквадоре к защищаемым группам относятся также группы, сложившиеся по политическим убеждениям.

Несколько более проблемной остается ситуация с криминализацией преступлений против человечности. В южноамериканских государствах только УК Перу и Эквадора, а также законодательство Чили и Уругвая содержат сходные формулировки, максимально полно учитывающие положения Римского статута. В остальных странах, несмотря на ратификацию ими Статута, нормативные акты, содержащие преступления против человечности, отличаются «местным колоритом». Например, в Коста-Рике в качестве такового рассматривается дискриминация, в Перу – клонирование человека и т. д. Неслучайно ученые говорят о феномене «неокриминальных деяний», т. е. таких, которые *stricto sensu* не признаются международными преступлениями, однако в целом осуждаются международным сообществом в ряде актов [17, с. 177]. В Российской Федерации примером такого неокриминального деяния может служить реабилитация нацизма, предусмотренная в ст. 354.1 УК РФ и размещенная в соответствующей главе о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Наконец, в отношении военных преступлений в Латинской Америке также отсутствует унифицированный подход. В большинстве стран –

дань континентальной традиции! – соответствующие составы предусмотрены в военных УК. В частности, это имеет место в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле (в весьма скромном объеме), Гондурасе, Коста-Рике, Колумбии, Парагвае, Перу, Чили, Уругвае и Эквадоре. Однако здесь видны существенные различия. Например, если ст. 8(b)(iv) Римского статута устанавливает ответственность за отказ в предоставлении гарантий справедливого правосудия, то в Эквадоре в качестве военного преступления рассматривается любая отмена конституционных гарантий или юридических действий покровительствуемых лиц на оккупированной территории. А в Уругвае военным преступлением признается умышленное игнорирование «взрывоопасных пережитков войны» вопреки предотвращению проникновения гражданского населения на заминированные территории. Военно-уголовное законодательство Сальвадора и Панамы содержит нормы о «праве военной добычи» и «призовом праве», регулирующие раздел награбленного имущества солдатами в духе XVIII в. В частности, криминализируется раздел военной добычи, когда она еще не объявлена таковой (по сути, речь идет о банальном мародерстве), тогда как подход Римского статута исходит из более современного понятия разграбления для частного или личного пользования (ст. 8(2)(b)(xvi) и 8(2)(e)(v)). Имеющийся перечень расхождений между нормами международного уголовного права и национальными УК без особого труда может быть многократно умножен.

Римский статут и страны СНГ

К сожалению, объем настоящего исследования не позволяет столь же детально остановиться на имплементации международных преступлений в других регионах мира, в частности странах СНГ. Отметим только, что четыре государства (Казахстан, Россия, Таджикистан и Туркменистан), из которых лишь одно – Таджикистан – ратифицировало Римский статут, не предусматривают в своем законодательстве преступления против человечности в чистом виде (в УК РФ есть «каучуковая» ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», которая лишь отчасти покрывает собой данные преступления). Еще две страны – Украина и Узбекистан, одна из которых совсем недавно ратифицировала Римский статут (Украина), вот уже много лет находятся на стадии разработки соответствующего законодательства, частично ввели в свои УК некоторые международные преступления, например преступления против человечности (ст. 442-1 УК Украины), однако полноценной кодификации в духе Римского статута пока не осуществили. Наконец, девять государств (Армения, Беларусь, Азербайджан, страны Балтии, Грузия, Киргизия и Молдова), шесть из которых ратифицировали Римский статут (Армения, Грузия, Молдова, страны Балтии), предусмотрели в УК международные преступления, включая преступления против человечности, в качестве отдельных составов (подсчитано по: [18]).

Примечательно, что помимо различий в материально-правовом закреплении тех или иных преступлений в странах СНГ наблюдаются существенные различия в процессуальных особенностях борьбы с ними. Так, в Беларуси предусмотрено осуждение *post mortem* (ст. 468-14 УПК) – случай, абсолютно немыслимый для других стран СНГ, где виновный считается искупившим уголовно-правовой упрек со стороны государства в момент своей смерти. Результатом этой новеллы стало проведение, по сути дела, заочных разбирательств в отношении умерших нацистов и их пособников из числа местного населения¹⁹. Более того, 5 января 2022 г. был принят Закон «О геноциде белорусского народа»²⁰, который признал массовые преступления в отношении белорусского народа, совершенные на протяжении 1941–1951 гг., именно геноцидом (хотя сам термин появился в международном праве лишь в 1948 г.).

Применительно к странам СНГ бросается в глаза одна характерная особенность: на национальное уголовное законодательство может оказывать влияние не столько Римский статут *per se*, диктующий элементы и номенклатуру международных преступлений, сколько внутригосударственное право той страны, которая служит для первой сравнительно-правовым ориентиром. Поясним сказанное конкретным примером.

При подготовке первого УК независимой Молдовы 2002 г. законодатель ориентировался не на нормы Модельного УК для стран СНГ, принятого Межпарламентской ассамблеей государств-участников 17 февраля 1996 г., а на УК Румынии 1968 г. (с последующими изменениями и дополнениями). Но когда в 2010 г. Молдова ратифицировала Римский статут, а тремя годами позже привела свое законодательство в соответствие с ним, то здесь «источником вдохновения» выступил уже немецкий Кодекс 2002 г. [20, р. 20].

Обсуждение и заключение

Итак, сближение национальных уголовных законодательств вследствие должного исполнения государствами обязательств по международному уголовному праву, вытекающих из участия в Римском статуте, имеет следующие особенности.

1. Хотя такое сближение и не является официальной целью присоединения к МУС, объективно оно служит средством достижения этой цели, т. е. обозначенной в Римском статуте цели обеспечения действенного преследования самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и с помощью активизации международного со-

¹⁹ Например, дело В. Катрюка, умершего в Канаде в 2015 г., было рассмотрено Верховным Судом в 2024 г., по итогам которого подсудимый был признан виновным в геноциде белорусского народа [19, с. 180].

²⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146>.

трудничества. В то же время сближение законодательств государств – участников Римского статута стимулирует их деятельность по развитию собственно международного уголовного права посредством работы в Ассамблее государств-участников, предложений поправок к Римскому статуту, выбора судей МУС и т. д.

2. Возможности сближения ограничены особенностями самих международных норм, поскольку наряду с универсальными документами (наподобие Римского статута) среди них имеется большое число норм, различающихся не только по кругу лиц, охватываемых защитой, но и по географической сфере распространения (например, Протокол Малабо рассчитан исключительно на государства – члены Африканского Союза). Кроме того, нельзя утверждать, что положения Римского статута носят самоисполнимый характер, поскольку для их должной имплементации на внутригосударственном уровне непременно требуется модернизация национального законодательства и, самое главное, установление мер наказания за совершение преступлений, предусмотренных в нем.

3. Такая модификация, в свою очередь, обусловлена национальными факторами: особенностями законодательства об исполнении международных договоров, спецификой уголовного права, судебной практики и т. д.

В результате воздействия всех указанных выше факторов степень и формы сближения национального законодательства в ходе имплементации положений Римского статута могут быть весьма различными. Это позволяет говорить о том, что следствием имплементации норм международного уголовного права, принимаемых в рамках МУС, является не столько унификация национальных законодательств, сколько унификация результатов правового регулирования соответствующих преступлений в направлении усиления борьбы с ними.

Список источников

1. Богуш Г. И., Есаков Г. А., Русинова В. Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. М. : Проспект, 2017. 176 с. ISBN: 978-5-392-25346-3.
2. Головкин А. Вторая волна постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций: первые итоги // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2019. № 3. С. 42–53.
3. Sayapin S. A curious aggression trial in Ukraine // Journal of International Criminal Justice. 2018. Vol. 16, issue 5. P. 1093–1104. DOI: 10.1093/jicj/mqy050.
4. Эппле Н. Неудобное прошлое. М. : НЛО, 2020. 576 с. ISBN: 978-5-4448-2565-5.

5. Jesberger F. A short history of prosecuting crimes under international law in Germany // *Journal of International Criminal Justice*. 2023. Vol. 21, issue 4. P. 779–792. DOI: 10.1093/jicj/mqad039.
6. Полянский Н. Исторические прецеденты привлечения к ответственности преступников войны // *Исторический журнал*. 1943. № 1. С. 68–71.
7. Bock S. The German Code of crimes against international law at twenty // *Journal of International Criminal Justice*. 2023. Vol. 21, issue 4. P. 793–813. DOI: 10.1093/jicj/mqad041.
8. Mancini M. Italy and international criminal justice: mapping the present and charting the path ahead // *International Criminal Law Review*. 2024. № 24. P. 745–758.
9. Румянцев А. Политические идеологии и их реализация на фоне геополитического конфликта: анализ понятия «либеральный конституционализм» // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. № 4. С. 4–39. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-4-39.
10. Stahn C. Confronting colonial amnesia // *Journal of International Criminal Justice*. 2020. Vol. 18, issue 4. P. 793–824. DOI: 10.1093/jicj/mqaa052.
11. Варламова Н. В. Политика памяти в ЕС: осмысление колониального прошлого // *Государство и право*. 2024. № 10. С. 193–205. DOI: 10.31857/S1026945224100178.
12. Hodgson N. Resisting the state crimes of the global North // *Journal of International Criminal Justice*. 2024. Vol. 22, issue 1. P. 151–168. DOI: 10.1093/jicj/mqae010.
13. Евсеев А. Переходное правосудие в Колумбии: нереализованный потенциал // *Международное правосудие*. 2020. № 4. С. 77–99. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99.
14. Herencia Carrasco S. Implementation of war crimes in Latin America: an assessment of the impact of the Rome Statute of the International Criminal Court // *International Criminal Law Review*. 2010. № 10. P. 461–473. DOI: 10.1163/157181210X518929.
15. Опалич Е. Ответственность за международные преступления по законодательству стран Латинской Америки. М. : Автор, 2024. 263 с. ISBN: 9785046078015.
16. Добронравин Н. А., Добронравина С. Н. Право и справедливость в Карибском море: проблема морских границ // *Латинская Америка*. 2016. № 4. С. 68–82.
17. Коробеев А. И., Лобач Д. В. Преступления против мира и безопасности человечества в уголовном законодательстве государств на постсоветском пространстве // *Всероссийский криминологиче-*

- ский журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 170–180. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180.
18. Sayapin S. Why a crimes against humanity convention from a perspective of post-Soviet states? // *African Journal of International Criminal Justice*. 2020. Vol. 6, issue 2. P. 125–135. DOI: 10.5553/AJ/2352068X2020006002004.
19. Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности // *Государство и право*. 2024. № 3. С. 176–184. DOI: 10.31857/S1026945224030176.
20. Задоя К. Криміналізація воєнних злочинів у національних правових системах: досвід Молдови як урок для України // *Evropsky politicky a pravni diskurz*. 2018. Vol. 5, issue 2. P. 14–24.

References

1. Bogush, G. I., Esakov, G. A., Rusinova, V. N. [*International crimes: a model of implementation in Russian criminal legislation*]. Moscow: Prospekt; 2017. 176 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-25346-3.
2. Golovko, L. [The second wave of post-Soviet criminal procedure codifications: first results]. *Bulletin of Yerevan University. Jurisprudence*. 2019;(3):42-53. (In Russ.)
3. Sayapin, S. A curious aggression trial in Ukraine. *Journal of International Criminal Justice*. 2018;16(5):1093-1104. DOI: 10.1093/jicj/mqy050.
4. Epple, N. [*An inconvenient past*]. Moscow: NLO; 2020. 576 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-2565-5.
5. Jesberger, F. A short history of prosecuting crimes under international law in Germany. *Journal of International Criminal Justice*. 2023;21(4):779-792. DOI:10.1093/jicj/mqad039.
6. Polyansky, N. [Historical precedents for bringing war criminals to justice]. *Istoricheskij jurnal = [Historical Journal]*. 1943;(1):68-71. (In Russ.)
7. Bock, S. The German code of crimes against international law at twenty. *Journal of International Criminal Justice*. 2023;21(4):793-813. DOI: 10.1093/jicj/mqad041.
8. Mancini, M. Italy and international criminal justice: mapping the present and charting the path ahead. *International Criminal Law Review*. 2024;(24):745-758.
9. Rumyantsev, A. Political ideologies and their realization framed by a geopolitical conflict: an analysis of “liberal constitutionalism”. *Comparative Constitutional Review*. 2024;(4):4-39. (In Russ.) DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-4-39.
10. Stahn, C. Confronting colonial amnesia. *Journal of International Criminal Justice*. 2020;18(4):793-824. DOI: 10.1093/jicj/mqaa052.

11. Varlamova, N. V. Memory politics in the EU: understanding the colonial past. *State and Law*. 2024;(10):193-205. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224100178.
12. Hodgson, N. Resisting the state crimes of the global North. *Journal of International Criminal Justice*. 2024;22(1):151–68. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqae010>.
13. Evseev, A. Transitional justice in Colombia: unrealized potential. *International Justice*. 2020;(4):77-99. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99.
14. Herencia Carrasco, S. Implementation of war crimes in Latin America: an assessment of the impact of the Rome Statute of the International Criminal Court. *International Criminal Law Review*. 2010;(10):461-473. DOI: 10.1163/157181210X518929.
15. Opalich, E. *[Responsibility for international crimes under the legislation of Latin American countries]*. Moscow: Avthor; 2024. 263 p. (In Russ.) ISBN: 9785046078015.
16. Dobronravin, N. A., Dobronravina, S. N. Law and justice in the Caribbean Sea: the problem of maritime boundaries. *Latin America*. 2016;(4):68-82. (In Russ.)
17. Korobehev, A. I., Lobach, D. V. Crimes against peace and security of mankind in the criminal legislation of states in the post-Soviet space. *All-Russian Criminological Journal*. 2024. 18;(2):170-180. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180.
18. Sayapin, S. Why a crimes against humanity convention from a perspective of post-Soviet states ? *African Journal of International Criminal Justice*. 2020;6(2):125-135. DOI: 10.5553/AJ/2352068X2020006002004.
19. Kamenetsky, Yu. F. The essence and significance of convicting dead Nazis for crimes without statute of limitations. *State and Law*. 2024;(3):176-184. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224030176.
20. Zadoya, K. Criminalization of military crimes in national legal systems: evidence from Moldova as a lesson for Ukraine. *Evropsky politicky a pravni diskurz = [European Political and Legal Discourse]*. 2018;5(2):14-24. (In Ukr.)

Информация об авторе / Information about the author

Евсеев Александр Петрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Alexander P. Evseev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Russian State University of Jus-

tice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 30.12.2024; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 03.04.2025.